

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ II

Глава четырнадцатая

ГИБЕЛЬ ФРОНТОВ. ВЯЗЬМА — ОКТЯБРЬ 41-ГО

“Жёсткой обороной в тактической полосе разбить наступающего противника...”

Наверное, это был самый сложный, самый трагичный период в истории Великой Отечественной войны. Да и в жизни Конева тоже. Немецкие танковые клинья, прорвавшие линии обороны наших войск и смявшие, разметавшие за несколько суток в жесточайшей схватке армии обоих наших фронтов, Западного и Резервного, оказались в нескольких десятках километров от пригородов Москвы. Командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева, допустившего серьёзные просчёты в ходе боёв на Ржевском и Вяземском направлениях и фактически утратившего связь с рассеянными на части и окружёнными армиями, обречёнными на уничтожение, ожидала участь генерала Павлова.

Однажды кто-то из иностранных журналистов во время интервью, об итогах Берлинской операции, когда танки I-го Украинского фронта первыми ворвались в столицу фашистской Германии, спросил маршала, что, видимо, эти события и были *высшей точкой его военной судьбы...*

Окончание. Начало см. в №5 за 2012 год.

— Нет, — ответил маршал. — Какая же это высшая точка? Высшая точка моей военной судьбы — это Москва, Московское сражение, когда терпели поражение от немцев, потом погнали их от Москвы.

Вышей точкой судьбы, таким образом, для Конева были не успех, не слава, а ответственность, исполнение долга на грани невозможного. Дни жесточайшего противостояния, когда именно на подмосковных рубежах решалось, кто кого.

Окрылённый относительным успехом под Духовщиной, внеочередной звездой в петлицы и новым назначением, Конева принялся готовить свои армии и соединения к предстоящим боям.

На центральном участке советско-германского фронта установилось временное затишье.

По плану “Барбаросса” немецкие войска должны были войти в Москву 1 октября.

Ещё 4 августа Гитлер прилетел в Борисов, в штаб группы армий “Центр” и провёл там совещание. Фюрер слушал доклады своих фельдмаршалов и генералов, командующих армиями и танковыми группами и решал с ними главный вопрос: где, на каком участке Русского фронта сосредоточить основные усилия — наступать на Москву или вначале всё же взять Киев? Он заявил:

— Я рассчитывал, что группа армий “Центр”, достигнув рубежа Днепр—Западная Двина, временно перейдет здесь к обороне, однако обстановка складывается так благоприятно, что нужно ее быстро осмыслить и принять новое решение. На втором после Ленинграда месте по важности для противника стоит юг России, в частности, Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к краху всей экономики русских... Поэтому операция на юго-восточном направлении мне кажется первоочередной, а что касается действий строго на восток, то здесь лучше временно перейти к обороне.

Экономической концепции войны воспротивился главный на тот момент оппонент Гитлера фон Бок. Командующий группой армий “Центр” хорошо понимал, что главная цель — разбить русские армии, истребить Красную армию как таковую — ещё не достигнута. Русские ускользнули и из-под Минска, и из-под Смоленска, что ничего не даст и поворот танковых групп на юг и на север. Фон Бока и его сторонников из числа фронтовых генералов, реально оценивавших обстановку, беспокоило, кроме вопросов тактики, главное: пока Красная армия не разбита, продвигаться вглубь России опасно; необходимо навязать противнику, его основным силам решающее сражение. Основные же силы русских, по данным разведки, концентрировались на фронте группы армий “Центр”.

— Наступление на восток в направлении Москвы будет предпринято против основных сил противника, — заявил фон Бок. — Разгром этих сил решил бы исход войны.

“Тайфун”, по замыслам немецкого командования, должен был стать завершающей стадией “Барбароссы”. План “Тайфуна”, разработанный штабами с особой тщательностью, учитывал, казалось, всё. Но этой операции, грандиозной по своим масштабам и массе вовлечённых в неё войск, количеству боевой техники и вооружения, история уготовила иную судьбу.

Немецкая группировка насчитывала 1 800 000 солдат и офицеров. Их вооружение: более 14 000 орудий и миномётов, 1 700 танков. В ближних тылах для обеспечения группировки, изготовившейся к броску на Москву, были сосредоточены многочисленные склады с боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами и обмундированием. 2-й воздушный флот — 1 290 самолётов различных типов — занял наиболее удобные аэродромы и базы. Некоторые зарубежные историки называют цифры, которые значительно выше общепринятых. К примеру, американский исследователь Второй мировой войны Дэвид Гланц утверждает, что в последний и решающий бой на Москву Гитлер послал своих солдат, вручив им 3 350 танков и

2 770 самолётов. С учётом трофейной техники и вооружения, а также частей, формально принадлежавших в этот период группам армий “Север” и “Юг”, но действовавших в полосе наступления центральной группировки, возможно, так оно и было. Получив в распоряжение такой ресурс, равного которому за всю историю войн не имел ещё ни один военачальник, фон Бок, до этой поры довольно осторожный, готов был броситься вперёд даже с открытыми флангами. Ему казалось, что такую махину не остановит никто. Разведка подогревала его мечты: главная группировка советских войск стоит непосредственно перед ним, а дальше — пустота.

Читая немецкие документы того периода и дневники фон Бока, Гальдера, Гудериана, воспоминания офицеров, командовавших в период московских боёв полками, батальонами и ротами, а также рядовых солдат вермахта и СС, невольно приходишь к мысли о том, что все они не вполне отдавали себе отчёт, с кем имеют дело.

Гигантской группировке фон Бока, которой предстояло исправить историческую ошибку Наполеона, а именно — разбить русские войска и с триумфом войти в Москву, — противостояли три фронта: Западный (генерал-полковник Конев), Резервный (маршал Будённый) и Брянский (генерал-полковник Ерёмко).

По данным Института военной истории, силы советских фронтов насчитывали 1 250 019 человек.

В центре обороны стояли армии Конева. Их было шесть: 16-я (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), 19-я (генерал-лейтенант М. Ф. Лукин), 20-я (генерал-лейтенант Ф. А. Ершаков), 22-я (генерал-майор В. А. Юшкевич), 29-я (генерал-лейтенант И. И. Масленников), 30-я (генерал-майор В. А. Хоменко).

Армии к тому времени стали небольшими. Согласно решению Ставки, к осени практически был завершён переход к системе небольших армий в пять, максимум шесть дивизий без корпусных управлений. По штату от 29.07.41. дивизии, в свою очередь, тоже были уменьшены почти на 30% и теперь имели в своём составе 11 634 человека. К 17 сентября из стрелковых дивизий изъяли вторые артполки. В распоряжении командира дивизии для огневой поддержки полков оставался один артполк при 16 орудиях калибра 76 мм и 8 — 122 мм. Сократилось также количество автомобильного и гужевого транспорта. Таким образом, к началу осеннего немецкого наступления на Москву советская стрелковая дивизия, укомплектованная по полному штату, в полтора раза уступала немецкой пехотной по всем основным показателям, а по орудиям и миномётам в 2,1 раза.

Кроме того, многие дивизии с августа практически не выходили из боёв, проводя частные наступательные операции, и не имели даже сокращённого штата.

Когда Конев объехал свои войска и на месте ознакомился с обстановкой, когда воочию увидел то, о чём докладывали командармы, — растрёпанные в летних боях дивизии, маршевые роты, поступающие из тыла необученными и безоружными, когда батальонами командуют лейтенанты, на взводах в лучшем случае сержанты из резервистов, многие бойцы не знают материальной части винтовки, не хватает специалистов — пулемётчиков, миномётчиков, артиллеристов, — в общем, когда новый комфронта понял, на какое хозяйство его определила Ставка и судьба, с присущей ему энергией принял ся наводить порядок. Уже 19 сентября был издан приказ по фронту о переходе на сокращённые штаты и полном укомплектовании подразделений. Приходилось идти на самые радикальные меры, чтобы повысить боеспособность войск. К примеру, были расформированы 170-я и 98-я стрелковые дивизии, а их остатками и матчастью доукомплектовали дивизии 22-й армии, нуждавшиеся в пополнении и оснащении.

“Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, — вспоминал маршал, — имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7–8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным

средством борьбы с танками. Были и такие части, где не доставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок. Дело не в том, что кто-то этого не предусмотрел, а в том, что немцы разгромили ряд складов, находившихся на территории Белорусского военного округа, и оружие приходилось доставлять с центральных складов, которые были от Москвы на большом удалении”.

14 сентября 1941 года Сталин срочно вызвал Конева в Ставку. Новый комфронт прервал свою поездку по подразделениям и прибыл в Москву.

Конев: “Встреча со Сталиным происходила в присутствии членов Государственного Комитета Оборона. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск. Однако в ходе дальнейшей беседы обсуждению подвергся ряд вопросов, непосредственно не относившихся к фронтовым делам, — это были общие вопросы строительства Советской Армии. Обсуждался также вопрос о награждении командиров орденами, не следует ли создать отдельные ордена для командиров частей, соединений, командующих армиями и фронтами, а также офицерского состава. Сталин спросил, как я смотрю на то, чтобы установить ордена Кутузова и Суворова. Конечно, я поддержал это предложение, поддержали его и присутствовавшие члены Государственного Комитета Оборона. Сталин тут же поручил начальнику тыла Советской Армии А. В. Хрулёву разработать статут полководческих орденов, которыми во время войны стали награждать офицеров и генералов Советской Армии”.

Эти воспоминания маршал надиктовал уже после написания “Записок командующего фронтом”. Прошли годы, миновали времена, и уже стало возможным кое-что (пока ещё немного) осмыслить по-новому. И неважно, что, видимо, по инерции маршал называет Красную армию Советской Армией. Суть в другом.

Самое тяжкое своё поражение Конев испытал именно тогда, под Москвой, когда ему был передан Западный фронт.

Конечно, когда только что назначенного на должность комфронта, прибывшего с передовой, где не хватало винтовок и бутылок с горючей смесью, в Ставке начали спрашивать, что он думает по поводу учреждения орденов Суворова и Кутузова, ему, обескураженному, ничего другого не оставалось, как отвечать по существу заданного вопроса. И надеяться на то, что разговор всё же вернётся к более насущному.

Но: “Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также не дал никакой ориентировки”.

Конев вернулся в штаб фронта в Касню. На душе было неспокойно. Начальник штаба фронта генерал Соколовский тут же подал донесения авиационной и агентурной разведки: противник, прикрываясь вьялыми действиями на фронте своей обороной, производит активную перегруппировку в своём тылу; установлен подход к фронту новых частей, в том числе танковых и моторизованных, в частности, в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня—Кардымово и на левом крыле 20-й армии. Армейская и дивизионная разведка подтверждала эти данные.

В ту же ночь штаб подготовил директиву для командармов: активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки на всех участках; действовать сильными разведотрядами, главным образом ночью; держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов; уточнить группировку противника, стыки подразделений, резервы перед фронтом армий.

Конев-мемуарист очень деликатен. Нет в его книгах попытки перевоевать какое-то сражение или бой задним числом и навязчивой идеи поиска виновных. Вот и здесь он словно бы мимоходом говорит о создании прочной обороны *с выводом войск в резерв*. Что это означало? А означало это то, что войска обучались маневру отступления, отходу на резервные позиции. Второе: как бы ни было тяжело на передовой, но командиры частей и соединений получили приказ комфронта создавать собственные резервы, и резервы

создавались. Вскоре это поможет некоторым дивизиям и полкам вырваться из окружения с минимальными потерями, более успешно действовать во время обороны и в момент прорыва.

Имел некоторый резерв и командующий: дивизии, которые были особенно ослаблены и нуждались в пополнении и вооружении, он приказал вывести во второй эшелон и пополнять их по мере поступления из тылов маршевых подразделений. Вооружали их тем, что поступало из оружейных и артмастерских, а также передавали новую технику, винтовки и автоматы, выделенные Ставкой для оснащения и усиления Западного фронта. Основные грузы, обещанные фронту — пушки, гаубицы, миномёты, грузовики, пулемёты, автоматы, винтовки, гранаты и бутылки с КС, — как говорят военные, с прибытием задерживались.

Поскольку новой техники и вооружения поступало мало, Конев приказал отремонтировать и поставить в строй всю покалеченную, но вывезенную с поля боя технику, особенно танки и артиллерийские орудия, миномёты. Ремонтировалось и стрелковое вооружение. Особенно не хватало пулемётов — чтобы перекрыть надёжным огнём особенно беспокойные и опасные участки обороны.

Конев: “Несмотря на принятые меры, плотность обороны и в противотанковом отношении, и в артиллерийском была явно слабой. Ощущался острый недостаток стрелкового вооружения”.

В конце семидесятых годов в одной из деревень, входившей в 41-м году в Смоленскую область, мне удалось отыскать бывшего старшину, воевавшего под Вязьмой и попавшего там в плен. Ефим Трифонович Половой осенью 41-го года призывался уже на четвертую войну. Сейчас бы такого назвали профессиональным солдатом. Таковым он по существу и был. На призывной пункт он прибыл в форме, в которой полгода назад прибыл из Западной Белоруссии. Затем, когда из запасного полка их маршевый батальон прибыл на передовую, он, кроме кадровых офицеров, командиров рот, был единственным, кто имел военную форму. Возможно, именно поэтому ему дали винтовку. Большинство были вооружены винтовками старого образца, по три-четыре винтовки на отделение, из них половина учебные, с рассверленными патронниками. Когда стали приближаться к передовой, всем выдали по тридцать патронов, даже тем, у кого не было винтовок, и по три запала для гранат образца 1914 года. “Когда те запалы раздавали, — вспоминал Ефим Трифонович, — я спросил: а где же, мол, гранаты? Там, сказали, на передовой, там и гранаты, и винтовки, и пулемёты. На передовой, сказали, всё получите. Получили...” А получил Ефим Трифонович 8 октября 1941 года контузию и осколок в бедро размером с ладонь, который ему вытащили уже в лагерьном лазарете. Чудом выжил в плену. Вернулся в свою родную деревню и всю жизнь вспоминал свой единственный бой под Вязьмой, который начался утром на рассвете 8 октября и закончился для него около полудня того же дня.

За неделю до немецкого наступления начальник Генерального штаба маршал Шапошников позвонил по “Бодо”:

Шапошников: — В связи с переходом вас к временной обороне Верховный Главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Конев: — Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны. Укомплектование ещё не прибыло. Могу выполнить через пять дней по прибытии пополнения.

Шапошников: — Кто командует этими дивизиями? В какой численности эти дивизии и какие номера этих дивизий?

Конев: — Могу выделить с большим ущербом для фронта 64-ю СД и 1-ю МСД. 1-й командует Герой Советского Союза Лизюков, 64-й — полковник Грязнев. Прошу взамен этого 10-ю ТД не расформировывать, а сформировать и сделать её мотострелковой дивизией”.

Шапошников попросил охарактеризовать выделяемые дивизии: численный состав стрелковых полков и танкового полка 1-й мотострелковой ди-

визии. Как оказалось, он насчитывал 45 танков, правда, все танки старых образцов.

Любопытная деталь. Во-первых, диалог начальника Генштаба и комфронта демонстрирует проблему, которая в первый период войны буквально по рукам и ногам связывала командный состав Красной армии, — несамостоятельность в принятии тех или иных решений, полное отсутствие командирской инициативы. Шапошников действует как офицер по особым поручениям Верховного Главнокомандующего. Ни больше ни меньше. И во-вторых, Конев, хорошо понимая ситуацию и то, что отказать он не может, пытается затянуть сроки передачи дивизий. Можно предположить, что он ожидал: немцы ударят раньше, чем истечёт пятидневный срок. Затем, когда его дипломатия не удалась, делает ещё одну попытку хоть что-то выторговать: оставить ему 10-ю танковую, пополнить её и реорганизовать в мотострелковую.

Но в разговоре с маршалом Шапошниковым Конев отступает до определённого рубежа. Более того, несколько дней назад со смутной душой возвратившийся из Ставки, где ожидал иного, более конкретного разговора о предстоящих боях, комфронта обрушивает поток информации на начальника Генерального штаба в надежде на то, что отреагирует хотя бы он, профессиональный военный.

Шапошников: — Я считаю, что вы мало выделили стрелковых дивизий, можно выделить больше. Какую, кроме 64-й, можете дать в резерв Ставки?

Конев: — Из стрелковых дивизий выделить больше никого не могу, так как все остальные дивизии исключительно малочисленные. Прошу утвердить названные мною 1-ю МСД и 64-ю дивизии. У нас это лучшие дивизии. И они дрались крепко. Всё, что могу сделать для их укомплектования, сделаю из внутренних ресурсов, но чего-либо значительного из людского пополнения наскрести не смогу. Ваши указания — побольше выделить резервов — сейчас выполнить не сумею. Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостатки пулемётного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130–200 человек. Ваши указания приму к исполнению и всё, что позволит обстановка, вытяну в резерв. Докладываю, что положение 22-й армии немного улучшилось, но ещё стабильность не достигнута. Поэтому резервы на правом фланге иметь крайне необходимо, но сейчас создать их не имею возможности. Сегодня приказал 243-ю стрелковую дивизию 29-й армии, находящуюся в армейском резерве, ввести в бой на направлении Ивашков на участке 22-й армии с тем, чтобы ликвидировать группу противника, переправившуюся на восточный берег реки Западная Двина. Прошу ускорить присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий. Всё”.

Беспокоило Конева и ещё одно довольно серьёзное обстоятельство. Армии Резервного фронта частично стояли слева, южнее Ельни, прикрывая район Спас-Деменска и Кирова по оси Варшавского шоссе. Взаимодействие с южным соседом было слабое. Успокаивало то, что значительная часть войск Резервного фронта стояла вторым эшелоном в затылок его дивизиям. Позже выяснится, что это не так...

Немцы атаковали 2 октября на рассвете. День “Т” начался мощной артподготовкой. Затем в наступление пошли танки и лёгкая бронетехника с пехотой. В небе повисла штурмовая и бомбардировочная авиация. Сразу по нескольким командным пунктам, в том числе и по месту расположения штаба Западного фронта, были нанесены бомбо-штурмовые удары. Связь с некоторыми частями и соединениями нарушилась и не была восстановлена уже никогда, вплоть до окончательного их разгрома.

Вопреки ожиданиям, противник ударил в наименее защищённое место — в стык 30-й и 19-й армий. Вторым эшелоном, надёжно прикрывая стык, все эти дни напряжённо готовилась к обороне недавно сформированная 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина — полнокровные кадровые дивизии. Но буквально накануне начала операции “Тайфун” по приказу Генштаба армия почти в полном составе была снята с обустроенных и

пристрелянных позиций и начала грузиться в эшелоны для отправки на юг, в район Харькова.

3-я танковая группа Гота ударила из района севернее Духовщины и совместно с пехотными дивизиями 9-й полевой армии Штрауса повела наступление на Сычёвку, явно угрожая правому, внезапно оказавшемуся открытым флангу 19-й армии Лукина. Танковый клин начал охватывать Вязьму с севера, а затем, оттеснив и частично смяв войска 30-й армии Хоменко, и с северо-востока.

Исследователи вяземской катастрофы 1941 года говорят о том, что в полосе прорыва шириной до 16 километров, где стояла 162-я стрелковая дивизия и примыкавшие к ней — справа полк соседней 242-й стрелковой дивизии 30-й армии и слева полк 244-й стрелковой дивизии 19-й армии, — удар наносила группировка, состоявшая из восьми дивизий.

Одновременно были атакованы порядки Резервного фронта на участке, прилегающем к Варшавскому шоссе. 4-я танковая группа при поддержке пехотных частей 4-й полевой армии, прорвав оборону войск маршала Будённого, вышла на шоссе. Часть сил ринулась к Юхнову, а часть начала загигать основание клина в сторону Спас-Деменска, охватывая Вязьму и всю группировку находившихся здесь войск с юга и юго-востока. Возникла реальная угроза окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. Немецкий историк Пауль Карель в одной из своих книг, посвящённых походу Гитлера на Москву, об этом наступлении не без восхищения сказал: “Это был, наверное, самый выверенный план за всё время войны, и всё в нём работало как часы”.

С атакованных участков командармы сообщали о прорыве и попытках латания брешей резервами и усиленным огнём артиллерии. С каждым часом положение становилось всё хуже.

19-я армия. Лукин сообщает о том, что обозначился прорыв на его правом фланге, на стыке с 30-й армией. Принял меры по воспреещению охвата своего правого крыла, оказавшегося оголённым. Перебрасывает резервные части и артиллерию со слабо атакованных участков. “Связи с 30-й армией не имею”.

30-я армия. Хоменко докладывает: противник силою до двух пехотных полков при поддержке большого количества танков и до 120 самолётов прорвал оборону 162-й и 242-й стрелковых дивизий. Полки дерутся изолированно. Противник наносит бомбовые удары по городу Белый и железнодорожной станции Канютино. “Прошу помочь авиацией фронта”.

В 18.00 три группы пикирующих бомбардировщиков по 14–16 машин нанесли удар по командному пункту Конева в Касне. В налёте также участвовали бомбардировщики Ю-88, ими было сброшено несколько тяжёлых бомб весом 1 000 кг. Одной из таких бомб разнесло в щепки здание, в котором располагались оперативный отдел управления ВВС фронта и шифровальное отделение. Десятки убитых и раненых. Среди погибших 20 офицеров штаба, из них три полковника.

3 октября по приказу Конева Лукин и Ершаков (20-я армия) контратаковали частью своих сил на Сафоново и Красный Холм.

16-я армия. Рокоссовский докладывает о том, что его дивизии продолжают удерживать район Минского шоссе. Противник контратакован и отброшен на исходные. “Перед фронтом армии противник имел свыше двух пд в первом и до восьми пд и двух тд во втором эшелонах”.

Рокоссовский твердил об этих танковых и пехотных дивизиях второго эшелона из сводки в сводку, и это сбивало с толку штаб. Главный же удар противник развивал севернее автостреды, в районе Холм-Жирковского. На фронте 16-й армии немцы лишь демонстрировали наступление, сговывая силы с расчетом, что противник не осмелится ослабить этот участок и перебросить силы в район прорыва. В своих мемуарах маршал Рокоссовский довольно сдержанно рассказывает об этих боях. Основное место в воспоминаниях о вяземской истории занимают описания того, как управление 16-й армии, получив приказ Конева, плутало по окрестностям Вязьмы, потом едва не попало под огонь немецких танков в самой Вязьме, а потом с боями пробивалось к Можайску.

Сведения, поступающие от командармов, складывались в довольно противоречивую картину. Наметился явный прорыв в направлении на Белый и станцию Каномино. Но одновременно Рокоссовский настаивает на том, что вдоль Минского шоссе противник накопил во втором эшелоне огромное количество войск, и их состав и конфигурация построения свидетельствуют в пользу того, что это и есть главная ударная группировка.

Противоречивость сведений, неясность ситуации, а также, возможно, нерешительность комфронта способствовали тому, что вскоре поправить положение оказалось почти невозможным.

Фронтные резервы по-прежнему находились в районах сосредоточения близ Вязьмы.

Утром 3 октября в 5.00 в штабы 19-й и 30-й армий ушёл приказ, согласно которому объединённая группировка этих двух армий, стык которых проломило бронированное копьё “Тайфуна”, должна была произвести частичную перегруппировку и контратаковать прорвавшегося противника. Основная роль в намечавшемся контрударе возлагалась на фронтной резерв, сведённый в объединённую группировку. Командование этой группировкой Конев возложил на своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина.

Ударная группа состояла из одной стрелковой, одной кавалерийской и одной мотострелковой дивизии (69 танков), а также трёх танковых бригад, в которых насчитывалось 172 танка. Удар оперативной группы генерала Болдина должны были поддерживать войска 30-й армии.

Из донесений генерала Болдина, сохранившихся в архиве Министерства обороны РФ, видно, что наше командование, к сожалению, даже к исходу 3 октября не имело представления, насколько серьёзная угроза нависла над войсками и судьбой фронта. Болдин доносил в штаб фронта о “танковых группах силами 15 и 40 танков”, прорвавших оборону 30-й армии и вышедших в район севернее Вязьмы. Реальность была в стократ (в буквальном смысле этого слова и этого числа) страшнее.

Части оперативной группы Болдина не смогли сосредоточиться для согласованного удара, а потому, выдвигаясь навстречу противнику, вступали в бой по мере соприкосновения с ним, то есть по частям, разрозненно. К тому же опергруппа не располагала достаточным количеством противотанковой и зенитной артиллерии. Действовать пришлось одновременно на двух направлениях.

Немецкая разведка быстро определила состав и положение оперативной группы генерала Болдина. 4 октября на боевые порядки контратакующих частей обрушил всю свою мощь 8-й авиакорпус группы армий “Центр”.

Тем временем генерал Лукин храбро и стойко отражал новые и новые атаки на своём фронте. Против него действовало до семи пехотных дивизий при поддержке 150 танков. Пока противнику не удалось пробить или опрокинуть порядки его дивизий. 5 октября 19-я армия продолжала удерживать свои рубежи к северу от Минского шоссе.

В этот же день, 4 октября, с южного крыла пришло известие, смысл которого потряс всех офицеров штаба Западного фронта: противник, частично смяв и рассеяв, а частично оттеснив войска 33-й и 43-й армий Резервного фронта, сделал глубокий прорыв в районе Спас-Деменск—Ельня.

И. С. Конев: “Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20-я, 16-я, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского”.

И. С. Конев: “В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но

не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по “Бодо” с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создается на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на Гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на Гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30-й, 19-й, 16-й и 20-й армий”.

Фразу Конева по поводу того, что Сталин выслушал его тревожный доклад, “но не принял никакого решения”, историки потом интерпретировали как растерянность Верховного.

Что ж, возможно, Сталин на какое-то время растерялся. Но, как теперь стало известно, Сталин тут же позвонил Жукову в Ленинград:

— У меня к Вам только один вопрос, — сказал Верховный, — не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву. Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах.

Директиву на отвод войск Конева получил только в ночь с 5-го на 6-е октября. Почти сутки Ставка думала, что предпринимать! А время — даже часы и минуты — работало в тот период не на Красную армию. Той же директивой Западному фронту передавались 31-я и 32-я армии. Но теперь они были не в помощь Военному совету фронта, теперь, когда предстояло отводить, снимать с позиций из-под носа, из-под огня противника, дивизии и отводить их под непрерывным обстрелом артиллерии, они были только обузой.

И. С. Конева: “Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона...”

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

“Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения... Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне* он писал, что “необученные войска не способны отступать, они могут только бежать”. Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости, несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко заплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта... имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как прерывающее в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с южного направления — от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19-й, 20-й и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болди-

* “Севастопольские рассказы”.

на. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска...

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма—Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство”.

К сожалению, и замедленная реакция Ставки и Генштаба на донесения Конева, и действия самого Конева в период Вяземского сражения 41-го года выстраиваются в цепь последовательных ошибок, результатом которых стало неминуемое — окружение армий, гибель, пленение сотен тысяч, катастрофа.

В 1966 году, к 25-летию битвы под Москвой, к печати готовился сборник воспоминаний её участников. По этикету тех лет основу книги должны были составлять тексты главных действующих лиц, т. е. маршалов и генералов. Так и получилось.

Представляю, как непросто было составителям: взять интервью, если герой по какой-либо причине не может написать воспоминания сам, литературно обработать их, а потом согласовать с другими участниками сборника, чтобы не случилось, не дай-то бог, нелепицы, когда один вспомнит о том, что было или чего не было, не так, как все остальные...

С особым вниманием Жуков читал статью Конева. В притухшую топку соперничества двух маршалов обстоятельства бросили свежую охапку дров...

Жуков сделал ряд существенных замечаний. Первое: что Иван Степанович напрасно не включает в число окруженных 16-ю армию. И это справедливо: вне кольца оказалось только ее полевое управление во главе с Рокоссовским. Второе: Жуков отводил упрек Конева по поводу того, что “во всем виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт”. Жуков настаивал: “...соотношение сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома...”. Третье: Жукова буквально взорвала фраза Конева: “Бежать было некуда — сзади Москва”. “Как известно, — написал Георгий Константинович 15 августа 1966 года в своём письме в Воениздат, — сражение методом бегства не ведется. И тогда, когда назревает тяжелая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление”. Четвёртое: на упрек Конева в адрес Резервного фронта, что “прорыв противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта”, автор письма, как мне кажется, справедливо возразил: “Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках”.

Что ж, эта история ещё раз убеждает нас в том, что с последними залпами война не заканчивается.

Не все упреки маршала Жукова маршалу Коневу состоятельны. Не все справедливы. К примеру, Конев совершенно прав, говоря об отсутствии роли Ставки и Генштаба в координации действий трех фронтов, прикрывавших московское направление, о том, что на сутки было задержано разрешение на отход войск Западного фронта. Ведь некоторым дивизиям, полкам, группам, да и просто одиночным красноармейцам и командирам нескольких минут не хватило для того, чтобы пройти мимо немецкого поста, выскольз-

нуть по ещё свободному коридору из кольца, избежать смерти, плена и вечного клейма пропавшего без вести.

Очень противоречивыми оказались и эпизоды “Воспоминаний и размышлений”, где Жуков повествует о днях его прилёта из Ленинграда в Москву и назначения на новую должность командующего войсками Западного фронта.

Глава пятнадцатая

О ТОМ, КАК ЖУКОВ СПАС КОНЕВА

“Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...”

В ночь на 6 октября штабная группа во главе с Коневым и членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным прибыла в район Гжатска. Они тут же разыскали штаб Резервного фронта. Штаб размещался в блиндажах и землянках в лесу восточнее Гжатска. Однако на КП маршала не оказалось. Семён Михайлович ночевал в уютном домике на окраине города. Подходы к домику охранялись автоматчиками и танком КВ.

Вот тут-то и узнал Конев: то, что произошло с его войсками в районе Вязьмы, не могло не произойти. Штаб Конева был уверен в том, что за порядками 19-й и 30-й армий, надёжно прикрывая их стык и обеспечивая оперативную глубину обороны, стоит 49-я армия Резервного фронта. В штабе Западного фронта сетовали лишь на то, что ни Ставка, ни Генштаб не обеспечили взаимодействия двух группировок, вынужденных действовать практически на одном рубеже. Но тут выяснилось куда худшее. Стало понятным и то, почему не был поддержан удар оперативной группы Болдина...

И. С. Конев: “... как выяснилось в разговоре с Будённым, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на вяземском оборонительном рубеже за сутки до наступления главных сил группы армий “Центр”, за сутки, повторяю, была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск—Сычёвка не оказалось”.

Вообще история с переброской 49-й армии, если рассматривать её в общем контексте событий, выглядит довольно мутной, если не сказать большего. Посудите сами: в самый канун немецкой атаки, и именно там, где намечен основной прорыв и ввод в дело главных сил (3-я танковая группа генерала Гота), построенная глубокоэшелонированная оборона ослабляется отводом целой армии. Причём кадровой, хорошо укомплектованной и оснащённой. При этом немецкое командование выстраивает свои атакующие части практически в один эшелон, без резервов, как будто наперёд зная, что никаких войск в глубине обороны русских нет, что главная задача — прорвать передовые линии. Так и произошло. К исходу второго дня наступления танки Гота углубились в оборону Западного фронта, разрезав его на стыке 19-й и 30-й армий на 50–60 километров. В образовавшуюся брешь шириной до 40 километров хлынули моторизованные и пехотные дивизии, части усиления. Они стремительно развивали удар, и вскоре охватили части 19-й, 16-й и 20-й армий, выйдя им во фланг и в тыл. 49-й армии не оказалось именно там, где она нужна была в эти дни более всего.

Надо признать, что приказы и распоряжения, исходившие в дни сражения под Вязьмой и из Москвы (Ставка, Генштаб), и из Касни, а потом и из Красновидова, катастрофически запаздывали. Порой они не учитывали реального положения дел. В то время как немецкие штабы работали на опережение.

Уже в Красновидове, в штабе Западного фронта, происходит событие, которое впоследствии настолько разноречиво описано в мемуарах главных её действующих лиц, что до сих пор нет единого мнения о том, что же в действительности произошло.

И здесь уместнее всего было бы предоставить слово тем самым главным действующим лицам.

Маршал Василевский, в то время заместитель начальника Генерального штаба: “Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К. Е. Ворошилова и В. М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я... 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий”.

В те же дни, как уже известно, Сталин отзывает из-под Ленинграда Жукова и посылает его... И вот здесь вопрос: куда и кем он посылает самого надёжного и исполнительного своего генерала?

Маршал Жуков, в то время генерал армии (из первой редакции “Воспоминаний и размышлений”): “Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, и спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой.

Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы Вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта Вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана Вам покажет, куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: “Где командующий?”, начальник штаба фронта Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семеном Михайловичем.

— А Вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры еще не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А Вы с какими задачами к нам?

— Приехал к Вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там, на месте, скорее выясню обстановку.

(...)

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди еще спали, не то уже бежали дальше, в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа “Виллис”.

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофера. Шофер, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семена Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофера, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать.

Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С. М. Буденного, видимо, более двух-трех суток не брившегося и осунувшегося.

С Семеном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Буденный.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи... Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб. — Я поспешил порадовать Семёна Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на 105 километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

— У нас не лучше. 24-я и 32-я армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

<...> В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: "Верховный Главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом".

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3–4 километрах северо-западнее Можайска.

<...> В штабе работала комиссия Государственного Комитета Обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, — разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному Комитету Обороны... Во время комиссии ГКО и моего разговора с ней вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне:

— Только что звонил Сталин и сказал: как только прибудешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил.

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить Вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, Можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии обороны. Берите скорее все в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву.

Войдя в кабинет, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным. Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес, восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии. Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от Вас такого приказа не было. Было приказано отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев (член Военного Совета 16-й армии):

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него.

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобраться позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино; второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление; третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении. Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву”.

В более поздней редакции мемуаров, найденной в архиве Жукова, Георгий Константинович выправил эту историю, и теперь она преподносится в таком виде: “Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Коневу с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин.

За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь мое вмешательство спасло Коневу от тяжелой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками, и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом”.

Тут Жуков, конечно же, излишне пристрастен. Несправедливость его оценки опровергается следующим фактом: за успешные действия в период Московского сражения 1941–42 годов командующий войсками Калининского фронта был награждён орденом Кутузова I-й степени и медалью “За оборону Москвы”. Жуков, о чём он неоднократно говорил и сам, был награждён только медалью. Так что Государственный Комитет Обороны достаточно высоко оценил командные способности генерал-полковника Конева.

Константину Симонову история отстранения Конева от командования войсками Западного фронта и спасения от расстрела будет пересказана Жуковым ещё более красочно и ещё дальше от правды. “Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Коневу и Ерёменко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится. Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Коневу моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Коневу? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выеха-

ла к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом”.

В действительности все произошло иначе.

После того, как Конев разыскал на окраине Гжатска маршала Будённого и с ужасом узнал об отводе 49-й армии, по приказу Генштаба покинувшей укрепленный рубеж обороны в глубине передовых линий Западного фронта на стыке 19-й и 30-й армий, события развивались следующим образом.

И. С. Конев: “На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...”

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собранные в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по “Бодо” 15.45. 10.10.41 года”.

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении. Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом”.

Заметьте, подписи Жукова на документе нет.

Еще один участник того, в буквальном смысле судьбоносного совещания в Красновидове и член комиссии в своих воспоминаниях даёт несколько иную, отличную от жуковской, но не противоречащую коневской, версию назначения командующего войсками Западного фронта.

Маршал Василевский: “Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта”.

Значит, Жукова в штабе Западного фронта и вовсе не было?

Кто же тогда спас Конева? Да никто. Потому что никто его и не собирався арестовывать. Потому что стало очевидным: промедли ещё немного, и козлами отпущения станут и сами судьбы...

Вот и вся интрига. Не будь впоследствии 57-го года и злополучного пленума ЦК КПСС, Жуков рассказал бы в своих мемуарах о крушении под Вязьмой Западного и Резервного фронтов и своём назначении на должность комфронта совершенно иную историю.

В гибели под Вязьмой фронтов, прикрывавших Москву, Сталин Конева не винил. Возможно, именно поэтому столь мрачен был в день пребывания в штабе Западного фронта Молотов. И, возможно, нервная реакция Ворошилова на появление Рокоссовского оказалась такой бурной. В 1965 году маршал Конева рассказывал о событиях тех дней Симонову: «Именно тогда он позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение!»

Доверился кавалеристам...

Кавалеристами были не только Будённый, Ерёменко и Ворошилов, но и Рокоссовский. Конева же по специальности был артиллеристом.

Вот и причёсывал кавалерист маршал Ворошилов кавалериста генерала Рокоссовского. После боя. Как старший — младшего. Так было принято на фронте.

Сейчас историки говорят о том, что якобы Конева, понимая, куда идут события и чем всё кончится, намеренно вытаскивал Рокоссовского из окружения. Вряд ли это так. Но события сложились именно в такой сюжет.

Глава шестнадцатая

СЕВЕРНЕЕ МОСКВЫ. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

«...Его стремление воевать было огромно».

В ту же ночь 12 октября Военный совет объединённого Западного фронта решил направить Конева на калининское направление с целью объединения армий и частей, действовавших на правом крыле. Немцы к тому времени окончательно сломали сопротивление наших войск на рубеже Сычёвка—Ржев и устремились на Калинин. Наши же войска, находившиеся в районе Торжка и Калинина, действовали разрозненно, не имея общей задачи. К тому же туда продолжали выходить из-под Сычёвки, Оленино части 22-й, 29-й, 31-й и 30-й армий. Из них предстояло сформировать правое крыло Западного фронта, сомкнуть его с Северо-Западным фронтом. Противник продолжал развивать удар на Торжок и Бежецк с выходом в тыл Северо-Западному фронту и одновременно нашим войскам, действовавшим на московском направлении. Миссия Конева заключалась именно в том, чтобы предотвратить угрозу развития удара противника на Ярославль.

Вечером он въехал в горящий Калинин. Только что закончилась очередная бомбёжка. Пока разыскивал военкомат, не увидел ни одной зенитки. Да и войск в городе не было. Как вскоре выяснилось, в распоряжении военкома имелся истребительный батальон, сформированный из коммунистов и комсомольцев города. Батальону выдали десяток учебных винтовок, с которыми те несли караульную службу, охраняя особо важные объекты. Когда Конева попросил военкома доложить обстановку, тот мрачно и коротко сказал:

— Войск нет. Город защищать нечем. В городе начинается паника. Кто-то распространяет слухи, что за Волгой в стороне Лихославля высажен парашютный десант, что немцы движутся на Калинин и вот-вот будут здесь. — И указал на окно.

Там, на улице, у входа в военкомат колыхалась толпа. В основном женщины и дети. Чемоданы, баулы, узлы... Военком тут же пояснил, что это офицерские семьи — требуют немедленной эвакуации в тыл.

— А у меня — ни одного грузовика. Даже лошадей нет.

Слух о том, что в Калинин приехало высокое начальство — генерал! — тут же разлетелся по городу, и толпа у военкомата начала расти. Люди негодовали по поводу того, что город брошен войсками, что многие руководители и целые службы благополучно выехали ещё накануне, вывезли свои семьи и даже имущество.

Конов после войны рассказывал, как ему удалось успокоить женщин и детей и заставить их в эту ночь разойтись по домам.

Спустя несколько минут, когда толпа уже готовилась брать военкомат приступом, мимо неё охрана пронесла разобранную солдатскую койку с узлом белья. На крыльцо вышел военком и сказал, что генерал двое суток не спал — это соответствовало действительности — и что он ложится отдыхать, а завтра будут решены все вопросы, касающиеся эвакуации, что члены семей военнослужащих будут отправлены в тыл в первую очередь. Люди начали расходиться.

Однако отдыхать Коневу не пришлось и в эту ночь. Когда толпа разошлась, Конев приказал военкому проводить его в обком партии. Там его встретил секретарь обкома И. П. Бойцов. Секретарь тоже не спал, вместе с членами обкома и активом занимался подготовкой области к партизанской борьбе на оккупированной территории. Западные районы были уже под немцами.

Разговор между Коневым и Бойцовым оказался кратким. Уже через час, по тревоге, был поднят актив городской и областной парторганизации с задачей: эвакуировать население, создать отряды ополчения, подготовить город к обороне.

Уже за полночь в обкоме Конева разыскал офицер связи и доложил: на железнодорожную станцию прибывают эшелоны с 5-й стрелковой дивизией, командир дивизии подполковник Телков находится на вокзале и ждёт дальнейших указаний. Конев знал эту дивизию. Её отводили в тыл на пополнение и доформирование, так как в предыдущих боях она понесла большие потери. Однако боеспособности она не потеряла и по меркам 41-го года была вполне пригодна к выполнению боевой задачи. В полках насчитывалось до 450 активных штыков. Он тут же отдал распоряжение: пополнять батальоны 5-й стрелковой дивизии за счёт жителей города призывного возраста. Уже через полчаса на мосту через Волгу стояли посты, которые буквально выдёргивали из потока беженцев молодых мужчин. Из них тут же формировали маршевые роты, вручали оружие и направляли на позиции.

На вокзале Конев встретился с подполковником Телковым. Вид у того был непарадный. Осунувшееся, почерневшее от усталости лицо, но подтянут и собран. Но доклад подполковника обрадовал: арtdивизион имеет некоторое количество орудий и боеприпасы, а утром прибудет эшелон с танками. Эта небольшая, потрепанная дивизия, первой поступившая в его распоряжение в район Калинина, в действительности стоила полнокровной. Из короткого разговора с подполковником он узнал, что дралась она с первого дня войны, сохранила свой костяк и сибирский дух. Да ещё имела пушки и даже некоторое количество танков!

Прямо с вокзала, отдав необходимые распоряжения подполковнику Телкову, Конев поехал на КП командарма 30-й армии. Доклад генерала Хоменко тоже был нерадостным. Конев уточнил расположение частей армии, приказал включить в состав армии 5-ю стрелковую дивизию, которая в это время спешно занимала окопы на южной окраине Калинина. Задачей 30-й армии было не допустить прорыва немцев вдоль Московского шоссе на Клин.

Затем выехал в сторону Селижарова и разыскал КП 22-й армии генерала Юшкевича. Здесь, как вскоре выяснилось, обстановка была более или менее спокойной. Изучив на карте конфигурацию обороны армии, приказал командарму срочно, на грузовиках, перебросить 256-ю стрелковую дивизию генерала Горячева в район Калинина и занять пустующий участок фронта по восточному берегу Волги с задачей не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль.

Генерал-майор Василий Александрович Юшкевич был из тех командармов, которым Конев доверял. Он знал: такие, как Юшкевич, прошедшие же-

стокую школу жизни, умеют ценить доверие, умеют воевать и держаться в самых безнадежных ситуациях.

22-я, в августе правифланговый сосед 19-й армии, действуя на торопецком направлении, попала в окружение и, не растеряв основных сил и вооружения, с боями вышла в район Андеополя. Вот и теперь, уклоняясь от удара “Тайфуна” и выполняя приказ штаба Западного фронта об отходе, генерал Юшкевич отвёл дивизии из-под Осташкова на Селижарово на заранее подготовленный рубеж и прочно закрепился.

Ещё до приезда в район Калинина заместителя командующего войсками Западного фронта генерала Конева из состава правифланговой группировки были изъяты 5-я, 133-я, 110-я, 119-я и 243-я стрелковые дивизии и переброшены на Можайскую линию обороны. После того как немцы замкнули кольцо под Вязьмой и приступили к ликвидации окружённой группировки армий и частей Западного и Резервного фронтов, на Наро-Фоминском, Малоярославецком и Можайском направлениях войск, способных противостоять “Тайфуну”, попросту не оказалось. Существовала реальная угроза захвата Москвы. Если бы окружённые под Вязьмой не продержались сутки-двое, отвлекая на себя основные силы группы армий “Центр”, и если бы фон Бок смог выделить для продолжения наступления хотя бы один танковый корпус, они прошли бы к Москве колонной, не съезжая с шоссе.

У Конева была тяжелейшая задача — стабилизировать положение на правом крыле огромного и самого напряжённого в тот период фронта. Тем самым предстояло одновременно решить две задачи: первую — остановить продолжавшие наступление корпуса 3-й танковой группы и 9-й полевой армии; вторую — обеспечить стык с Северо-Западным фронтом.

Именно в эти дни в районе Калинина была ликвидирована брешь и предотвращена угроза широкого охвата Москвы с севера.

Катастрофически не хватало войск, чтобы противостоять танковым атакам противника. Резервы Ставки начали поступать чуть позже. А в середине октября фронт пришлось латать тем, что оказалось под руками: истребительными отрядами, наспех сформированными из калининских добровольцев, батальонами НКВД. К счастью, из-под Сычёвки и Белого продолжали выходить из окружения разрозненные части и отдельные группы разбитых дивизий. Некоторые сохранили оружие и тяжёлую технику. Из них формировали роты и батальоны и тут же вводили в бой.

Любопытна запись, сделанная фон Боком в своём дневнике 12 октября, именно в тот день, когда Конев, прибыв в Калинин в качестве заместителя командующего войсками объединённого Западного фронта, метался с одного КП на другой, пытаясь организовать взаимодействие армий и дивизий и выстроить линию фронта.

Фёдор фон Бок: “Гудериан пока наступать не может; как и Вейхс (2-я армия), он занят ликвидацией брянских “котлов”.

“Котел” под Вязьмой “сжегился” еще больше. Число пленных выросло до огромных размеров. Потери противника в живой силе и технике также очень велики.

Правое крыло наступающей в восточном направлении 4-й армии заняло Калугу. Корпус, находящийся в крайней оконечности северного крыла 9-й армии, достиг позиций противника на западе и на севере от Ржева и прорвал их силами своего правого крыла.

3-я танковая группа заняла Старицу. Сейчас танковая группа напрямую подчинена группе армий и получила от нее приказ двигаться на Торжок, чтобы не позволить русским, противостоящим внутренним крыльям группы армий, отступить на восток. Одновременно 3-я танковая группа должна захватить Калинин и удерживать Старицу и Зубцов”.

Когда танки немцев начали продвигаться к Калинину, Конев, мгновенно поняв замысел противника, принял решение отбить их коротким контрударом силами правифланговых частей. В районе Ржева оборону держала 29-я армия генерала Масленникова. Активных действий она пока не вела и, по замыслу Конева, “могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступающему на

Калинин”. 29-я армия должна была наступать вместе с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией генерала Горячева. Дивизия уже вышла на исходные. В первый же день, сразу с КП генерала Юшкевича Конева поехал в штаб 29-й. Командарм принял его холодно. По всей вероятности, Масленников понял, что контратаковать противника — дело слишком опасное и на девяносто девять процентов безнадёжное. А потому приказ Конева он вначале согласовал с наркомом НКВД Лаврентием Берией. Затем позвонил в штаб Западного фронта Жукову. Но Жуков приказ своего заместителя не отменил. В результате Масленникову свою армию всё же пришлось выдвигать к Калинин, но марш был осуществлён не по южному берегу, как приказывал Конева, а по северному. К тому же в районе сосредоточения авангарды дивизий первого эшелона подошли с опозданием. В результате согласованного удара не получилось. Противник ворвался в Калинин.

Только спустя годы, изучая дело Берии, Конева узнал многие детали истинных причин того, почему же в октябре 41-го так неудачно действовали подчинённые ему генералы и их войска. То, что Масленников, будучи командующим 29-й армией, сохранял за собой высокую должность заместителя наркома НКВД, Конева прекрасно знал и тогда. Именно это и сдерживало его от мгновенной реакции в адрес слишком независимого командарма. Но неприязненное отношение к своему подчинённому Конева, по всей вероятности, испытывал весь период их совместной службы. Сохранилось оно и после войны. Злопамятство не было даже слабовыраженной чертой характера Конева. Как все вспыльчивые люди, он быстро забывал то неприятное, что исходило от того или иного человека или было связано с ним, особенно если это был подчинённый. Но генерал Масленников был подчинённым особенным. С первой же встречи в штабе 29-й армии Конева понял, что ему предстоит работать *под присмотром*. Чекиста Масленникова генерал Конева хорошо знал по службе в Белорусском военном округе, где тот в 37-м году занимал должность первого заместителя командующего войсками НКВД округа. Тогда многие командиры полков, дивизий и корпусов спали на твёрдых подушках, под которыми лежали табельные револьверы, и ждали стука в дверь...

Как только пали Ржев и Калинин, в штабах было зачитано решение Ставки об аресте и предании суду командующего 31-й армии генерал-майора Далматова, начальника штаба армии полковника Анисимова, начальника политотдела армии полкового комиссара Медведева. Наверху потребовались козлы отпущения. Их, разумеется, тут же нашли.

Армии Далматова с самого начала не везло. Сказывались и весьма скромные полководческие данные её командующего. Во время немецкого наступления севернее Минского шоссе часть войск была передана в оперативную группу генерала Болдина. 110-ю и 119-ю стрелковые дивизии Жуков перебросил в центр Западного фронта. Поэтому, когда немцы подошли к городу Ржеву, оборонять ржевские позиции оказалось просто некому. Остатки разрозненных подразделений 31-й армии, теснимые противником, были задержаны заградотрядами стоявшей в затылок 29-й армии. Полевое управление во главе с Далматовым находилось в Ржеве. Оборона города, а также эвакуация имущества и армейских складов была поручена ему. Но никакой обороны, да и эвакуации складов из города, не получилось. И без того тяжёлые обстоятельства усугубил взрыв моста — во время авианалёта сдетонировали заряды, заложённые под опоры. Поэтому многое, что уже невозможно было вывезти, уничтожили на месте. Потом следствием будет установлено, что прямой вины генерала Далматова и его штаба в оставлении военного имущества и складов боеприпасов двух армий — нет. Военный совет 29-й армии, переподчинивший себе остатки 31-й армии, как оказалось, сам проявил нераспорядительность, допустил паникёрство и неустойчивость своих первых эшелонов, при этом никаких приказов о вывозе военного имущества из Ржева не отдал.

Опытный в таких обстоятельствах заместитель наркома НКВД генерал Масленников ещё до оставления Ржева от имени Военного совета 29-й армии направил в Военный совет Западного фронта ходатайство о привлечении к судебной ответственности виновных. Ими были назначены Далматов и

его заместители. Однако в Генштаб из Главной военной прокуратуры вскоре ушло письмо следующего содержания: учитывая тяжёлые условия на фронте и положительные характеристики на “названных лиц”, следствие пришло к выводу, что “оснований для предания их суду нет”, и предложило дело о них “решить в дисциплинарном порядке”.

12 октября полевое управление 31-й армии перешло в резерв Западного фронта и расположилось в районе Торжка. 15 октября по приказу Жукова оно временно было преобразовано в штаб его заместителя генерала Конева. Потому что Конев в это время действовал практически в одиночку с несколькими офицерами и личным водителем. Ни начальника штаба, ни оперативного отдела. Позднее при создании 17 октября Калининского фронта по ходатайству Конева Ставка приняла решение о восстановлении полевого управления 31-й армии, которому были подчинены 119-я, 133-я стрелковые дивизии и 8-я танковая бригада. 19 октября командующий фронтом дополнительно включил в состав армии 183-ю стрелковую, 46-ю и 54-ю кавалерийские дивизии, отдельную мотострелковую бригаду, а 133-ю стрелковую дивизию вывел в свой резерв. В тот же день командование армией принял генерал Юшкевич.

Конев действовал решительно и быстро. И вскоре фронт в районе Калинина окреп настолько, что начал беспокоить противника частыми контратаками.

Что касается бывших членов Военного совета 31-й армии первого состава, то они получили новые назначения с понижением в должности: Далматов был назначен командиром 134-й стрелковой дивизии Западного фронта, полковник Анисимов стал командиром 130-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Полкового комиссара Медведева Конев оставил в штабе Калининского фронта на должности начальника организационно-инструкторского отдела полевого управления. Все трое служили до конца войны и неоднократно были награждены орденами и медалями.

Вот так разрешилась судьба генерала и двух полковников РККА, которых под горячую руку могли расстрелять в те кровавые дни 41-го.

Калинин в планах немецкого командования занимал особое место: город представлял собой, кроме всего прочего, крупный коммуникационный узел — здесь сходились Октябрьская железная дорога, шоссе Ленинград—Москва и водный путь по Волге с выходом на канал Волга—Москва, а также шоссе, ведущие на Ржев, Волоколамск, Бежецк. С захватом Калинина немцы связывали дальнейшее развитие наступления в направлении на Москву, а также на промышленные центры СССР — Ярославль, Рыбинск, Иваново.

13 октября 1-я танковая дивизия противника атаковала позиции ополченцев и одного из полков 5-й стрелковой дивизии в районе Рябево—Мигалово.

Расклад сил в этом бою был таков.

1-я танковая дивизия вермахта атаковала после мощного авианалёта и артподготовки. Дивизия к тому времени имела два танковых полка, два панцергренадерских полка, артполк, разведбатальон, противотанковый батальон, сапёрный батальон и батальон связи, а также части обеспечения. 11 танков, в основном средних типов. Артиллерия — 160 стволов различных калибров. Около 12 000 солдат и офицеров. Её поддерживала 6-я танковая дивизия: около 170 танков и два полка мотопехоты, усиленной артиллерией и крупнокалиберными пулемётами.

Кого им противопоставил Конев? Несколько батальонов калининских ополченцев: рабочие заводов и фабрик, служащие различных учреждений, студенты и курсанты высшего военно-педагогического института. Рядом с ополченцами — роты курсантов школы младших лейтенантов. Два батальона НКВД. И полк 5-й стрелковой дивизии. Основным оружием оборонявших город были винтовки и бутылки с зажигательной смесью. При этом и того, и другого не хватало. Бывшие ополченцы вспоминали, что их собрали на стадионе “Динамо” за несколько часов до немецкой атаки, выдали канадские винтовки системы Росса и по несколько горстей патронов — 80–100 штук. Ни пулемётов, ни гранат у ополченцев не было.

Вечером немцы заняли западную окраину Калинина. Начались уличные бои, перестрелки через Волгу и схватки за Горбатый мост.

Тем временем Конев гнал сюда, к городу, на атакованный участок, всё, что можно было снять с других участков и что поступало к городу из тыла: 8-ю танковую бригаду, батальоны 256-й стрелковой дивизии и лёгкий артполк, 46-й мотоциклетный полк.

Особенно яростная схватка произошла у Горбатого моста. Немецкие танки попытались с ходу перескочить через Волгу и ворваться в город. Но их встретили огнём. И тогда немцы пошли в обход, через Тверецкий мост. Там их уже ждали артиллеристы 256-й стрелковой дивизии. Оставив у моста четыре горящих танка и несколько грузовиков, колонна повернула назад.

Но соотношение сил было не в пользу обороняющихся. Немцы произвели перегруппировку и после очередного артобстрела при поддержке штурмовой авиации начали теснить подразделения 5-й стрелковой дивизии и ополченцев.

Утром 14 октября во фланг немцам из Заволжья ударила 256-я стрелковая дивизия генерала Горячева, с ходу смяла противника и передовыми отрядами захватила железнодорожный мост. В городе шли уличные бои. Немцы, пользуясь численным превосходством, а также тяжёлым вооружением, постепенно отжимали наши войска к реке Тьмака.

Утром 15 октября бои шли уже на восточной окраине Калинина.

До сих пор не утихают споры о чуде под Москвой. Что же произошло с немецкой машиной, отлаженной и настроенной для действий практически в любых условиях? Советские войска трёх фронтов были ликвидированы и пленены в гигантских “котлах” под Брянском, Рославлем и Вязьмой. За полмесяца до “Тайфуна” советский фронт был ликвидирован в районе Киева. Всё! Разгром! Виктория! Drang nach Osten наконец-то удался! Впереди столица гуннов, их промышленные районы, наполненные рудой и бесплатной рабочей силой, и — никаких войск!

Командование группы армий “Центр” было практически уверено в успехе предстоящего наступления в районе Валдая. Ни фон Бока, ни командующих 9-й полевой армией генерала Штрауса и 3-й танковой группой генерала Рейнхардта не смущало разделение главных сил группы на несколько направлений. Донесения разведки и показания военнопленных не обещали особых трудностей германским войскам. Противник, согласно разведанным, имел впереди слабо выраженную очаговую оборону и располагал лишь отдельными частями НКВД и милиции, не прикрытыми ни артиллерией, ни другим тяжёлым вооружением.

То, что произошло дальше и что продлилось до весны 42-го, стало для немцев большим потрясением.

Уже в октябре 41-го левое крыло группы армий “Центр” было остановлено на взмахе, а затем его начали щипать и подрубать короткими контратаками и глухой обороной части правого крыла Западного фронта.

После захвата Калинина и остановки в районе восточных окраин города и Волжского водохранилища 3-я танковая группа и 9-я армия получили дальнейшую задачу атаковать в направлении на Вышний Волочек. Началась операция по окружению советских войск в районе Валдайской возвышенности. Штаб Конева тут же разгадал маневр противника, который и дальше пытался действовать широкими охватами, и упрёдил его. Торжок, который стал первой крупной целью Тюрингско-Гессенской 1-й танковой дивизии, был основательно укреплен. При подходе к району Торжка немцы были контратакованы. Контратаку они отбили, но вынуждены были остановиться. Спустя сутки боевые охранения советских частей заметили, что немцы начали окапываться. Характер войны изменился.

Конев, внимательно следивший за продвижением противника в направлении Торжка, приказал атаковать немецкую группировку, растянувшуюся по узкому коридору, пробитому её авангардом в северо-западном направлении. Операцию успешно провела 133-я стрелковая дивизия генерала Швецова и части 29-й армии.

Конев всегда радовался встрече с земляками. Издали узнавал вологодский или архангелогородский лёгкий говорок. Интересовался, откуда родом и не случилось ли бывать в Никольске, в Великом Устюге или в его родном Лодейном. А тут оказалось, что командир 133-й стрелковой дивизии свой, вологодский, из-под Кадуя, что на реке Суде.

Василий Иванович Швецов воевал с августа месяца, его дивизия отличалась под Ельней. А теперь, глядя на карту, разложенную перед ними, вздохнул и сказал:

— Не думал, что отступать придётся до родных мест. Лихославль, Бежецк... — Карандаш в его руке скользнул вверх, на северо-восток. — А там уже Устюжна рядом и мой Кадуй. Некуда уже дальше отступать, товарищ командующий.

— Ну вот что, дорогой земляк, — уловив настроение командира дивизии, сказал Конев, — считайте, что это ваш последний рубеж. Дальше, Василий Иванович, вас родина не пустит.

Задачей 133-й дивизии Швецова было атаковать колонны противника прямо на шоссе, на марше, подрубить основание прорыва, оседлать дорогу и удерживать её, пока не подойдут основные силы.

Генерал Швецов свою задачу выполнил блестяще. Немецкие колонны были буквально сметены внезапной атакой.

Позже немецкий историк напишет: “В германских подразделениях начал сказываться недостаток в боеприпасах. Солдаты вермахта были переутомлены тяжелыми маршами по проселочным дорогам, когда приходилось продвигаться по колено в грязи. Вскоре 1-я танковая дивизия была отозвана с полпути к Торжку обратно в Калинин. Наступление захлебнулось. Во второй половине октября значительная часть подвижных соединений 3-й танковой группы перешла под Калинин к обороне. 41-й моторизованный корпус еще некоторое время пытался пробиться к Торжку, но успеха не достиг и был отведен в тыл”.

Всё же удивительно: о нехватке горючего — ни слова...

Здесь, в трагических неудачах под Вязмой и в первых успехах под Калинин, оттачивался тактический почерк будущего маршала.

Коневу всегда “везло” с противниками. Перед ним и в 41-м, и в 42-м, и в 43-м, и в последующие годы, до самых последних залпов, стояли опытные немецкие генералы, искусные тактики, лучшие полководцы Германии — Гот, Рейнхардт, Модель, Хейнриц, Кемпф, Манштейн.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов, пришедший в ВВС из гражданской авиации и за кратчайший период времени создавший авиацию дальнего действия, оставил прекрасную книгу мемуаров. Человек он был сдержанный, суровый и достаточно строгий в оценках и характеристиках. Познакомился он с нашим героем как раз в период битвы за Москву. Октябрь, ноябрь, вплоть до первых чисел декабря 41-го — этот период для Конева был окрашен мрачным цветом поражений. Можно только догадываться, как тяжело он переживал катастрофу своего войска под Вязмой. А. Е. Голованов о Коневе написал следующее: “Нелегко дался ему начальный период войны, а вернее, первые год-полтора... И всё-таки не сломали его имевшие место неудачи, его стремление воевать было огромно. Совершенствуя и совершенствуя свой полководческий талант, он добился того, что овладел управлением вверенными ему войсками в такой степени, что стал проводить по плану ставки Верховного Главнокомандования смелые, решительные, успешные операции на окружение крупных сил врага, их пленение и уничтожение. Характер у маршала Конева был прямой, дипломатией заниматься, прямо надо сказать, он не умел. Комиссар ещё со времён гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом. Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправляясь подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После внушения со стороны И. В. Ста-

лина о недопустимости подобных явлений послушался его и такие выезды в дальнейшем прекратил, оставшись, однако, при своём мнении.

Осенью 1942 года в моём присутствии, в разговоре с Верховным, он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, это единоначалие, доказывал он...

— Нужно, чтобы командир отвечал за всё состояние своей части... Командный состав доказал свою преданность Родине, и он не нуждается в дополнительном контроле. Я скажу больше, наличие института комиссаров есть элемент недоверия нашим командирам, — заключил он.

Решением Политбюро институт комиссаров был упразднён. Что касается личного отношения Сталина к Ивану Степановичу Коневу, то могу сказать, что отзывался он о нём всегда положительно, хотя и указывал ему и на его недостатки”.

Чудо под Москвой... Оно возникло из множества составляющих. Из того, о чём было уже сказано. И из того, о чём читатель узнал из фрагментов воспоминаний бывшего комбата 133-й сибирской стрелковой дивизии Александра Чайковского и младшего лейтенанта Иннокентия Щеглова. И из того, о чём долгое время не принято было говорить. В том числе и из твёрдости, а подчас и жестокости приказов, которые подчас кажутся невыполнимыми, особенно теперь, когда можно сопоставить возможности и боевой ресурсе тех, кому эти приказы отдавались. Но тогда, под Наро-Фоминском, Серпуховом, Тулой и Калинином был иной час, и иной музыкой было наполнено пространство, пропахшее ужасом отступления, которое всё никак не удавалось остановить. И приказы выполнялись не всеми и не всегда. Но стало очевидным: если эти жестокие приказы не будут выполняться, то завтра враг сомкнёт кольцо вокруг Москвы.

16 октября. Этот день стал, пожалуй, самым тяжёлым в обороне Москвы. Как известно, в Москве началась паника. Из города бежало начальство, вывозило на грузовиках свои семьи, продовольствие и ценности. На Калужской заставе произошли стихийные погромы. Люди останавливали машины с бегущим начальством, сбрасывали на землю имущество, избивали беглецов невзирая на их чины и ранги.

А здесь, под Калинином, немцы внезапно атаковали на Торжок. Танковая бригада полковника Ротмистрова из оперативной группы Ватутина замешкалась и вовремя не прибыла на исходные, чтобы развить удар во фланг 1-й танковой дивизии противника, прорвавшейся по Ленинградскому шоссе и развивавшей удар на Торжок. Ротмистров передоверил выполнение задачи танковому полку майора Егорова, но и тот не выполнил приказа. Тем временем немцы прорвались к селу Марьино и овладели переправой через реку Логовеж. До Торжка им оставалось 20 километров. Ротмистров, уклоняясь от боя, продолжал отводить свою бригаду за Лихославль. Конев, получив донесение об отводе танков от Ленинградского шоссе в тыл, был взбешён и приказал Ватутину немедленно арестовать Ротмистрова и предать суду военного трибунала “за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой”. Ватутин исполнил приказ Конева по-своему: “Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185-й стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!” О том, как танкисты оперативной группы Ватутина, части 185-й стрелковой и вторые эшелоны сибирской дивизии генерала Швецова исправляли положение, отчасти рассказано в воспоминаниях комбата Чайковского. Подкрепление подоспело в самый пик сражения на шоссе, когда стрелковый батальон и артиллеристы уже выдыхались, израсходовав боеприпасы и потеряв больше половины своего состава убитыми и ранеными. Конев их пригнал к Медному вовремя. Так комфронта помогал своим подчинённым избавляться от трусости. Что было, то было.

Судьба сложится так, что Конев и Ротмистров почти всю войну, с непродолжительными перерывами, будут служить рядом. Почти одновременно

станут маршалами. Летом 43-го 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова приказом Ставки будет выведена из состава войск Степного фронта и брошена вперёд, на укрепление дрогнувших позиций Воронежского фронта. Действия армии окажутся неудачными, танковые корпуса в первый же день потеряют большую часть танков и самоходных артиллерийских установок, много экипажей. Но в январе-феврале 44-го мехкорпуса 5-й гвардейской танковой армии Ротмистров блестяще выполнит приказ командующего войсками 2-го Украинского фронта генерала Конева и замкнут у Звенигородки кольцо вокруг Корсунь-Шевченковской группировки генерала Штеммермана (XI армейский корпус). О Ротмистрове снова заговорили как о способном командире. А ведь тогда, в октябре 41-го под Калинином, по ходатайству Конева Ротмистров в два счёта мог пополнить число расстрелянных...

В эти же дни вполне мог появиться и другой документ — ходатайство о привлечении к ответственности командующего 29-й армией генерала Масленникова. И было за что. Но замахнуться на самого заместителя наркома НКВД Конев, видимо, не осмелился. Хотя спустя годы, вспоминая кризис под Калинином, всё же признался: “На 29-ю армию возлагалась самая ответственная задача — отрезать группировку врага в Калининне от главных сил 9-й немецкой армии и во взаимодействии с 30-й и 31-й армиями разгромить её. Однако командарм Масленников, как видно было из его приказа, понял задачу по-своему. Он предусматривал лишь создание кордона, преграждавшего пути отхода противнику на юго-запад, полагая, что Калинин будет взят войсками других армий. В результате гитлеровцы форсировали Волгу в районе Акишево и, захватив на её левом берегу плацдарм, начали распространяться к северу и северо-востоку, пытаясь прорваться вдоль железной дороги Ржев—Торжок. Для прикрытия этого направления мне пришлось выдвинуть на рубеж Высокое — река Тьма 188-ю стрелковую дивизию из резерва фронта”.

Положение командарма Масленникова было особым. И то, что командарм 29-й мог себе позволить приказы штаба фронта понимать и исполнять *по-своему*, не могло не возмущать командующего, отвечавшего за всё Калининское направление. Пройдут годы, закончится великой Победой война. Закончится и эпоха господства в стране всеильного министерства во главе с маршалом Берией. Коневу, которому всегда доставались самые трудные участки всех войн и битв, судьба пошлёт быть председателем военного суда над Берией. “Так вот, когда арестовали Берию, — рассказывал Иван Степанович, — то в его сейфе обнаружили несколько подстрекательских донесений командующего 29-й армией, освобождавшей Калинин, сподвижника Берии генерала Масленникова на Конева. Имелось в виду, ошельмовав меня несправедливо, добиться отстранения от командования фронтом. На этих грязных сообщениях была резолюция Сталина: “Не верю, возражаю”.

Конечно, Конев навсегда сохранил чувство благодарности своему бывшему Верховному за веру в него и как в полководца, и как в человека.

Глава семнадцатая

КАЛИНИНСКОЕ “СИДЕНИЕ”. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 41-го

“Задача фронта — очистить от противника район Калинина...”

К двадцатым числам октября оборона на правом крыле Западного фронта стабилизировалась. Из тыла и внутренних округов подошли свежие дивизии. Продолжало поступать пополнение — по железной дороге и на грузовиках, а иногда и пешим ходом из запасных полков к фронту шли и шли маршевые роты. Усиливалась огневая мощь дивизий. Войска зарывались в землю, создавая глухую глубокую оборону в несколько эшелонов.

Захватом Калинина немцы сильно затруднили возможность маневра всему Западному фронту. Труднее стало проводить перегруппировку войск из района Валдая к Москве, осложнилось взаимодействие между центром и се-

верным флангом Западного фронта. Это вынудило командующего войсками фронта генерала Жукова ходатайствовать о создании отдельного фронта в районе Калинина.

Скоро Конев докладывал в Генеральный штаб о бое на Ленинградском шоссе, в ходе которого были разгромлены колонны немецкой танковой дивизии. Докладывал Конев прямо в Генштаб, минуя штаб Западного фронта. О первой победе и первых богатых трофеях хотелось доложить самому. Иван Степанович свои успехи преподносить умел. В Москве ещё не утихла паника, в верхах царило настроение подавленности, а тут такое известие... Пытался дозвониться и в Ставку, но дивизионный телефонист смог связаться только с Генштабом. Ему ответил генерал Василевский. Выслушал и тут же предупредил:

— С вами сейчас будет разговаривать товарищ Сталин.

Конев ещё плотнее прижал к уху трубку. После небольшой паузы послышался знакомый глуховатый голос:

— Здравствуйте, товарищ Конев. Мне доложили об успехах в районе Калинина. Это правда?

— Да, товарищ Сталин. Авангарды сорок первого моторизованного корпуса третьей танковой группы противника остановлены и опрокинуты атакой наших частей на участке шоссе Калинин-Медное. Захвачены богатые трофеи и пленные. К северо-востоку от Калинина создан сплошной фронт.

— Как работает связь? Вы откуда звоните?

— С дивизионного командного пункта генерала Горячева, товарищ Сталин.

— Пора обзаводиться своим. Ставка приняла решение создать отдельный, Калининский фронт и поручить его вам. Вы не возражаете?

— Нет, товарищ Сталин, не возражаю.

Вспоминая тот разговор с Верховным, маршал Конев писал, что «первые создавался фронт, управление которым начиналось с единственной реальной личности — командующего фронтом». «Пока в моём распоряжении, — писал маршал, — были лишь офицер для поручений полковник И. И. Воробьёв, адъютант майор А. И. Саломыхин и два шифровальщика». А ещё в его непосредственном подчинении был сержант-связист, который всюду за своим генералом носил радиостанцию. «Правда, я поначалу мог опереться на штаб 256-й стрелковой дивизии, на её замечательных офицеров во главе с генералом С. Г. Горячевым. Они оказали мне неоценимую помощь в самые критические дни».

Директива Ставки последовала в тот же день и поступила телефонограммой уже вечером в штаб 259-й стрелковой дивизии, где постоянно находился заместитель командующего войсками Западного фронта, а с этого дня командующий войсками вновь созданного Калининского фронта.

Штаб Калининского фронта обосновался в Змееве близ Калинина. В городе хозяйничали немцы. Но Конев намеренно не стал отводить свой штаб в глубокий тыл. Тем более что северо-восточные кварталы по-прежнему контролировались частями Красной армии.

Связисты быстро наладили телефонную и телеграфную связь. Теперь с Генштабом и Ставкой Верховного Главнокомандования можно было разговаривать по прямому проводу и оперативно получать указания.

Развернулись большие инженерно-саперные работы по развитию обороны в глубину. Строились противотанковые заграждения на танкоопасных направлениях, создавались противотанковые районы, и в первую очередь в направлении Медного, Ново-Завидова, Бежецка, откуда в любой момент можно было ожидать удара противника.

Подтягивались резервы фронта. Местное население работало на строительстве противотанковых рубежей. Мужчины призывного возраста получали винтовки и тут же становились в строй воюющих подразделений.

Ставка требовала отбить у противника Калинин.

Наступление началось 21 октября.

К этому времени немцы успели подтянуть к городу дополнительные силы и значительно уплотнить оборону по всему периметру калининской дуги.

Главной ударной силой противника по-прежнему были танки. Конев же располагал несколькими десятками танков различной модификации. В основном они принадлежали 8-й танковой бригаде полковника Ротмистрова.

19 октября, за два дня до атаки на Калинин, командующий группой армий “Центр” записал в своём дневнике: “Я сказал Штраусу, что Калинин еще долго будет оставаться “кровоточащей раной” армии, если в этот район не подойдут сильные пехотные части. Потом я сказал ему, что центры приложения главных военных усилий армии должны находиться по обе стороны от Старицы. Штраус высказал предложение послать “хотя бы один танковый корпус” на север от Калинина в направлении Бежецка. Я ответил, что для этого еще не настало время, но что он — в соответствии с ранее полученным приказом — должен проводить разведку боем в этом направлении. Еще слишком рано говорить, куда лучше нацелить острие наступления 9-й армии — на Бежецк или на Торжок. Так как враг перед фронтом 16-й армии продолжает цепляться за свои позиции, есть большая вероятность того, что объектом наступления 9-й армии останется Торжок”. 20 октября: “9-я армия смыкает свои ряды и медленно движется на север. 3-й танковой группе пришлось отозвать свои части, посланные в направлении Торжка, и задействовать их в боях с противником, который со всех сторон атакует Калинин”. 21 октября: “Под Калинином русские продолжают атаковать”.

Директива, отданная фон Боком своим войскам, действовавшим в районе Калинина, была следующей: “9-я армия и 3-я танковая группа должны не допустить отвод живой силы противника, стоящей перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии (выделено мной. — С. М.), взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника. 3-я танковая группа с этой целью, при удержании Калинина, как можно быстрее достигает района Торжок и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через реку Тверца и верхнее течение реки Мста на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин — Бежецк — Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин — Старица и южнее до подхода частей 9-й армии”.

Итак, обе стороны готовились к наступлению.

20 октября Конев отдал четырём своим армиям приказ о переходе в наступление:

“...2. Войскам Калининского фронта (...) главными силами окружить и уничтожить группировку противника в районе Калинина, между рекой Волгой и Московским морем, и к исходу 21.10 овладеть г. Калинин, не допустить перегруппировки противника для наступления на юго-восток, на Москву...”

Далее командармам расписывался порядок наступления, направление атаки, время и пункты выхода на конечные цели.

Немцы успели основательно подготовиться к обороне. Свои позиции они уступали только перед явным преимуществом противника. Но и, отходя, как правило, контратаковали и в большинстве случаев возвращали первоначальные рубежи. Атаки длились несколько дней. К концу октября армии Калининского фронта выдохлись. Продвижение вперёд было незначительным. Конечная цель наступления — освобождение Калинина — не достигнута. Отдельные группы зацепились за юго-восточные и северные окраины города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти на исходные.

Эта книга — попытка написать биографию маршала. Но маршала без солдат не бывает. Солдаты, бойцы, красноармейцы, рядовые, сержанты, старшины, лейтенанты, капитаны — они, по большому счёту, и есть часть биографии маршала. Привожу фрагмент воспоминаний бывшего пулемётчика 185-й стрелковой дивизии В. С. Флёрова.

Давайте перенесёмся из ближнего штабного тыла в ту среду, которая непосредственно на местности, в окопах и среди развалин городских кварталов, исполняла приказы командиров и пыталась сделать реальностью замыслы штабов.

Василий Сергеевич Флёров, бывший пулемётчик 26-го пульбата 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии: “...Два наших расчёта, прикрывая фланг

батальона, участвовали в одном из штурмов городских окраин. Пехотинцы ворвались в город, продвинулись на два-три квартала, и мы затащили станки в немецкие окопы. Здесь были огневые точки с укрытиями под домами, несколько отрытых в полный рост окопов в 5—7 метров длиной. Мы установили пулемет, чтобы можно было вести огонь вдоль улицы. Кругом беспорядочная стрельба: винтовочная — наша, треск автоматов — немцев. Позади частокол разрывов минометных мин, а впереди хлопки ручных гранат и разрывы снарядов. Я лег у пулемета, а братва ринулась осматривать немецкий блиндаж, обследовать соседние ДОТы. Пожар в доме через улицу разгорался, я оттащил пулемет в тень. Меня все время грызла мысль о возможной контратаке. Впереди нарастала стрельба, сквозь грохот пробивались крики, по дворам и огородам к нам, размахивая винтовками, бежали солдаты. Обзора справа фактически не было, все закрывали домишки, сараи, сарайчики и прочие хозяйственные постройки. И тут я увидел нечто, заставившее меня вскочить: дом, обычный маленький деревянный дом городской окраины как бы лопнул изнутри, и из облака не то дыма, не то пыли просунулась лобовая часть немецкого танка.

Немцы бросили в контратаку танки, против которых мы были беспомощны. Я закричал, выпрыгивая из окопа, ко мне бежали солдаты расчета. Мы подхватили станкач, завернули за дом, перебежали на другую сторону улицы, прикрываясь дымом пожарища, повели огонь в ту сторону, где, сокрушая постройки, ворочался немецкий танк. Выпустили ленту, раздалась команда: "Отходи!" Опять волокли станкач через поле, усеянное мелкими воронками. Мы оглохли от близких разрывов, но пулемет не бросали, хотя потеряли последнюю, третью коробку с нерасстрелянной лентой. Для нас все обошлось без потерь, а у соседей из 16 человек осталось только трое...

Никакого опыта уличных боев у нас не было, выбить немцев мы могли, но удержаться не удавалось. После этого стали готовить подручные противотанковые средства: брали пять обычных ручных гранат РГД, у четырех свинчивали ручки и прикручивали эти гранаты к пятой телефонным проводом. Так получалась связка, которая, попав под гусеницу, могла ее перебить и остановить вражеский танк.

29 октября 1-й и 3-й батальоны ночью штурмовали кварталы северо-восточной окраины Калинина. Немцы бросили в контратаку танки и авиацию. Уже днем пришлось отойти на исходные позиции. В этом бою, как рассказывали, командир полка майор Казак личным примером воодушевлял бойцов.

На следующую ночь новая атака — и все вновь повторилось, опять противник восстановил положение. 2-й батальон, который мы поддерживали, тоже должен был идти в наступление, но приказ отменили, послали другой батальон, а нам приказали спешно заняться изготовлением связок гранат. Как впоследствии выяснилось, командир дивизии получил сведения, что немцы попытаются танками протаранить нашу оборону у шоссе на Бежецк, и наш батальон оставили как резерв командира дивизии, как противотанковый заслон. Но, видимо, немцам было не до наступления на этом участке фронта.

Сковав немцев под Калинином, 185-я стрелковая дивизия, не добившись большого успеха, тем не менее, вместе с другими соединениями помогла другим фронтам.

... "Калининское сидение", как потом называли бойцы почти месяц боев под Калинином, закончилось. 15 ноября началось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Одним из направлений главного удара был Клин. И нашу дивизию, числившуюся в резерве командующего Калининским фронтом, перебросили туда".

Неудача октябрьского наступления на Калинин имеет множество причин. Военные историки называют и весьма распространенную в 41-м году практику введения в бой сил и огневых средств не единой мощной группировкой, согласованной по времени, а частями. Именно начальный период войны оставил в истории множество примеров того, когда даже крупные группировки, вводимые в дело "пачками", терпели поражение от противника, который уничтожал их также последовательно, частями.

Ответный удар противник нанёс 2 и 3 ноября на стыке 29-й и 31-й армий, пытаясь вновь прорваться к райцентру Медному, захватить плацдарм на северном берегу реки Тверцы и оседлать участок Ленинградского шоссе, тем самым нарушив коммуникации обороны Калининского фронта. Немцев встретили сосредоточенным огнём на заранее подготовленных и укрепленных позициях. Два дня пехотные дивизии VI-го армейского корпуса генерала Фёрстера при поддержке авиации, танков, артиллерии, миномётов и штурмовых орудий безрезультатно пытались таранить советскую оборону. На третий день, опасаясь прорыва, Конев приказал всё же отвести войска на рубежи нижнего течения реки Тьмы. Это были тыловые позиции, которые в создавшихся обстоятельствах представляли наиболее выгодную оборону. Маневр удался. Танки и пехота Фёрстера дальше не прошли ни на шаг. Следующую атаку немцы предприняли в районе Селижарова. Произошло это 6 ноября на участке 22-й армии генерала Вострухова. Противнику удалось смять оборону 22-й армии, прорваться к Селижарову и захватить город. Но Конев тут же ввёл в дело свой резерв: 54-ю дивизию полковника Есаулова и 8-ю танковую бригаду полковника Ротмистрова. Немцы были отброшены.

Ноябрь на Калининском фронте прошёл в серии взаимных ударов.

Однажды во время боёв на селижаровском направлении, в самый их пик, когда Конев бросил резерв, во время одной из контратак, были захвачены пленные. Ещё до начала допроса и по одежде, и по снаряжению сразу заметили — к фронту прибыла свежая часть. Допрос пленных, а затем агентурные сведения подтвердили догадки: немцы начали переброску войск в район южнее Калинина — накапливают крупную группировку перед фронтом 30-й армии.

Армия генерала Хоменко прикрывала клинско-солнечногорское направление, протяжённость её фронта составляла 70 километров. Боевой состав: стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный и запасный полки. Вторые эшелоны и резервы отсутствовали. Оборона носила очаговый характер, промежутки между опорными пунктами составляли три-четыре километра. Немецкая разведка, конечно же, перед наступлением тщательно обследовала местность, по которой 3-й танковой группе и частям 9-й полевой армии предстояло осуществить второй, завершающий этап наступления на Москву.

Правды ради надо заметить, что командарм-30 своим донесением предупреждал штаб Калининского фронта о том, что перед его фронтом в последние сутки противник ведёт переброску войск, в том числе крупных танковых соединений, что армия ослаблена предыдущими боями, нуждается в пополнении и усилении огневыми средствами, особенно противотанковой артиллерией. К сожалению, Конев не придавал информации генерала Хоменко должного значения.

Немцы атаковали 15 ноября.

И. С. Конев: “Оно развёртывалось в обычном для немцев стиле — атака пехоты и танков при массовой поддержке авиации”.

Удар пришёлся на 30-ю армию Калининского фронта и на 16-ю — Западного. Противник таранил стык фронтов, обнаружив здесь самое слабое место в советской обороне и перспективное для развития удара с целью охвата Москвы с севера.

Одновременно под Тулой и Алексинем группа армий “Центр” перешла в наступление, охватывая тульскую и серпуховскую группировку наших войск с целью замкнуть гигантское кольцо окружения южнее Москвы.

Снова, как и в первых числах октября, на карту ставилось всё.

В первый день 5-я стрелковая дивизия, на которую пришёлся основной удар танкового клина, удержала позиции. Противник понёс большие потери в танках и живой силе. Но давление нарастало. Немцы подошли к Волге. Чтобы не подвергать 5-ю дивизию, стойко державшуюся на своём рубеже, угрозе охвата со стороны соседей, где наметился прорыв фронта, Конев при-

казал генералу Хоменко отвести дивизию за Волгу. Одновременно на угрожаемый участок начал переброску резервов.

Исследователи московского сражения считают это решение комфронта «обоснованным, но запоздалым». Возможно. Но, тем не менее, 30-я армия в момент наивысшего накала боёв была усилена 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой бригадой и отдельным мотоциклетным полком.

К исходу 16 ноября 5-я стрелковая дивизия заняла заранее подготовленный рубеж на левом берегу Волги и отразила все попытки противника форсировать реку на этом участке. 21-я танковая бригада, 2-й моторизованный и 20-й запасный стрелковый полки продолжали вести тяжелые бои на рубеже Городня, Красная Горка, не допуская прорыва противника к мостам через Волжское (Иваньковское) водохранилище. Южнее водохранилища, у переправы через р. Ламу, дралась 107-я мотострелковая дивизия полковника Чанчибадзе с приданными частями усиления. К вечеру противник усилил нажим, бросил в бой до 60 танков и штурмовых орудий, потеснил полки Чанчибадзе и форсировал Ламу, овладев опорными пунктами Дорино и Гришкино. Мосты через переправы во время отхода были взорваны. Но это не остановило немецкого наступления, а лишь задержало его.

Спустя сутки, 17 ноября к исходу дня, войска 30-й армии действовали уже в трех расчлененных группировках: за Волгой — у Поддубья, Судимирок, Свердловка; на южном берегу Волжского водохранилища — в районе Ново-Завидовского и Завидова; восточнее р. Ламы — на участке Дмитрово, Гришкино. Брешь между группировками, действовавшими в районах Ново-Завидовского и Дмитрова, увеличилась до 20 километров.

И. С. Конев: «Для уяснения обстановки и оказания помощи командующему 30-й армией я направил в его штаб исполняющего обязанности начальника штаба фронта, генерал-майора Е. П. Журавлева. Туда же прибыл и член Военного совета Западного фронта Д. А. Лестев. Гитлеровцы нажимали. Их авиация непрерывно бомбила войска и тылы армии. В один из налетов фашистских стервятников бомба попала в избу в Завидове, где находились Хоменко, Журавлев и Лестев. Был ранен Журавлев и убит Лестев. Это была очень тяжелая утрата — Лестев пользовался большим авторитетом, стойкий коммунист, душевный человек и мужественный воин.

К 17 ноября положение на фронте еще более обострилось. Противник упорно теснил фланговые армии Калининского и Западного фронтов».

17 ноября Ставка приняла решение передать 30-ю армию в состав Западного фронта. Жуков со свойственной ему решительностью отстранил генерала Хоменко от должности командарма и назначил на его место генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

Дмитрий Данилович Лелюшенко, талантливый командир, танкист, Герой Советского Союза, к тому времени только что вернулся из госпиталя. В октябре в районе Можайска он был тяжело ранен. Жуков, обладавший феноменальной способностью из массы военачальников выбирать, а в критический момент буквально выхватывать нужных ему людей и расставлять их на нужные места, точно определил, кто сможет справиться с ситуацией в районе Волжского водохранилища.

Впоследствии генерал Лелюшенко будет успешно командовать 30-й армией в ходе многих операций на ржевском и других направлениях в составе Калининского фронта. Затем война разведёт пути двух генералов, но в 44-м снова сведёт на 1-м Украинском. Конев будет командовать фронтом, а Лелюшенко — 4-й танковой армией. Конев уже назовут в войсках «Солдатским маршалом». А Лелюшенко — «Генерал «ВПЕРЕД!» Но это будет не скоро...

А тогда, в середине ноября 41-го, когда центр тяжести боёв сместился в полосу Западного фронта, Коневу было поручена задача действовать таким образом, чтобы противник не смог снять для усиления своей ударной группировки ни одной дивизии, ни одного танка.

Говорят, что именно в эти дни Конев завёл себе палку.

Ох уж эта палка! О ней порой говорят больше, чем о том, что действи-

тельно тогда решало судьбу фронта в районе Калинина и Торжка. Мол, генерал Конев был настолько неотёсан и груб, что выстругал себе специальную палку, чтобы бить ею прощтрафившихся командиров. Что ж, давайте же разберёмся и с палкой.

Слово — очевидцам.

Генерал Громов: "...мы дрались на Калининском фронте. В конце 1941-го, в начале 1942-го, трагическая, кошмарная обстановка была. Длина фронта — 580 километров. В одном месте "мешок" подозрительный. И танки лезут со всех сторон. Каждый день меня "расстреливал" Конев за то, что я танки не отражаю. Я Конева в душе уважаю. Он грубоватый, как топор, может врезать палкой, но довольно быстро отходил, иногда понимал, что не прав. Как он меня распекал! "Это что же вы делаете? Вы чем командуете? Вы знаете, что такое Ил-2? Да он если "эрэсом" по танку даст, танк переворачивается!" — "Товарищ командующий, я просил всех командармов, кто какую новинку получит, особенно танки немецкие, доставлять мне на полигон, чтобы я мальчишек приучал, и мы сами бы понимали, что за штука вина и как ее раскусить". Как же он меня пушил: "Хоть ты и национальный герой, но я тебе спуска не дам!" У него было такое представление, что Ил-2 — идеальный самолет, и как только появится, от его выстрелов, от "эрэсов" все летит. Но ничего подобного. Может гусеницу разорвать, если попадет в слабое место, вмятину хорошую сделать. Вот когда на нем противотанковые бомбы появились, ПТАБы, другое дело..."

Свои мемуары бывший комбриг и командующий ВВС Калининского фронта написал очень откровенно, правдиво, особо не оглядываясь на авторитеты и высокое положение тех, с кем в годы войны был рядом и на равных. Палкой от Конева, видимо, попадало и ему. Но об этой пресловутой палке генерала он упомянул без обиды, без злобы. Притом отметил одну из замечательных человеческих черт характера своего бывшего командующего — незлопамятность, отходчивость. Однажды Конев, став свидетелем невыполнения одним из лётчиков-истребителей приказа, тут же распорядился: "В расход!". Громов рассудил по-своему: понимая, что в воздухе в момент боя с лётчика может овладеть минутная слабость, объявил тому наряд вне очереди и ни в коем случае больше не попадаться командующему на глаза. Но через несколько дней Конев увидел того лётчика и спросил Громова, почему тот не выполнил его приказ. "Выполнил, — сказал Громов. — Вы приказали его *в расход*, вот он на кухню и пошёл..." Конев только головой покачал и больше к этой теме не возвращался.

Но вернёмся к палке. Потому как она всё же была.

И — снова слово непосредственному свидетелю.

Из рассказов Главного маршала авиации А. Е. Голованова писателю Феликсу Чуеву.

"Александр Евгеньевич отмечал, что Конев был удивительно храбрым человеком. Командуя Калининским фронтом, он получил донесение, что одна из рот оставила свои позиции и отошла. Иван Степанович поехал туда и, лично руководя боем, восстановил положение. "Правда, — говорил Голованов, — я был свидетелем, как Сталин ругал его за такие поступки и выговаривал ему, что не дело командующего фронтом лично заниматься вопросами, которые должны решать, в лучшем случае, командиры полков, но храбрых людей Сталин очень уважал и ценил".

— Я тебе скажу следующее дело, — продолжает Голованов, — Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: "Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!"

Сталин, конечно же, знал о палке Конева. Но ни разу ему не выговорил. Видимо, разделял его прямоту и желание решать некоторые проблемы, минуя трибунал.

Палка же, как рассказывает дочь маршала Наталья Ивановна, у Конева появилась по причине того, что в этот период у него обострились некоторые застарелые болезни. После вяземской катастрофы обострилась язва желудка. Вернулась боль в ноге, да такая, что иногда по несколько дней хро-

мал. Ещё до войны, готовясь к какому-то смотру войск, упал с коня и повредил ногу. Вот и завёл себе, как в народе говорят, третью ногу...

Сталин Конева растил как полководца. Многое ему прощал, особенно на первых порах. Он видел в нём будущего блестящего тактика, будущего победителя тех, кто пока был не по зубам Красной армии и её штабам. Той же любовью он любил Жукова, Рокоссовского, точно так же будет формировать Черняховского и Голованова. Влияние Сталина на Конева было огромным. Хотя во время войны встречались они не так уж и часто. Можно предположить, что Конева постоянно чувствовал Верховного Главнокомандующего рядом. Но эта тень его не угнетала, напротив, вселяла уверенность в собственные силы и решения.

Однажды в кабинете Сталина появились два новых портрета — Суворова и Кутузова. В тот день Верховный проводил совещание, и участники совещания обратили внимание на портреты прославленных русских полководцев. Начался разговор. Сталин сам подбросил щепок в огонь, зная, что среди его генералов и маршалов нет единства. Между двумя фельдмаршалами действительно всегда существовало и донныне существует некое историческое соперничество. Одни, как вспоминают участники того памятного разговора, отдавали предпочтение Суворову, другие выше ценили мудрость и осторожность Кутузова. И тогда Сталин внимательно посмотрел на Конева, приглашая к разговору его. В то время Конева в сталинском кабинете был человеком редким, вёл себя сдержанно. Конева сразу назвал Суворова, отметил в нём такие полководческие качества, как быстрота и внезапность действий, сказал, что Суворов не проиграл ни одного сражения, разбивая всякого врага, с которым ему приходилось иметь дело. Верховному очень понравилось то, с каким жаром и искренностью отстаивал свою позицию Конева.

Сам Сталин своего предпочтения не высказал. Но когда появились полководческие ордена, высшим стал всё же орден Суворова.

Конева будет награждён этим орденом дважды, оба I-й степени: в августе 1943 года и в мае 1944 года.

В мае 1945 года Конева будет вручать этот орден командующему 12-й армейской американской группой генералу Омару Брэдли.

Дважды будет удостоен и ордена Кутузова I-й степени.

Среди генералитета эти ордена подчас ценились выше “Золотой Звезды” Героя Советского Союза. Особенно в среде генералов и маршалов-фронтовиков.

Сталин, внимательно наблюдая за тем, как его питомец мужает в боях и на равных дерётся с лучшими генералами и фельдмаршалами Гитлера, ревниво ограждал Конева от нападков со стороны, от всяческих неприятностей, которые могли помешать главному. Точно так же он относился и к другим своим любимцам — Рокоссовскому, Жукову. Он считал себя их создателем, творцом. Так оно и было. И когда несправедливо умаляли заслуги кого-то из них, воспринимал это как личное оскорбление.

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: “Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конева и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал “шапку” приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. “Шапку” занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошел в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст!

В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил “шапку”, заголовок написал сокращенно: “Ком. 1 УФ”, упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымянный приказ? Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось, наконец, исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти”.

Такие, как Конев, не стремятся к наградам и звёздам. Такие стремятся к победам. А ордена и звёзды на петлицы и на погоны приходили сами собой, с победами. Личная храбрость дополняла характер будущего полковника теми бесценными чертами, которые обычно завершают портрет героя. И если порой доклад можно было подсластить пиллолей и преувеличить значимость скромной победы, представив её как нечто более значительное, чем отличались во время войны почти все штабы без исключения, то личную храбрость и умение держать себя в руках в самых скверных обстоятельствах имитировать было невозможно. Солдат знал, чем пахнет окоп и как ёкает селезёнка, когда надо было подниматься в атаку или когда перед окопом появлялась “бронеединица” противника.

В ноябре под Калинином был момент, когда Конев поднял роту в контратаку, и положение на угрожаемом участке было восстановлено как раз благодаря этой неожиданной стойкости отступающего, наполовину разбитого и рассеянного подразделения.

Конев сам был храбр и умел ценить храбрость своих подчинённых. Он чувствовал солдатскую душу.

Ноябрьское наступление, проводимое немцами как второй этап операции “Тайфун”, так же, как и октябрьский бросок на Москву, своей цели не достигли. Противник был остановлен.

Красная армия накопила силы и готовилась к контрудару.

Калининский фронт выполнил приказ Ставки.

Фельдмаршал фон Бок, все эти дни не покидавший своего передового командного пункта и лично руководивший последним решающим броском на Москву, как отметил в дневниковой записи за 22 ноября Гальдер, “со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись... Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только может”.

Последний батальон, который действительно мог решить судьбу Москвы, тем временем находился под Калинином. Но снять оттуда его фон Бок так и не осмелился. Этот батальон день и ночь не выходил из боя, его непрерывно атаковал батальон противника, принадлежащий одной из стрелковых дивизий Калининского фронта.

Командующий группой армий “Центр” начал получать из штабов своих армий и соединений тревожные донесения: его войска не могли больше продвигаться вперёд, а то, что в результате жесточайших боёв достигнуто, оплачено слишком большой кровью германских солдат. Переутомлённый и больной, фон Бок запросил главнокомандующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича об остановке операции. Браухич, зная, что Гитлер отреагирует на такое известие слишком нервно, ответил, что “не в его компетенции принимать такое решение”. Бои продолжились. Фон Бок, видимо, чувствовал, что русские вот-вот предпримут нечто такое, что германским войскам ещё не доводилось испытывать во время похода на восток.

И фон Бок, и фон Браухич на своих постах продержатся недолго, вскоре они будут отстранены от командования войсками и отправлены — один в резерв, другой на лечение.

Глава восемнадцатая

БИТВА ЗА КАЛИНИН И МОСКВУ. ВПЕРЕД!

“... Принято к исполнению, нажимаю вожью!”

В дни калининского “сидения” в жизни Конева произошло некое событие, которое впоследствии изменит всю его личную жизнь. Однако вначале он не придавал этому событию особого значения.

Все эти дни, как вспоминал адъютант командующего Саломехин, они жили в просторной избе. Обед им готовила хозяйка. Саломехин приносил тушёнку, хлеб, и хозяйка варила им картофельное пюре, сдобренное тушёнкой. Тем немногочисленный штаб Калининского фронта и питался. Когда у Конева обострилась язва желудка, он попросил Саломехина найти опрятную женщину, которая умела бы хорошо и более разнообразно готовить и которая бы согласилась ещё и убираться в его комнате. Не мог он заставлять своих сослуживцев, будь это даже рядовой боец тыловой части, принуждать ухаживать за собой. Денщикество он возненавидел с 1916 года, когда в 212-м полку вынужден был терпеть власть глумливого фельдфебеля.

Саломехин отправился в расположение тыла 30-й армии. Разыскал заместителя по тылу, сказал: так, мол, и так, нужна скромная, работающая, чистоплотная.

— Есть такая? — спросил он тыловика.

— Есть, — тут же ответил тот. — Антонина Васильевна Петрова. Самая что ни на есть образцовая. Имеет благодарность по службе. Только ты сам с нею договаривайся. Если согласится, я отпущу.

— А где она, твоя Антонина Васильевна?

— Да вон она. — И офицер кивнул на буфетчицу.

Рассказ Антонины Васильевны Коневой (Петровой) в пересказе дочери Наташи Ивановны Коневой: “В штабе фронта, куда Антонину привез адъютант Саломехин, была комната командующего. В ней стоял заваленный картами стол, деревянная скамья, узкая железная кровать, накрытая солдатским одеялом, а под кроватью тапочки. В комнате было пыльно, неудобно. Мама тут же начала наводить порядок и чистоту. Вошел командующий — высокий, худой и очень усталый, как вспоминала мама. Он куда-то спешил и на ходу надевал шинель. Посмотрел на молоденькую девушку, растерянно стоящую посреди прибранной комнаты, и сказал очень мягко, несмотря на суровый вид и привычку отдавать приказы: “Ну, будь хозяйкой”, — и почти сразу уехал.

Их близкие отношения начались спустя полгода после этой встречи.

Он к ней долго присматривался, расспрашивал о родных, о ее жизни до войны. Она с самого начала понимала, что приглянулась командующему. Отец все больше привязывался к этой милой, кроткой с виду, но с сильным характером девушке. Молоденькая Тоня обладала той женской преданностью и надежностью, теплом и добротой, которых ему не хватало в другой жизни, с женщиной, что “не умела ждать”.

На первый взгляд, типичная ситуация. Полевые жёны были и у Рокоссовского, и у Жукова, и даже у многих командармов. Война, какой бы долгой она ни была, в конце концов закончилась, и генералы вернулись в свои семьи, к законным жёнам.

Но для Конева фронтовая любовь стала судьбой.

Антонина Васильевна Петрова родилась на хуторе Мухино Торопецкого уезда Псковской губернии в многодетной крестьянской семье. Вот откуда и трудолюбие, и умение делать любую домашнюю работу. Тем не менее Антонина смогла окончить сперва начальную школу, а потом и среднюю. В шестнадцать лет с подругами уехала в Москву, на заработки. Устроилась в Наркомат леса, буфетчицей. На паях с подругой снимала комнату. Вскоре началась война. Подруги пошли в военкомат. Их направили в 31-ю армию. Во время вяземского сражения 31-я армия была сильно потрепана и отошла в район Ржева. Когда началось отступление и паника, кто-то из штабных офицеров приказал весь женский персонал отправить на грузовиках в Москву. В военкомате девчат начали агитировать пойти работать на заводы. Но они снова попросились на фронт. Их направили под Калинин, в 30-ю армию.

Когда случались свободные минуты, Конев просил Антонину рассказать о своей родине. Она рассказывала, какой красивый край — окрестности Торопца — Жижичское озеро, где сохранилось имение композитора Мусоргского, каменные холмы, поля, засеянные льном, прозрачные, как небо, реки... Конев слушал её и представлял свою родину — засыпанные снегами леса, кондовые дома Лодейна, лица земляков. Эта простая псковская девушка подарила ему то, что, как ему казалось, он потерял уже навсегда.

Живому человеку на войне — не только война...

В ночь на 1 декабря 1941 года в Ставке решалась судьба не только Калининского фронта, но и всей битвы под Москвой. Как рассказывал маршал Жуков в своих мемуарах, после тщательного и всестороннего изучения характера и результатов боев войск фронта Ставка пришла к выводу, что метод частных атак, предпринятых на различных направлениях 27–29 ноября, неэффективен и в дальнейшем он не принесёт тех результатов, которые нужны теперь.

Ещё накануне Коневу позвонил Сталин, поинтересовался обстановкой и пока в общих чертах, без обозначения конкретной даты, сказал, что Калинин в ближайшие дни должен быть взят.

По замыслам Ставки и Генштаба предусматривалось одновременное нанесение ударов силами Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов с целью разгрома ударных группировок противника, действовавших севернее и южнее Москвы с охватом всей западной группировки. Контрнаступление предполагало создание контррешей, почти в зеркальном их виде.

Маршал Конев: “В соответствии с замыслом Ставки командующие фронтами принимали свои решения. Жуков решил нанести главный удар на клинском и истринском направлениях, разбить основную группировку противника на правом крыле фронта, а ударом на Узловую, Богородицк — фланг и тыл группировки Гудериана на левом крыле фронта. На правом крыле удар в общем направлении на Клин наносили войска 30-й армии, 1-й ударной армии, 20-й, 16-й армий. Должен сказать, что Западный фронт был усилен 1-й ударной армией, 20-й армией, а на левом крыле 10-й армией.

Войска Калининского фронта, не имея, повторю, превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией противника, вместе с тем занимали исключительно выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву.

В результате активных действий наших войск в октябре — ноябре 1941 года 9-я немецкая армия развернулась, точнее, мы ее заставили развернуться, фронтом на северо-восток. Войска Калининского фронта нависали над ней. Мы знали, что 9-я армия развернута на широком фронте в одну линию, все ее войска втянуты в сражение и уже начали выдыхаться. Момент для начала контрнаступления был самый подходящий”.

Маршал Жуков (“Воспоминания и размышления”): “Командующий фронтом генерал И. С. Конев, получив приказ Ставки, доложил, что выполнить его не может из-за нехватки сил и отсутствия танков. Он предложил вместо глубокого и достаточно мощного удара, намеченного Верховным Главнокомандованием, провести частную операцию по овладению Калининском.

Ставка совершенно справедливо заметила, что предложения командующего Калининским фронтом не только не соответствуют, а прямо противоречат общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой.

И. В. Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. М. Василевскому, подписавшему вместе с ним упомянутую выше директиву о создании ударной группировки Калининского фронта, переговорить с генералом И. С. Коневым, разъяснить его ошибку и суть дела. Александр Михайлович прекрасно выполнил это поручение. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на фронте, его состава и возможностей, он сообщил 1 декабря И. С. Коневу по “Бодо”:

“Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен”.

Затем А. М. Василевский подробно разобрал силы фронта, посоветовал, откуда снять дивизии, как усилить их артиллерией из ресурсов фронта.

“Дорог буквально каждый час, а поэтому надо принять все меры к тому, чтобы начать операцию не позднее утра четвертого”, — подчеркнул он.

Командующему фронтом осталось только признать справедливость расчета Ставки и дать заверение, что он соберет все для удара.

“Иду на риск”, — заметил И. С. Конев все же в заключение”.

Возможно, Жуков таким образом хотел показать нерешительность Конева и то, что тот не был посвящён в главную суть операции, что вся машина войск, двинувшихся вперёд, попросту понесла в том же направлении и войска Калининского фронта... Не случайно упомянул и о советах Василевского, которые тот дал Коневу накануне наступления: откуда что снять и где что усилить...

Видимо, все эти размышления были связаны с тем, что первыми начали наступление всё же войска Калининского фронта. Не было у Ставки уверенности в том, что декабрьские удары перерастут в наступление всех трёх фронтов, прикрывавших московское направление. Вот и решили: пусть начнёт Конев, а там посмотрим.

Сам Конев тоже понимал, что 5 декабря может превратиться в 14–16 ноября, когда тоже пытались контратаковать и здесь, на севере, и под Серпуховом, в центре, но ничего не вышло, только израсходовали резервные дивизии.

Вот почему вырвалось это: “Иду на риск”.

Но Конев продолжал забрасывать Ставку и Генштаб просьбами о пополнении людьми и в особенностях танками. Но все основные резервы к тому времени уже были переданы Жукову, и Калининскому фронту дать было попросту нечего.

Конева иногда упрекают за то, что не смог окружить калининскую группировку немцев, что взял город штурмом, с большими потерями, что, мол, как начал наступление — не совсем удачно, — так и дальше пошло, и всё уткнулось в Ржев и дальше Ржева наступление не развивалось.

На первый взгляд, так оно и было. Но при более тщательном рассмотрении проблемы причина топтания на месте наших войск, полукольцом охвативших Калинин, весьма банальна — не хватало сил. В отличие от Западного фронта, который перед контрударом получил из резерва несколько армий, танковых бригад, артполков и дивизионов “катош”, Конева передали всего одну стрелковую дивизию. Чуть позже, когда недостаток сил стал очевидной причиной неудач в ходе начавшегося наступления, сюда направили ещё два отдельных танковых батальона. Вот это больше походило на крохоборство. И только когда Ставка приказала Жукову вернуть 30-ю армию в состав Калининского фронта, у Конева появилась возможность более свободного и широкого маневра.

Накануне, 12 декабря, Сталин позвонил Коневу.

— Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют, — сказал Верховный. — Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы, как крохобор и кустарь, вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику вы заменили тактикой действительного наступления.

В трубке зашуршала тишина. Надо было докладывать.

— Докладываю: все, что у меня было собрано, брошено в бой. Группировка наших войск состоит из пяти стрелковых дивизий, одной мотобригады, превращенной в дивизию, одной кавалерийской в составе 300 активных сабель. Танковые батальоны удалось собрать только в составе легких танков к исходу 10 декабря. Дело осложнила оттепель. Через Волгу тяжелые танки переправить не удастся. Лично не удовлетворен командармом 31-й армии Юшкевичем. Приходится все время толкать и нажимать, в ряде случаев принуждать под угрозой командиров дивизий. Две стрелковые дивизии направлены для усиления. Сегодня к исходу дня сосредоточилась одна. Требуется на приведение в порядок — раздачу оружия, освоение оружия — два-три дня. Вторая дивизия — разгрузилось два эшелона. Ваши указания поняты, приняты к исполнению. О противнике: противник, кроме обороняющихся 161 и 162 пд, подбросил частично 129 пд, один полк 110 пд. Сегодня в Чуприяновке уничтожили два батальона дивизии неустановленной нумерации. Кроме того, вчера авиация отмечала движение от Пушкино на Калинин до 800 машин. Все эти силы противника значительно потрепаны нашими действиями. Все контратаки врага успешно отбиваются. В боях захвачено пятьдесят орудий, из них восемь тяжелых — калибр 150 мм, 203 мм, 305 мм. Много другого имущества. Все.

— Какая последняя у вас обстановка?

— Сегодня овладели Марьино, Чуприяново. Идет бой за овладение Салыгино, Гришкино. В Гришкино ворвались наши танки. На участке Мозжарино, Гришкино до двух полков противника. В остальном без изменения. Все.

— Больше вопросов нет. Я думаю, что вы поняли данные вам установки. Действуйте смело и энергично. Все. До свидания.

— Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю всюю.

— Все. До свидания.

Такие наставления, которые время от времени Верховный главнокомандующий делал своим командующим, как правило, действовали магически. Дальнейшие события к северу от Москвы свидетельствуют о том, что должное впечатление они произвели и на Конева.

Маршал Жуков в “Воспоминаниях и размышлениях” действиям своего соседа справа посвятил немало строк. В частности: “В первый день наступления войска Калининского фронта вклинились в передний край обороны противника, но опрокинуть врага не смогли. Лишь после десятидневных упорных боев и изменения тактики наступления войска фронта начали продвигаться вперед. Это произошло после того, как правое крыло Западного фронта разгромило немецкую группировку в районе Рогачево—Солнечногорск и обошло Клин”.

Их соперничество никогда не исчезало. И когда они воевали под Москвой, и когда подходили к Берлину, и спустя десятилетия, когда засели за ме-

муары. При этом Жуков не скупился на оценки. Конев оказался более сдержанным.

Первый значительный успех наметился на южном участке фронта: 30-я армия генерала Лелюшенко ударом из района северо-восточнее Клина отбросила войска 3-й и 4-й танковых групп. Противник откатился на линию шоссе Клин—Солнечногорск и начал немедленную эвакуацию войск и тяжелого вооружения в тыл. 20-я армия Западного фронта одновременно атакует по своему фронту, левее. Армией командует генерал Власов. Войска 30-й армии хлынули вперед и захватили район Клина. Задвигался весь фронт.

16 декабря в 11.00 по московскому времени части 29-й и 31-й армий вошли в Калинин. В составе многих подразделений были бойцы калининских истребительных батальонов, к тому времени зачисленные в полки 5-й и 256-й стрелковых дивизий в качестве рядовых красноармейцев, младших командиров, лейтенантов и политработников. Они дрались за родной город с особым азартом и ожесточением.

Впереди были ещё годы и годы войны. Десятки освобождённых городов. Вначале России, потом Украины, Молдавии, Чехословакии, Польши, Германии... Конев станет почётным гражданином многих из них. Радость освобождённых граждан, которые благодаря советскому солдату вновь станут хозяевами своих городов и своей судьбы, будет безмерной. Но Калинин останется в памяти маршала навсегда. После войны он будет приезжать сюда по приглашению местных властей и граждан города, встречаться с ветеранами, своими боевыми товарищами.

В боях за город, в попытке отстоять этот выгодный для себя опорный пункт с хорошо развитой системой обороны противник израсходовал последние свои резервы. Армии Калининского фронта продвигались вперед, преследуя отступающего врага.

Однако это не был бег побеждённого противника. Немцы отходили. И только на отдельных участках удавалось окружать разрозненные подразделения и уничтожать их в коротких ожесточённых схватках.

Средний темп продвижения войск вперед в эти дни составил 6 километров в сутки. Для пехоты, более того, пешей пехоты, которая составляла основную массу войск Калининского фронта, такой темп был удовлетворительным. Жуков, с присущей ему энергией гнавший вперед войска соседнего Западного фронта, имел примерно такой же темп марша на запад.

С продвижением войск вперед сужалась протяжённость фронта. В таких случаях боевые порядки уплотняются. Но этого не происходило. Армии таяли. Потери убитыми, ранеными, больными, пропавшими без вести росли.

В январе наступление фронтов начало постепенно замедляться. Ресурс дивизий иссякал. Армии Западного фронта уперлись в юхновский и гжатский рубежи обороны противника. Войска генерала Конева какое-то время продолжали обтекать сильно укрепленный Ржев, но противник предпринял серию контратак, и армии остановились.

5 января 1942 года в Ставке состоялось заседание. Сталин выслушал своих наркомов, маршалов и генералов и настоял на продолжении наступления. Главный удар намечалось нанести силами двух фронтов, Западного и Калининского, с целью охвата и разгрома группы армий "Центр". Второй удар планировался на севере, где войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло выполнить задачу снятия блокады Ленинграда.

Жуков и заместитель Председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенский выступили против плана январского наступления. Первый заявил, что наступающие войска уткнулись в мощную, заранее подготовленную оборону противника на выгодном для него рубеже, что разумнее сконцентрировать усилия на одном направлении, западном, передав ему как командующему войсками Западного фронта все имеющиеся резервы и средства. Второй — что "государство в данный момент не располагает материальными ресурсами для обеспечения одновременно всех девяти фронтов".

Но Верховный настоял на своём.

Встречался ли Конев со Сталиным в канун нового наступления или позже, об этом сведений в архивах не обнаружено. В журнале посещений кремлёвского кабинета Конев не значится. Для сравнения: фамилия Жукова только в феврале фигурирует четырежды.

Одновременно с московским контрнаступлением крупные победы были одержаны на севере под Тихвином и на юге в районе Ростова. По выражению Жукова, у многих в те дни шапки были набекрень от удач, от хороших известий с фронтов, которые потоком шли в Ставку и Генштаб. Но в отличие от многих штабных, высокопоставленных штатских и полувоенных, Жуков прекрасно понимал, что происходит на фронтах и что может произойти в ближайшее время. Многим казалось, что теперь Красную армию не остановить, а у вермахта исчерпан весь ресурс, что теперь немцы побегут до Берлина... Этим же настроением был подвержен и Сталин. Попытка Жукова и Вознесенского просветлить туман наступательно-победной эйфории желаемого результата не дали.

Верховный заметил, что недостаток сил и огневых средств можно компенсировать “умелыми действиями войск”, а именно: “...заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением”.

Метод концентрации артиллерии на участке прорыва, а затем её наступления вместе с пехотой до тех пор, пока не будет взломана оборона противника на всю её глубину, Конев отрабатывал ещё до войны. Под Духовщиной, Ярцевом и Калинином неоднократно пытался применить его в ходе наступательных действий своих войск. Однако в полной мере сделать это было невозможно — у артиллеристов просто не было достаточного количества боеприпасов. Заводы, эвакуированные из центральной России, ещё не наладили ускоренный выпуск снарядов для пушек и мин для миномётов. Конечно, когда нечем стрелять, *умелыми действиями* делу не особенно поможешь. Но когда боеприпасы на огневые позиции всё же доставлялись, расходовать их нужно было с умом. Известно, что бывший фейерверкер отводил артиллерии особую роль в бою, а потому перед боем умел держать артиллеристов, что называется, в тонусе.

Глава девятнадцатая

РЖЕВ, ОЛЕНИНО, ВЯЗЬМА...

“...Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец?”

Командир 6-й немецкой пехотной дивизии 3-й танковой армии генерал пехоты Хорст Гроссман после войны написал книгу о боях подо Ржевом. Книга называется “Краеугольный камень Восточного фронта”. Само название книги свидетельствует о степени важности, которую германское командование придавало обороне так называемого Ржевского выступа, образовавшегося в ходе зимних боёв 42-го года. Хорст Гроссман, дивизия которого дралась в районе Ржева, писал: “Шаг за шагом отходила с боями 9-я армия от Калинина на юго-запад в направлении Ржева, южнее — другие армии на запад. 3 января 1942 года четыре северные армии группы армий “Центр” встали на общую линию Юхнов—Медынь—Боровск—Лотошино—Алексино—Ельцы—Селижарово (южнее Осташкова). Но на правом крыле группы армий “Север” зияла брешь почти в 45 километров. Термометр показывал минус 40 градусов! Тяжелые бои на всем фронте. И все же измотанным и замерзающим войскам, несмотря на чудовищное напряжение от численно превосходящих, отлично подготовленных для зимней кампании и хорошо вооруженных сибирских дивизий, удавалось держать цельную, правда, слабую и тонкую, линию обороны. Только постепенно отступая, командование армии могло спасти фронт от его расчленения и уничтожения по ча-

стям. Только используя гибкую тактику, было возможно отбивать атаки и не допустить прорыва”.

7 января 1942 года штаб Калининского фронта получил новую директиву Ставки: охватывающими ударами по сходящимся направлениям из района северо-западнее Ржева на Сычёвку и Вязьму отсечь основную группировку немецких войск группы армий “Центр”; одновременно левое крыло Западного фронта, ведя позиционные бои в центре, наступает на Вязьму, срывает юхновский выступ, перехватывает Варшавское, Гжатское и Вяземское шоссе. Планировался захват Ржева, Сычёвки, Гжатска. Наступающие группировки двух фронтов должны были соединиться в районе Минского шоссе северо-западнее Вязьмы. Директива Ставки была довольно амбициозным проектом 1942 года. В ней, как в зеркале, отразилось настроение, царившее в тот период в Кремле, в Ставке и в подземных казематах станции метро “Кировская”, где размещался командный пункт Генерального штаба с узлом связи и другими службами.

В штабах Калининского и Западного фронтов, на которые ложилась вся тяжесть столь масштабной операции, картина предстоящего наступления виделась не такой радужной, как в Москве. Чем ближе к передовой, тем меньше энтузиазма. Это понятно. В снежных окопах первой линии бойцы думали о том, чтобы вовремя старшина доставил термосы с горячей кашей и патроны, да чтобы не молчала артиллерия и миномёты, когда ротный даст приказ наступать на ближайшую деревню...

Немцы тем временем усиленно укрепляли занятый рубеж. Войска были отведены на линию Юхнов—Гжатск—Ржев—Селижарово, вывезена техника и тяжёлое вооружение. Здесь шло строительство опорных пунктов, инженерных сооружений, коммуникаций. Расчищались дороги и ближние аэродромы. На пределе возможного работала железная дорога, день и ночь из тыла поступали необходимые войскам грузы, новое вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты. Немцы руководствовались директивой месячной давности. Называлась она так: “Директива ОКХ относительно задач сухопутных войск на Востоке”. В основной части своей актуальности она не потеряла: “Группа армий “Центр” после завершения операций в районе Москвы должна так эшелонировать свои войска, чтобы быть в состоянии отразить удары русских против участка фронта, выдвинутого в направлении Москвы, и против своего левого фланга. Для защиты растянутого фланга группа должна предусмотреть приведение в боевую готовность резервов в районе южнее Осташкова”.

Как и в декабре, первым позиции противника атаковал Конев.

Для проведения операции в районе Старицы и севернее Ржева была сосредоточена ударная группировка в составе двух общевойсковых армий и кавалерийского корпуса, усиленная артиллерией и небольшим количеством танков.

Первой в наступление пошла свежая 39-я армия генерала Масленникова. Оборона противника была сразу же прорвана на всю её тактическую глубину. Авангарды, преодолевая незначительное сопротивление немецких гарнизонов и отдельных опорных пунктов, начали обходить Ржевскую группировку с юга. Через две недели полки первого эшелона 39-й армии стояли уже под Сычёвкой, готовясь к штурму железнодорожного вокзала. Из Сычёвки в Вязьму срочно был эвакуировано полевое управление 9-й армии. Командующий армией генерал Штраус отдал своим войскам, оборонявшим район Сычёвки, приказ город ни при каких обстоятельствах не сдавать, так как именно через сычёвскую железнодорожную ветку шло снабжение 9-й армии. Сам он со своим штабом отбыл в Вязьму. Вязьма тоже оказалась вдруг не тыловым местом, к ней, охватывая город с запада, юга и юго-востока, приближалась ударная группировка Западного фронта: 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова и части 33-й армии генерала Ефремова.

После прорыва в образовавшуюся брешь Конев ввёл 11-й кавалерийский корпус полковника Горина и 2-ю армию генерала Швецова.

Наступление шло в тяжелейших условиях морозной и снежной зимы 42-го года. Леса, болота, реки, овраги, бездорожье. Орудия разбирали и везли на

саях. Тяжёлая артиллерия отставала, и зачастую опорные пункты приходилось брать без достаточной огневой поддержки. Несмотря на всё это, ударная группировка Калининского фронта к 26 января 1941 года продвинулась вперёд на 110 километров и перехватила Минское шоссе западнее Вязьмы. Задача была выполнена. Кавалеристы, седлая автостраду, отрывали в снегу окопы, сооружали снежные валы, обливали их водой, устанавливали у дорог противотанковые орудия. Уже слышалась впереди, западнее Вязьмы, канонада. Там навстречу им шли ударные части Западного фронта. Казалось, кольцо вокруг сорока немецких дивизий вот-вот замкнётся и с самой мощной армейской группировкой противника будет покончено.

13 января Гальдер сделал в дневнике очередную запись: “Наиболее тяжёлый день!

В районе Ржева крупные силы противника проникли на стыке между 6-м и 23-м армейскими корпусами в наше расположение и наступают на железную дорогу Ржев — Сычевка. В Сычевке идут бои за железнодорожную станцию. Таким образом, мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковых армий.

Последствия этого невозможно предусмотреть”.

В это время Жуков гнал вперёд свои армии, он буквально толкал в спину своих командиров и командиров дивизий. Успех правого соседа его подхлёстывал. Верховный, как бы между прочим, в телефонных переговорах ронял слово-другое о том, как хорошо наступает Конев. Сталин был тонким психологом, хорошо знал характер своих генералов. Иному подчас и морали читать не надо, достаточно сказать об успехах соседа, и кровь его закипит.

33-я армия Западного фронта, воспользовавшись узким коридором, почти не занятым войсками противника, вошла в прорыв и вскоре оказалась на окраинах Вязьмы. “Нажимайте, — напутствовал Жуков Ефремова 21 января. — Можете отличиться на этом как никогда”. Но в начале февраля короткими согласованными ударами под основание прорыва немцы отрезали 33-ю от тылов. Началась медленная агония окружённых, лишенных подвоза, эвакуации раненых, возможности свободного маневра. Генерал Ефремов вместе со своим штабом тоже оказался в окружении. 33-я продержится до середины апреля. Ставка не давала разрешения на выход. Когда начнётся таяние снегов и вскроются реки, в одночасье сделав дороги непроходимыми, а реки превратив в моря, армии разрешат выход. Во время боя на прорыв неподалёку от села Климов Завод (ныне Калужская область) тяжело раненный генерал Ефремов застрелится, чтобы не попасть в плен. Генерал Ефремов вошёл в историю Великой Отечественной войны как храбрый генерал, не бросивший своих солдат перед лицом смерти и разделивший участь большинства из них.

Кавкорпус генерала Белова, с боем пробившийся в район Вязьмы через Варшавское шоссе, которое контролировал противник, тут же был отсечён. В прорыв не смогли войти стрелковые части, артиллерия и танки. Только кавалерия.

Соединиться с кавалеристами Калининского фронта ни группировка Ефремова, ни части Белова так и не смогли. Действовали они несогласованно, разрозненно, единого командования не имели.

В середине января, когда под ударами армий Калининского фронта трещал и распался фронт 9-й армии, когда в окружении оказался 23-й корпус, и генерал Штраус начал запрашивать штаб ОКХ о немедленном отходе, Гитлер отправил его в тыл “по причине болезни” и на его место назначил генерала танковых войск Моделя. Моделю было запрещено отступать. Более того, задачей нового командующего было восстановление положения на начало января. Моделя в немецком Генштабе называли “гением обороны”, а ещё “мастером отступлений”. В боях под Ржевом и Вязьмой он окончательно закрепил за собой обе легенды. Впоследствии, благодаря своей необыкновенной энергии, интуиции и точному расчёту в принятии мгновенных решений, а также бесстрашию, приобретёт третью — “пожарный фюрер”. Он покончит с собой в апреле 45-го, запертый американцами в рурском “котле”. Человек долга и чести, как о нём после войны скажет бывший его

сослуживец, военный историк Вильгельм фон Меллентин, он будет выполнять свой долг до конца с присущей ему беспримерной дисциплинированностью. К тому времени фельдмаршал, командующий группой армий “Б” — двадцать одна дивизия — 15 апреля он отдаст приказ о прорыве самых боеспособных групп на восток, подальше от русских, 17-го издаст приказ по группе армий об увольнении из вооружённых сил младших и старших возрастов, а 18-го застрелится, перед этим приказав адъютанту похоронить его там, где упадёт его тело...

Генералу Моделю только что исполнился 51 год. Русскую кампанию он начал командиром 3-й танковой дивизии, в октябре возглавил XXXI моторизованный корпус. В октябре 41-го передовые части корпуса заняли Зубцов, Старицу, Погорелое Городище, а затем первыми ворвались в Калинин. Его танки гасили все контратаки 31-й и 29-й армий. Он не позволил Коневу сомкнуть вокруг “шверпункта” Калинин. А потом так и не отдал Ржева. Кроме высоких полководческих качеств, Модель обладал и другими — он был убеждённым нацистом. Именно 9-я армия первой начала массовые облавы на подростков и молодёжь на оккупированной местности с целью их отправки в рейх в качестве бесплатной рабочей силы. Вербовать бельгийских, французских и швейцарских рабочих для Германии было экономически невыгодно — тем нужно было платить, предоставлять хорошие бытовые условия для проживания. А русских можно было содержать в свинарниках и кормить баландой и заставлять работать под страхом смерти. Конев знал, как немцы обращаются с местными жителями. Насмотрелся и на сожженные деревни, наказанные немцами за то, что молодёжь, чтобы не быть угнанной, пряталась с лесу. Видел повешенных, пытавшихся бежать из вагонов на отправку.

Коневу и Моделю долго придётся стоять друг против друга на ржевском рубеже. Летом 43-го, произведя искусный маневр отхода, Модель со своей 9-й армией займёт исходные на левом, северном крыле Курской дуги, а Конев расположит свой Степной фронт на южном фланге. На этот раз судьба разведёт их.

Основная тяжесть боёв за Ржев легла тоже на Калининский фронт. Ударные группировки великолепно выполнили свою задачу — прорвали оборону противника и охватили её группировки. Теперь предстояло завершить операцию — полностью блокировать район Ржев—Вязьма—Юхнов и добивать группу армий “Центр” в гигантском “котле”. Но замысел такого масштаба невозможно было осуществить наполовину выбитыми, усталыми дивизиями. Ровно через год сталинградская история покажет, насколько это непросто и какая нужна подготовительная работа, чтобы состоялось более скромное окружение с последующим разгромом противника.

Однако проба сил, первая тренировка штабов и войск на охват крупных сил противника состоялась именно здесь. Более того, практические непрекращающиеся сражения на ржевско-вяземском выступе, как теперь стало совершенно очевидным, было частью Сталинградской битвы: немцы были связаны постоянными атаками наших войск так, что не смогли перебросить на юг, в район Сталинграда, ни одного тактического соединения.

И если быть уверенным в том, что так оно и было, монолог героя стихотворения Александра Твардовского “Я убит подо Ржевом...” воспринимается не как завешание *безымянно* погибшего и не как своего рода завешание жертвы войны, бессмысленной бойни, как это трактовалось некоторыми литературоведами и публицистами, а как монолог героя, выполнившего свой солдатский долг до конца, по сути дела победителя во имя будущей, более значительной, быть может, великой победы, но при этом не претендующего на славу победителя. Миссия Калининского фронта, а затем и части войск Западного фронта была именно такой. Пока на юге не решилась судьба Сталинграда.

15 января с некоторым опозданием вперёд двинулась 22-я армия генерала Вострухова. Тем не менее, она быстро развивала удар на юг и юго-восток, стремительно охватывая противника в районе Оленино. В окружении оказалось семь немецких дивизий.

В помощь войскам двух фронтов Ставка бросила в наступление право-фланговые 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта, подчинив их штабу Калининского фронта. Эти армии в январе 42-го действовали довольно успешно, очистив от противника обширный район и углубившись за запад до 250 километров. Они освободили города Торопец, Андреаполь, Западная Двина, уничтожили крупный опорный пункт немцев Пено и перехватили железнодорожный перегон Ржев—Великие Луки. 3-й ударной командовал генерал Пуркаев, а 4-й ударной — генерал Ерёмченко, только что прибывший из отпуски.

Для Андрея Ивановича Ерёмченко назначение на армию было понижением в должности после командования Западным, Центральным, Брянским фронтами. Но там его хронически преследовали одна неудача за другой. В основном — в виде сильных противников, таких, как генерал Гудериан. Ерёмченко лично Сталину обещал разбить “подлеца Гудериана”, но был им разбит сам, к тому же тяжело ранен. Сталин недолюбливал Ерёмченко, и в первую очередь за склонностью к лёгким обещаниям. Однако 4-й ударной армией в ходе Торопецко-Холмской операции, действовавшей совместно с 3-й ударной, удалось достигнуть, пожалуй, самого значительного успеха в этот период боёв. Ерёмченко умело и энергично вёл свои войска, быстро очищая от противника озёрный и лесной край западнее Осташкова. Уже к концу января ударная группировка этих двух армий охватила с юга Демянскую группировку немцев и вышла к Витебску. Для сравнения: если бы так действовали армии Западного фронта, к примеру, на оси Варшавского шоссе, то они к этому времени стояли бы под Рославлем и Ярцевом у Смоленска.

Войска Конева и Жукова, несмотря на все трудности, граничащие с объективной невозможностью выполнить то, что приказывала Ставка, благодаря своему упорству, способности действовать на грани возможного, а точнее, невозможного, поставили группу армий “Центр” и правое крыло группы армий “Север” в тупик.

Январь 42-го стал пиком атак в районе дуги Вязьма—Ржев—Холм. Казалось, ещё чуть-чуть...

Но роль личности в истории всё же велика. Новый командующий 9-й полевой армией сумел совладать и с собственными нервами, и с порученным ему участком фронта.

В конце января Модель предпринял ряд мер по деблокированию войск, окружённых в районе Оленино, и одновременно перехватил узкий коридор, по которым ударная группировка, пробившаяся к Вязьме (29-я, 39-я армии и 11-й кавалерийский корпус), осуществляла подвоз. В какой-то момент Конева понял, что новый командующий противостоящей ему наступающим войскам 9-й армии переиграл его. Армии Западного фронта выходом в заданные районы запаздывали. Чтобы спасти ситуацию, Конева приказал генералу Лелюшенко срочно перебросить свои дивизии с левого фланга, где ситуация была более благополучной, на правый, чтобы предотвратить окружение глубоко ушедшей вперёд и растянувшей свои коммуникации ударной группировки. Но тут случилось то, чего комфронта никак не ожидал от одного из лучших своих командармов.

Генерал Лелюшенко вдруг отказался выполнить приказ, сославшись на то, что дивизии вымотаны боями и бесконечными маршами, что некоторые из них ещё в пути. 30-я армия, согласно приказу Конева, должна была выйти на правый фланг к исходу 23 января. Сроки были нереальными. Лелюшенко, видя непреклонность Конева, обратился напрямую в Ставку. К тому времени в 30-й армии осталось три дивизии. В некоторых полках — по 85—100—120 активных штыков. Армия только что вышла из жестоких боёв под Погорельым Городищем и представляла собой жалкие остатки того, что было брошено в бой полтора месяца назад. Он изложил все свои соображения, при этом заметив, что “ожидаемого тов. Коневым эффекта, при указанных обстоятельствах, армия дать не может”.

Но Лелюшенко видел перед собой армию, Конева — фронт, у которого появились серьёзные проблемы, а Ставка — угрозу всей Ржевско-Вяземской операции, и приказала командарму-30 следовать указаниям комфронта и, не медля, занять северный участок фронта.

Генерал Лелюшенко был опытным и храбрым командиром. Но то ли в нём выиграло что-то субъективное (Герой Советского Союза, получивший Золотую Звезду в 40-м за удачный прорыв на “линии Маннергейма”, да и не Конев, а другой командующий, другого фронта поставил его на армию), то ли в действительности армия находилась в крайне плачевном состоянии, но факт есть факт — обратился за приказом через голову. Однако Конев сумел в себе подавить вспышку гнева, владеть собой он умел. Передал Лелюшенко две дивизии и направил на правый фланг, выручать из беды 29-ю армию генерала Швецова.

Забегая вперёд, замечу, что с Лелюшенко Конев дойдёт до Берлина. Характеры их притрутся. Война постепенно отбирала лучших. К 44-му окончательно отобрала. Рыбалко и Лелюшенко, два командующих танковыми армиями, как два свирепых ветра, послушные воле маршала, будут сметать всё на пути I-го Украинского фронта. И Конев подпишет представление одному из лучших своих командармов ко второй звезде Героя. Но это произойдёт не скоро.

А тогда, в 41-м, приходилось драться на пределе сил, отдавать невыполнимые приказы и исполнять их.

Модель замкнул кольцо окружения вокруг 29-й армии. Все попытки Лелюшенко пробиться к окружённому полному успеху не имели. Захватывали одну-две деревни, закреплялись в них, потом противник отбивал одну из них. Потом снова возвращали её. Силы истощались.

Ставка требовала от командующих войсками Западного и Калининского фронтов продолжения наступления. Жуков топтался перед Юхновом и Сухиничами. Конев не мог взять Ржев. В начале февраля немцы в результате серии согласованных ударов с применением танков, штурмовых орудий и авиации отбили ударные группировки Калининского и Западного фронтов от Вязьмы.

Стало очевидным, что положение на фронте изменилось. Противник в результате мощного контрнаступления наших войск отошёл на восток, занял заранее подготовленный рубеж обороны, произвёл перегруппировку сил, подтянул резервы и приступил к добросовестному выполнению стоп-приказа Гитлера, который гласил: ни шагу назад! Немцы зарывались в землю до весны, до нового наступления.

Но Модель не ждал ни весны, ни лета, он наступал. В феврале немецкие войска начали дробить на части “котёл”, который к тому времени они сформировали вокруг 29-й армии.

8 февраля в 5 часов 50 минут утра Коневу позвонили из Генштаба. Командующий узнал голос Василевского.

— Как дела у Лелюшенко? Что у Швецова? — спросил Василевский.

— У Лелюшенко сегодня в течение всего дня и ночи идёт напряжённый бой. Противник оказывает упорное сопротивление, жертвуя силами, которые здесь находятся. Сегодня особенно активизировалась авиация противника по боевым порядкам Лелюшенко, Швецова и по тылам до Мологино. К исходу дня Лелюшенко окончательно очистил от противника Соломино. 359-я стрелковая дивизия ночью наступает на Лобзино. 363-я, 371-я и 375-я ведут бои за Ножкино, южнее Кокошкино, отбили неоднократные атаки противника силою до батальона с тремя-пятью танками. 174-я наступает на Тимонцево, Кокош, обеспечивая армию слева и разворачивает проход.

— Что говорят пленные?

— По показаниям пленных, захваченных на разных участках наступления, перед фронтом армии Лелюшенко действуют 86-я, 216-я пехотные дивизии, полк СС, части 251-й пехотной дивизии. Пленные показывают, что главная позиция обороны немцев Соломино—Клепинино—Кокош—Большое Косачёво. Следовательно, эта главная позиция сломана, уничтожены основные узлы в Соломино и в Клепинино. До Швецова осталось три-четыре километра. Сегодня отдан приказ во что бы то ни стало преодолеть эти последние километры и соединиться со Швецовым.

— Как себя чувствует Швецов? Что там у них? Жмут?

— Жмут, товарищ Василевский. Несколько часов назад получил от не-

го донесение. Его НП в Каменцах уничтожен. До двух полков пехоты с семью танками наступают на его опорные пункты Ступино, Звягино, Окороково. Пробирается навстречу Лелюшенко. Швецов слышит бой южнее Волги и видит разрывы снарядов артиллерии Лелюшенко в районе деревень Жуково и Бугрово. Я отдал приказ Швецову упорно драться в окружении до подхода Лелюшенко и частью сил пробиваться навстречу Лелюшенко. Прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу усилить Лелюшенко ещё тридцатью танками, из них двадцать Т-34 и десять КВ, причём КВ, лично убедился, могут быть использованы хорошо вдоль дорог.

Никаких танков для Лелюшенко, чтобы вызволить из окружения остатки 29-й армии Швецова, Конев не получил. Ставка делила свои усилия между Западным, Калининским и Северо-Западным фронтами, между желанием овладеть Юхновом и Вязьмой, Ржевом и Холмом. Желаящий получить всё не получает ничего...

В середине февраля остатки 29-й армии оказались сдавленными в Мончаловских лесах западнее Ржева на территории размером менее двадцати квадратных километров. Немцы уже свободно простреливали расположение частей генерала Швецова из артиллерии и тяжёлых миномётов, поражая любые цели. Самолёты-разведчики непрерывно висели в воздухе, корректируя огонь наземных частей.

Ставка в это драматичное время приказывает Коневу все свежие резервы, прибывающие из тыла, бросить в направлении Холма, в помощь 3-й ударной армии генерала Пуркаева. Ещё 9 февраля Василевский Пуркаеву передал по телефону приказ Верховного: “Учитывая наличие сил в армии в данный момент, основными задачами на ближайший период поставить — срочно, прикрывшись со стороны г. Великие Луки, овладеть городом Холм и одновременно во взаимодействии с войсками Северо-Западного фронта окружить и уничтожить демянскую группировку противника. Повторяю — разгром демянской группировки противника и овладение Холмом при прочной обороне на великолукском направлении являются основными и единственными задачами армии на ближайший период”.

Армиями командовали из Ставки и из Генштаба, порой даже не ставя в известность комфронта. Да что там армиями — дивизии, бригады выдёргивали из-под руки, чтобы перенаправить их удар в *нужном* направлении.

Ещё в начале февраля Ставка приняла решение объединить усилия двух фронтов, Западного и Калининского, с целью более тесной координации действий и оперативного принятия необходимых решений для успешного проведения Ржевско-Вяземской операции. Было образовано ранее существовавшее Западное направление. Командование войсками общего направления Ставка возложила на Жукова.

Порой случалось так, что штаб Жукова отдавал один приказ, Конев настаивал на своём. Так случилось и с выходом из окружения 29-й армии. Жуков приказал Швецову выходить в полосе 22-й армии, так как противник там держал слабую группировку. Но Конев настаивал на прежнем направлении, юго-западном. 17 февраля в помощь окружённым был выброшен батальон десантников. Одновременно выслана ударная группа из состава 81-й танковой бригады — 10 танков и рота автоматчиков.

Выход остатков 29-й армии начался в ночь на 18 февраля. Несколько суток тянулись из лесов обозы с медсанбатами, шла усталая, измученная бессонницей, нескончаемыми стычками с противником, голодная и холодная пехота. Основной поток вышел на позиции обороны 39-й армии. Некоторые группы пробились к боевым порядкам 30-й армии Лелюшенко.

По некоторым сведениям, вышло чуть более 6 000 человек. Тяжёлое вооружение было выведено из строя и брошено. Часть орудий закопана в землю. Последние дни солдаты кормились мясом убитых и павших от истощения и непомерных нагрузок лошадей.

Потери 29-й армии составили 14 000 человек. Убитыми, пленными, ушедшими в партизаны, оставшимися в деревнях.

Среди тех, кому посчастливилось выйти к своим, была группа писателей. Среди них Александр Фадеев и Борис Полевой. Фадеев о той кошмарной по-

ездке на фронт не написал ни строчки. Да и вспоминать не любил. Насмотрелся. А Полевой оставил следующие записи.

“Все здесь простреливается даже не из орудий, а из минометов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгают и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечен и поломан снарядами и минами. По ночам на машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, выющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолетов, но больше все мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь еще осенью, пилим замерзшую конину, строгаем ее ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту...

В полку по сотне, а то и по несколько десятков активных штыков...”

Западный фронт понёс ещё более серьёзные потери. В окружении оказался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Белова, части 4-го воздушно-десантного корпуса полковника Казанкина, Западная группировка 33-й армии. Корпуса долго будут скитаться по лесам, удерживать обширный район в партизанских лесах Смоленщины. Но 33-ю армию ждала горькая судьба. В апреле, когда, наконец, генерал Ефремов получил разрешение на выход, немцы сожмут “котёл”, ударят по советским войскам на марше, рассеют выходящие колонны. Генерал Ефремов будет сражаться до последней возможности и, когда станет очевидной угроза пленения, застрелится.

Одновременно против 11-го кавалерийского корпуса немцы бросили две пехотных дивизии. Но генерал Соколов сумел вывести из-под удара своих конников. Вместе с частями 39-й армии они вели бои в полуокружении до лета.

Директивы, которые шли и шли из Ставки, заклинали войска Калининского фронта об одном: “...ликвидация ржевско-гжатского-вяземской группировки противника недопустимо затянулась”; “уничтожить оленинскую группировку, захватить Ржев, овладеть Белым...” Группировка войск Калининского фронта усиливается резервами: гвардейским стрелковым корпусом, семью стрелковыми дивизиями, четырьмя авиаполками. Казалось бы, мощь!

Но по ту сторону фронта тоже шла, кипела работа по укреплению передовых линий и тылов. Резервы для некоторых боевых участков доставлялись на самолётах прямо из Германии, Чехословакии и Франции.

Только что получивший звание генерал-полковник Модель, казалось, дневал и ночевал на передовой, появляясь то на НП командира батальона, то в расположении истребителей танков, то на собрании офицеров дивизии.

Командир 6-й пехотной дивизии, стоявшей под Ржевом, генерал Гроссман рассказывал такой случай. Гитлер имел обыкновение вмешиваться в дела командующих армиями и группами, перебрасывать дивизии и корпуса туда, куда считал нужным он. Вступив в командование 9-й армией, Модель решил покончить с этим раз и навсегда. Ему, как командующему наполовину проваленным направлением, необходима была полная свобода действий. Но Гитлер не изменял себе и однажды решил воспользоваться правом главнокомандующего и на участке действий 9-й армии. Начальник штаба Группы армий “Центр” по телефону сообщил Моделю, что “Гитлера очень беспокоит советская угроза Вязьме, поэтому он решил не использовать XLVII танковый корпус, дивизию “Дас Рейх” и 5-ю танковую дивизию для наступления под Сычёвкой, а отвести их в резерв для использования в районе Гжатска. Испугавшись, что армию заставят наступать по двум расходящимся направлениям, 19 января Модель, кипя гневом, примчался в Вязьму из Ржева, а оттуда на самолёте вылетел в Восточную Пруссию. Модель добился личной встречи с Гитлером в обход фон Клюге, своего непосредственного начальника. Сначала он попытался изложить свои аргументы в спокойной и рассудительной манере Генерального штаба, но обнаружил, что логика на фюрера не действует. Модель чуть не пришёл в отчаяние, ему пришлось искать слова, которые дадут ему моральное превосходство над главнокомандующим германской армии. Уставившись на Гитлера сквозь монокль, Модель

грубо потребовал ответа: “Мой фюрер, кто командует 9-й армией, я или вы?”. Гитлер был потрясён столь открытым вызовом новоиспечённого командующего армией. Он попытался прекратить спор, прямо приказав использовать войска фон Фитингофа в районе Гжатска. Модель покачал головой: “Это меня не устраивает”. Растерявшийся диктатор наконец ответил: “Хорошо, Модель. Поступайте, как знаете, но вы отвечаете своей головой”.

Этот эпизод невольно заставляет подумать над тем, а смог ли бы кто-либо из советских генералов подобный диалог держать со своим Верховным? Разве что Жуков. В период московского противостояния, в октябре 41-го, когда в Ставке и в Генштабе царил всеобщая растерянность, когда Сталин, как последний свой резерв, вызвал из Ленинграда генерала Жукова, и тот, мгновенно овладев ситуацией, начал сращивать отдельные группировки, армии, дивизии и полки в фронтовое объединение.

Конев, имея твёрдый внутренний стержень, не всегда его демонстрировал. Но случались эпизоды, когда он был непреклонным и в разговоре со Сталиным. Такой разговор произойдёт зимой 43-го. На приказ Верховного наступать Конев ответит резким отказом, заявит о неготовности войск к полномасштабному наступлению, о том, что, наступая без основательной подготовки, армии понесут неоправданные потери, а достижения будут сомнительными... Так отвечать Сталину было нельзя. И через несколько дней Конев будет отстранён от командования войсками фронта. Но об этом мы расскажем в своё время.

Ржев и Холм, Вязьма, Сычёвка, Гжатск... Об эти бастионы ещё год будут разбиваться волны наступающих армий Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов, омывать их солдатской кровью. Английский историк Лиддел Гарт, размышляя о неудачах советских фронтов в схватке с группой армий “Центр” и “Север” в 1942 году, очень точно заметил, что немцы очень удачно в этот период применили тактику удержания городов-бастионов: “Эти города-бастионы были мощными препятствиями с тактической точки зрения. В стратегическом отношении они также имели большое значение, поскольку представляли собой узловые пункты путей сообщения. Немецкие гарнизоны этих городов не могли воспрепятствовать проникновению русских войск в промежутки между ними, но, блокируя пути сообщения в этих пунктах, мешали русским развить успех прорыва. Таким образом, эти города-бастионы выполняли точно такую же функцию сдерживания, на которую были рассчитаны форты французской линии Мажино. Во Франции эти укрепленные позиции смогли бы выполнить отведенную им роль, если бы цепь фортов вдоль французской границы не обрывалась на полпути, что дало немцам возможность обойти их с фланга.

Поскольку Красной Армии не удавалось подорвать оборону городов-бастионов в такой мере, чтобы вызвать их падение, глубокие клинья, вбитые советскими войсками в промежутки между ними, позже обернулись для Красной Армии недостатком. Естественно, оборонять эти клинья было труднее, чем города-бастионы, и поэтому для удержания их требовалось большое количество войск. Вклинившимся русским войскам постоянно грозило окружение в результате ударов во фланг из удерживаемых немцами бастионов.

К весне 1942 года линия фронта в России имела так много глубоких зубцов, что походила на изображение береговой линии Норвегии с ее многочисленными фиордами, далеко проникающими вглубь суши. Тот факт, что немцам удавалось держаться на “полуостровах”, красноречиво говорил о возможностях современной обороны. Этот урок, как и оборона русских в 1941 году, опровергал поверхностные выводы о возможностях обороны, которые были сделаны на основе легких успехов наступающими при действиях против слабой обороны или исходя из тех случаев, когда наступающая сторона имела решающее превосходство в вооружении либо встречала плохо обученного и растерявшегося противника. Опыт зимней кампании 1941 года также подтверждал что наибольшая опасность для обороняющихся кроется в начальной стадии боев и с течением времени уменьшается, если обороняющиеся выдержат шок, вызванный угрозой уничтожения в условиях окружения, и не сдадут немедленно своих позиций.

При ретроспективном рассмотрении становится ясно, что запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться “крутовой” обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года”.

Итак, всё усилия сдвинуть немецкую оборону, все попытки вклинения с целью раздробить, расслоить, изолировать опорные пункты противника с последующим их уничтожением наталкивались на упорную оборону 9-й армии.

На фронтах наступил период напряжённого противостояния. Частные операции с целью овладения тем или иным городом, будь то всё тот же Ржев, или Холм, успеха, как правило, не имели. Они приносили лишь новые потери в живой силе и вооружении.

Обе стороны готовились к летней кампании.

Глава двадцатая

“ОЗВЕРЕВШИЕ СОКОЛЫ” КОНЕВА

“...искупить свою вину кровью”.

10 мая 1942 года во исполнение приказа Народного комиссара обороны СССР был издан приказ войскам Калининского фронта: “...в целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных ударов авиация Калининского фронта объединяется в единую воздушную армию с присвоением ей наименования “3-я воздушная армия”.

Командующим армией был назначен Герой Советского Союза генерал-майор авиации Громов. Срок формирования 3-й воздушной армии отводился минимальный — пять суток. Вся ответственность за выполнение приказа НКО, в том числе и за сроки, возлагалась на генерала Громова.

Через пять дней Громов доложил Коневу о выполнении приказа.

Громов сиял от радости. А Конев ликовал — теперь у него под рукой будет своя воздушная армия!

В состав 3-й воздушной армии входили: две штурмовые авиадивизии — 7 полков, три истребительные — 8 полков, одна ближнебомбардировочная авиадивизия — 4 полка.

Кроме того, в мае 1942 г. в 3-ю воздушную армию вошло шесть отдельных авиаполков и две отдельные корректировочные авиаэскадрильи.

В подчинении командующих общевойсковыми армиями оставалось по одному смешанному авиаполку. Они выполняли задачи в интересах армий. В основном это были задачи разведки и связи.

В оперативных сводках группы армий “Центр” с этого момента всё чаще и настойчивей появляются тревожные сообщения: “Положение в воздухе: на всём участке XLVII-го корпуса противник вёл крупные воздушные операции с многочисленными бомбардировками”; “на участке V-го армейского корпуса железнодорожная линия восточнее станции Алферово разрушена бомбардировкой...”.

В мае, когда противник перешел в наступление в районе Великих Лук и Холма, Конев приказал Громову массированными ударами авиации действовать в интересах правofланговых 3-й и 4-й ударных армий.

В июне началось обострение в районе Ржева, Белого и Оленино.

Однажды в штаб фронта приехал Громов. Ездил командующий 3-й Воздушной армией по фронтным дорогам на своём “кадиллаке”, подаренном ему президентом США за героический перелёт через Северный полюс в Америку. Вошёл, поздоровался с Коневым и сказал — так, мол, и так, есть у меня друг, зовут Иваном, лётчик от бога, но авантюрист и гусар, за что может поплатиться штрафбатом...

Только что вышел приказ № 227 от 28.07.42.: “Сформировать в пределах фронта от одного до трёх штрафных батальонов. В пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью”.

— А что натворил твой Иван? — спросил Конев.

Иван Фёдоров прилетел на фронт самовольно. Во время испытательных полётов, нарушая инструкцию, несколько раз нырнул под мост над Окой, надеясь на то, что за это его накажут увольнением из конструкторского бюро и высылкой на фронт. Но когда пролетал под мостом в очередной раз, увидел, что охрана открыла по машине огонь. Видимо, из опасения, что он может повредить мост. И тогда он решил лететь на запад. Где-то под Калинином, в районе Клина, базировался аэродром авиадивизии, которой командовал Михаил Громов. К нему и решил махнуть, ещё не зная, что его друг теперь командует воздушной армией. Но горячего хватало только до ближайшего аэродрома. Он сделал промежуточную посадку в Монино. 419 километров — без карты. Сел, огляделся. Моросил мелкий дождь. Погода явно нелётная. На аэродроме пусто. Только на дальней площадке возле двух бомбардировщиков стоит заправщик. Подрулил к нему. Солдат заправляет самолёты. Сказал ему: “Эй, друг, срочно надо лететь. Заправь, пожалуйста”. Тот сослался на разрешение коменданта аэродрома. Фёдоров кивнул: есть, мол, разрешение коменданта... Вытащил пистолет, направил его на заправщика и сказал: “Ты в бога веруешь?” Тот начал заправлять. Но попросил, чтобы он оставил расписку. Заправился. Взлетел в последний момент, когда от КП по полю к заправке уже мчался “форд” охраны. А вот и Клин. Сразу отыскал аэродром. Место знакомое. Осмотрелся, нет ли истребителей. Чужого могли сбить без предупреждения. Небо чистое. Чтобы привлечь внимание человека, который сейчас ему был нужен больше всего, начал выделять фигуры высшего пилотажа. Генерал Громов как раз проводил совещание с командирами авиадивизий и авиаполков. Прибежал дежурный и доложил, что какой-то сумасшедший, явно “не из наших”, закладывает над “взлёткой” немыслимые виражи. Все вышли посмотреть. И невольно залюбовались. Самолёт был действительно чудной, новый ЛаГГ-3. Некоторое время они смотрели на него, он — на них. Потом сел. Докладил, обращаясь к Громову: “Товарищ генерал! Лётчик-испытатель Фёдоров прибыл на фронт в ваше распоряжение!” В тот же день Громов послал на авиазавод телеграмму: “Лётчик-испытатель вашего завода майор Фёдоров с согласия Народного комиссара временно переведён для выполнения спецзаданий по боевой работе в истребительную авиацию Калининского фронта”.

Конев выслушал Громова и сказал:

— Так-так... Значит, твой друг Иван дезертировал, так сказать, на фронт. А ты за наркома расписался. Так?

— Выходит, так.

— Но не с этим же ты ко мне пожаловал?

— И с этим тоже. У меня сейчас таких, как Иван, набралось человек двадцать. Кто спяну стрельбу в расположении соседней части затеял, кто женщину не поделил, кто от боя уклонился. Отправлять их в штрафбат, в пехоту, чтобы они там в первом же бою, на сухопутье... как-то не по-хозяйски. Пусть в небе искупают свою вину. До первой крови. Есть такие полёты, такие задания, которые... Ну, сами знаете.

— Да кто же с такой ордой справится? Кто за них отвечать будет?

— Иван справится.

Конев задумался. Покачал головой: мол, всегда у тебя что-нибудь из ряда вон... Но идея Громова ему понравилась.

В тот же день он позвонил Сталину и изложил свою идею по поводу того, чтобы проштрафившиеся лётчики дрались в составе своих воздушных армий, что для отбытия наказания целесообразно не посылать специалистов лётного дела в пехоту, а создавать в ВВС свои собственные штрафные части и подразделения. Сталин слушал Конева примерно так же, как Конев — Громова. Выслушав, задал тот же вопрос:

— Кому можно поручить командование этими разгильдяями?

— Есть такой человек. Я считаю, первую эскадрилью можно поручить майору Фёдорову.

— Этому анархисту? Который бросил важный военный завод и дезертировал?

— Он дезертировал на фронт, товарищ Сталин.

— Да, да, знаю. Он храбрый человек. Думаете, справится? Одно дело — личная храбрость, а другое — командовать такими же, как он.

— Справится, товарищ Сталин.

4 августа 1942 года Верховный подписал приказ Ставки ВГК о том, что с сего дня в воздушных армиях вводятся штрафные эскадрильи. Для многих проштрафившихся лётчиков, по разным причинам попавшим под суд военного трибунала, это было спасением. А советские ВВС получили эскадрильи и целые авиаполки, способные выполнять приказы, которые до этого считались невыполнимыми.

Так майор Фёдоров стал командиром первой штрафной эскадрильи 3-й воздушной армии Калининского фронта. Через некоторое время эскадрилья разрослась в смешанный авиаполк. В него входили бомбардировочные и штурмовые эскадрильи. Но основу составляли всё же истребители. Фёдоров часто вылетал на задание сам. Позывной у него был — “Анархист”.

Немцы знали о необычной эскадрилье. Не раз в бою видели их работу. Прозвали их “фалконтимирами” — озверевшими соколами. В единоборство с ними вступали только опытные асы.

После войны Иван Евграфович Фёдоров любил рассказывать такую историю, связанную с “крёстным отцом” штрафной эскадрильи генералом Коневым: “Лётчиков-штрафников одели как простых красноармейцев и присвоили всем без исключения звание “рядовой”. Полномочия мне дали большие: за малейшую попытку неповиновения расстреливать на месте. Я, слава Богу, этим правом не воспользовался ни разу.

Помню, командующий фронтом Иван Степанович Конев поставил перед Громовым задачу прикрыть с воздуха истребителями участок фронта в виде выступа, или “аппендикса”, километров 18.

Видимо, немецкое командование решило там создать плацдарм. Приказ Конева был такой: “Если хоть одна немецкая бомба упадет на наших пехотинцев, приеду — отдам под трибунал...”

Составили очередность и стали летать “шестерками”, барражируя над этим чертовым “аппендиксом”*. Была облачность. Летали так: группа прилетает, когда у нее кончается горючее, ее сменяет другая...

Вдруг звонит мне Громов:

— Кто у тебя летал в 9 часов утра?

— Ломейкин, Гришин... (мой друг). Они только что сели.

— Всю “шестерку” Конев приказал расстрелять и в 14.00 доложить об исполнении. Наши войска не были прикрыты с воздуха...

Я так думаю, что, возможно, из-за облачности пехотинцы не увидели наших истребителей. Дело принимало дурной оборот. И я говорю:

— С кем же воевать будем, если своих же под расстрел? Они четыре дня назад сбили одиннадцать самолетов. Я против этого, тем более что лётчики не виноваты...

Скоро на аэродром приезжает сам Иван Степанович Конев на трофейном “опель-адмирале”. Кроме него, в машине еще какой-то подполковник. Конев злой, настроен на скорую расправу, кричит мне: “Знаешь, кто ты такой?” Отвечаю: “Знаю — сталинский сокол”. Конев опять: “Знаешь, кто ты такой?” Приехавший с ним подполковник торопится сорвать с меня ордена. У меня “маузер” с 25 патронами. Думаю: “Кажись, приходит время застрелиться...”

Между тем Конев приказал выделить взвод автоматчиков (“расстрельная команда”). Поодаль уже вырыты могилы, не в длину, а в глубину, чтоб предатель или штрафник лежал в земле, согнувшись в три погибели. Ритуал такой казни был хорошо отработан СМЕРШем.

Несмотря на такую нервную обстановку, я, стараясь быть спокойным, в кратком докладе все же убедил Конева, что тщательная проверка показала, что лётчики район прикрывали, прикрывали за облаками и в расчетное время, и что их с земли или блиндажа могли не увидеть... Страха я тогда не ис-

* Речь идёт от Ржевско-Сычёвском выступе.

пытывал. Конев посверкал глазами, успокоился и сказал: “В первый раз отменяю свое решение”.

Мои штрафники за все время боев в воздухе сбили около 400 самолетов, не считая сожженных на земле, но эти победы им не засчитывали. Фотоконтроля тогда не велось... Так и воевали “за общую победу”. Сбитые штрафниками самолеты в штабе “раскладывали” по другим полкам, что было в порядке вещей, или вообще не засчитывали. Вот и получалось: “Каков пошел, таков и воротился”.

Что было, то было.

В другой раз Конев поинтересовался у Громова, как воюют его “озверевшие соколы”.

— Да вот, воюют. Остановить невозможно, — ответил Громов. — Иван “девятку” сколотил. Все — асы. Осмелели. Летают за линию фронта на “свободную охоту”.

— Кто им это разрешил?

— Никто. Товарищ Сталин лично дал ему позывной. “Анархист”! Но дерётся мастерски. Благодаря им у нас потери в воздушных боях сократились почти вдвое.

И рассказал Громов командующему вот какую историю.

Разведка в авиаполках была поставлена хорошо, и лётчики прекрасно знали расположение немецких аэродромов. “Девятка” Фёдорова вылетела ближе к вечеру. Аэродром отыскиали быстро. С высоты двадцати метров бросили вымпел — банку из-под тушенки с шестерней для веса и куском белой материи. В банке записка по-немецки: “Вызываем на бой по числу прилетевших. Не вздумайте шутить. Если запустите хоть на один двигатель больше — сожжем на земле”. Немцы условие приняли. Первый “мессер” взлетел, второй. Иван кричит по радию: “Гришка, твой пошел!” — “Есть мой!” — отвечает Гришка. Немец шасси убрал — наш уже рядом. Набрали высоту, разошлись — и бой начался. Иван первого сбил, бросился помогать товарищам.

Конев выслушал Громова молча. Рассказ ему понравился, но виду он не подал. Спросил:

— И что ты обо всём этом думаешь?

— Что думаю? Хорошо летать “девяткой”. Отработали они этот метод ведения боя до совершенства.

Конев покачал головой и сказал:

— Всё же эти полёты, на ту сторону, запрети.

— Уже запретил, — с тоской ответил Громов.

Вскоре на базе штрафной эскадрильи начали формировать полк. Судимость с лётчиков снимали.

Конев вызвал в штаб майора и сказал ему:

— Пиши отчёт. Предлагай, что делать со штрафниками.

— Предлагаю всех немедленно отпустить по родным полкам. Это — первое. Второе: лучших представить к правительственным наградам. Четверых — к званию Героя Советского Союза.

— Вот и пиши представления. — И вдруг спросил: — Слыхал я, что и жена воюет?

— Да. Анна Артемьевна. Летать её учил сам, так что в бой отпускать не боюсь. На её счету три сбитых немца.

— Пиши и на Анну Артемьевну.

Летом началось новое наступление на Ржев и Зубцов. 3-я воздушная армия успешно действовала перед фронтом 29-й и 30-й армий. Задача для лётчиков была непростой: взламывание глубокоэшелонированной обороны противника перед фронтом нашей ударной группировки в полосе прорыва и на флангах на всю глубину. Решение этой задачи возлагалось на штурмовиков и бомбардировщиков. Истребители прикрывали их действия, а также действия наступавших наземных войск, в том числе танковых частей и артиллерии. Удары наносились большими группами, эшелон за эшелон.

В первый день наступления шестерка ЛаГГ-3 во главе с гвардии капитаном Лавейкиным, тем самым, которого Конев сгоряча чуть не расстрелял

за уклонение от боя, вступила в схватку с восемнадцатью бомбардировщиками. Группу бомбардировщиков прикрывали двенадцать “мессершмиттов”. Но они замешкались и не сразу бросились наперехват, оставив бомбардировщики без прикрытия. ЛаГГи воспользовались заминкой, атаковали строй немецких “юнкерсов”, сбили несколько машин. Остальные начали беспорядочно сбрасывать бомбы. Когда бомбардировщики повернули назад, завязался бой с истребителями противника. Капитан Лавейкин сбил одного “мессершмитта”, другого поджёг молодой лётчик из недавно прибывшего пополнения.

Особые надежды в начавшемся наступлении Конева возлагал на штурмовые эскадрильи самолётов Ил-2, считая их универсальными и совершенными боевыми машинами для поддержки пехоты. В одном из штурмовых полков командиром звена служил Георгий Береговой, будущий космонавт СССР.

Группа “Илов” сделала несколько удачных заходов, поразила цели и взяла обратный курс. Уже на аэродроме обнаружилось, что среди вернувшихся нет машины лейтенанта Берегового. Где он, что с ним, никто не знал. Прошло трое суток, и Георгий вернулся целым и почти невредимым. Но — не на самолёте, а на грузовике одной из стрелковых дивизий.

А произошло вот что. После последнего бомбометания он израсходовал не весь боезапас. Делать ещё один заход на цель — внизу всё горело — бессмысленно. Отделился от группы, которая уже ложилась на обратный курс. Сделал “горку” и тут заметил эшелон, шедший к фронту из немецкого тыла. Боевой разворот. Пошёл вдоль железной дороги, догнал эшелон. Атаковал. Разворот. Снова атаковал. Отметил прямое попадание серии бомб в паровоз. Паровоз сошёл с рельсов и потащил под откос и состав. Надо было возвращаться. Вывел свой штурмовик в горизонтальный полет, и тут почувствовал тряску. Мотор работал с перебоями. Была пробита система водяного охлаждения. Сразу начало падать давление масла. Мотор в любое мгновение мог заглохнуть, и тогда самолёт “клонет” вниз. Земля — рядом, высоту набрать не успел. Выход один — садиться. Но внизу территория, занятая противником. Дотянуть хотя бы до нейтральной полосы, там заметят свои...

Но мотор заглох раньше. Машина заметно теряла скорость и пошла со снижением. Внизу лес. В школе военных лётчиков учили: на лес садиться так же, как на взлётную полосу. Плоскости уже рубили верхушки деревьев. Удар, другой, скрежет металла, треск дерева... Когда очнулся, увидел застрявший среди деревьев фюзеляж своего Ил-2, дымящийся мотор улетел далеко вперёд, кругом срубленные деревья...

Отстегнул лямки парашюта. Начал выбираться из кабины. Снизу тянуло едким дымом. Отдышался. А к обломкам машины уже бежали красноармейцы. Быстро вытащили стрелка старшину Анянueva. У старшины были обожжены ноги. Его тут же положили на санитарную подводу и отправили в лазарет. Лейтенант Береговой денёк погостил у пехоты. Принимали в окопах хорошо. На прощание пехотинцы выделили ему машину и отправили в полк.

В сущности, обычная история, какие на фронте происходили каждый час, каждую минуту. О таких происшествиях командующему войсками фронта не докладывали.

Глава двадцать первая

ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЫ

“...я не мог считать это решение справедливым”.

В августе 1942 года Конева назначили командующим войсками Западного фронта. Жуков в должности заместителя Верховного Главнокомандующего отбыл в Сталинград.

Центр тяжести боёв, основные свои усилия на Восточном фронте немецкое командование переместило туда, на юг, в низовья Волги. Но 70 дивизий

зий, которые по-прежнему стояли на центральном направлении и угрожали новым походом на Москву, заставляли Ставку держать здесь крупную группировку и по возможности постоянно усиливать её резервами и другими расходными ресурсами войны.

Как вспоминал И. С. Конев, “в течение осени и зимы 1942-го и начала 1943 года Западный фронт в основном решал задачи обороны рубежей, достигнутых в начале 1942 года. Мы проводили частные операции, сковывая неприятельские силы, чтобы исключить возможность их переброски отсюда. В это время, как известно, развертывались бои под Сталинградом. Должен заметить, что ни одной дивизии с Западного стратегического направления и, в частности, с участка, противостоявшего Западному фронту, немецко-фашистское командование на сталинградское направление не перебросило. Враг рассчитывал, видимо, что после успешной операции под Сталинградом вновь создастся благоприятная обстановка для обхода Москвы с юга и нанесения фронтального удара крупной группировкой, которая находилась в обороне против войск Западного фронта. Советское Главнокомандование, со своей стороны, разработало и подготовило план, в соответствии с которым, в случае подхода противника, советские войска должны были стремительно перейти в наступление. Были созданы ударные группировки, были даны направления ударов, но мне, к сожалению, эту задачу выполнить уже не пришлось”.

Лето под Ржевом прошло в непрерывных боях. Очередное наступление Калининского и Западного фронтов с целью разгрома ржевско-вяземско-гжатской группировки противника натолкнулось на встречный удар противника. Немцы провели операцию по ликвидации юго-западнее и западнее Вязьмы группировок кавгруппы Белова и остатков десантного корпуса. Затем приступили к ликвидации холм-жирковского выступа. Выступ занимали 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус генерала Соколова. Они действовали в районе между Белым и Сычëвкой, образуя так называемый “второй фронт”, который сильно досаждал противнику, не позволяя ему действовать здесь более свободно. 9-я полевая армия приступила к проведению операции “Зейдлиц”. В операции были задействованы двадцать три дивизии, а также авиация. Широко применялись спецподразделения, в том числе русские формирования — отдельные батальоны и роты из числа перебежчиков и военнопленных, согласившихся воевать на стороне Германии против Красной армии и большевизма.

6 июля 1942 года войска Моделя замкнули кольцо вокруг армии Масленникова и кавкорпуса Соколова. В окружении оказались также левофланговые подразделения 41-й армии и правое крыло 22-й армии. Выход окружённых какое-то время осуществлялся через коридор в районе Нелидова. Но спустя несколько дней нелидовский коридор был перехвачен. Начались отчаянные бои на прорыв. Конев приказал атаковать со стороны Нелидова на встречу прорывающимся из “котла”. Всё оказалось тщетным. Когда все меры были исчерпаны, Конев приказал вывезти из окружения полевые управления на самолётах.

На спасение штабов вылетела эскадрилья “У-2”. Тщетно кружили они над лесными полянами, пытаясь сесть. Три самолёта из девяти разбились при посадке. Остальные всё же выполнили задачу, если удачно. Генерал Масленников вылетел из “котла”, поручив командование своему заместителю генералу Богданову. Когда лётчик предложил командующему потесниться и забрать своего заместителя, возникшую неловкую паузу прервал Богданов: “Прорвёмся. Нужны самолёты. Много раненых”.

Генерал Богданов был тяжело ранен во время боя на прорыв. Утром генерал Богданов и начальник политотдела 39-й армии дивизионный комиссар Шабалин свели остатки своих дивизий и частей 11-го кавкорпуса в полк. По некоторым источникам, сводный полк насчитывал до 5 000 человек. И пошли на прорыв.

Из окружения на разных участках фронта мелкие группы и одиночки выходили весь август. Всего вышло около 18 000 человек. В “котле” погибли, пропали без вести и оказались в плену более 40 000 человек. Среди по-

гибших заместитель командующего 22-й армии генерал-майор А. Д. Березин, командир 18-й кавалерийской дивизии генерал-майор П. С. Иванов, начальник штаба 39-й армии генерал-майор П. П. Мирошниченко. Генерала Иванова немцы похоронили со всеми воинскими почестями. Существует две версии гибели генерала Иванова. Первая: командир дивизии погиб во время боя на прорыв. Вторая: получив ранение в бою на прорыв, застрелился на глазах у окруживших его немцев. Генерала Богданова, умершего от тяжёлого ранения в госпитале, похоронили в Калининне.

Это сейчас мы знаем, что генералы погибли смертью героев, восхитив даже врага. А тогда, когда Коневу докладывали о чудовищных потерях, у многих в голове стоял гул: а вдруг попали в плен... Плен — хуже смерти.

В конце апреля войска облетела весть о гибели под Вязьмой генерала Ефремова. Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен. И генералы знали, как надо поступать в безвыходной ситуации.

Несмотря на понесённые потери, войска обеих фронтов вскоре были пополнены и приступили к выполнению очередной наступательной операции. Директива Ставки от 16 июля требовала от войск Калининского и Западного фронтов в срок с 28 июля по 5 августа 1942 года “очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржева, Зубцов и территории к востоку от р. Вазуза в районе Зубцова, Карамзино, Погорелого Городища, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржева и Зубцова”.

Ржев не отпущал Конева. Уже больше полгода держал в кровавых объятиях. Вцепился и он в него.

Артиллерия Калининского фронта взревела 30 июля. Тучи снарядов и мин различного калибра завершали свои стремительные траектории в полосе немецкой обороны, в том числе и в кварталах Ржева, выковыривая из ДОТов и окопов огневые точки противника. Генерал Н. М. Хлебников, в то время командующий артиллерией фронта, вспоминал: “Мощь огневого удара была столь велика, что немецкая артиллерия после некоторых неуверенных попыток ответить огнём замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены”.

В самый разгар (первой) Ржевско-Сычёвской наступательной операции Ставка приняла решение: возложить на генерала армии Жукова “руководство всеми операциями в районе Ржева”.

Типпельскирх, подводя итог оборонительным мероприятиям августа 1942 года, писал: “Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара”.

Основная тяжесть атак легла, как и прежде, на 30-ю армию генерала Лелюшенко.

23 августа войска Западного фронта совместно с левофланговыми дивизиями 29-й армии Калининского фронта, наконец, ворвались и очистили Зубцов. Захватом Зубцова была завершена (Первая) Ржевско-Сычёвская операция.

Но бои продолжались.

В этот же день в журнале боевых действий Калининского фронта записано: “Командарм 30-й решил перейти в наступление с задачей во взаимодействии с 29-й армией уничтожить Ржевскую группировку противника и овладеть Ржевом”.

Азартный Лелюшенко, наблюдая успех соседей, — 29-я армия вышла к Волге между Ржевом и Зубцовом — уже не мог остановиться. Вскоре его дивизии вышли к Волге, с ходу форсировали её и захватили плацдарм на правом берегу в пяти километрах западнее Ржева.

Когда Конев возглавит войсковые объединения Западного фронта, он стоит перед Верховным, чтобы ему — “для удобства управления войсками” — передали 29-ю и 30-ю армии, разумеется, вместе с ржевским участком фронта.

Ржев на целый год стал его судьбой. Он так и не смог сломить Моделя и ступить на руины города освободителем.

Вступив в новую должность, а по сути дела, вернувшись на то направление, которое оставил в октябре 41-го после катастрофы под Вязьмой, Конев обратился к Сталину с неожиданным предложением — остановить намеченную гжатскую операцию, “накопить снаряды, привести войска в порядок, отремонтировать танки и самолёты и организовать заново удар 29-й и 31-й армиями с юго-востока и 30-й армией с северо-запада”. Конечную цель, ставшую делом чести, Конев сформулировал так: “Сомкнуть кольцо южнее Ржева”.

Сталин прислушался к мнению Конева и согласился с приостановкой наступательных действий. На фронте наступило временное затишье.

9 сентября на рассвете 30-я армия после полуторачасовой артподготовки атаковала позиции противника в районе Ржева. На этот раз артиллерии удалось подавить огневые точки, и стрелковые части с ходу заняли несколько кварталов на северо-восточной окраине города. Уличный бой — бой особый. Противники зачастую сходятся вплотную. Между перестрелкой и рукопашной схваткой паузы в несколько секунд. Обе стороны дрались с ожесточением обречённых, и потому никто не хотел уступить. Командир 6-й пехотной дивизии, оборонявшей Ржев, впоследствии вспоминал об этом дне: “Из всех дней борьбы за Ржев этот был жесточайший... подразделения, действовавшие в месте прорыва, были так обескровлены, что дивизию приказано было сменить...”

Илья Эренбург, автор знаменитого лозунга “Убей немца!”, в те дни написал: “Мне не удалось побывать у Сталинграда... Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоявшие больше человеческого жизней, но не было, кажется, другого, столь печального — неделями шли бои за пять-шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да за крохотный бугорок...”

Ветеран 52-й стрелковой дивизии 30-й армии бывший командир огневого взвода Пётр Алексеевич Михин вспоминал о схватке в немецкой траншее: “В траншее чуть ли не по колено в воде, под водой наши и немецкие трупы, что-то мягкое и скользкое еще шевелится под ногами, а ты, балансируя на этом неровном дне окопа, увертываешься от смертельных ударов и изо всех сил наносишь их сам. Кто кого. На этот раз наша взяла. Немцы перебиты. Но и нас осталось мало. Не успели отдышаться, как свежими силами теперь уже немцы атакуют и выбивают нас из траншеи. Мы снова ползем через трупное поле назад в свои окопы. Немцы стреляют в спины, и трупное поле пополняется. В отличие от старых трупов тела убитых лежат, как живые, как будто заснули...”

Антонина Васильевна по-прежнему была рядом. Теперь, и до окончания войны, “ординарец Тоня”, как в шутку называл её Конев, будет следовать за своим командующим всюду, куда бросит его фронтовая судьба, а вернее, куда направит Верховный Главнокомандующий. Заботливая, хлопотливая, она будет находить его со своими термосами даже в окопах, на передовых дивизионных и полковых НП, чтобы, следуя предписаниям врачей, генерал вовремя поел горячего. Он привыкнет к её ненавязчивой заботе, к умению всё предусмотреть и всё предупредить. Будет восхищаться её природным тактом и растить в себе новое чувство, которое осталось безответным с женщиной, которую он всё ещё любил, но которая уже не была единственной.

Их взаимные чувства, которые уже прорастали в них, поглощали их, проверит война, испытают годы разлуки. Всё у них будет, прежде чем произойдёт окончательное слияние в одну судьбу, в одну радость и в одну боль.

В современной историографии множатся мнения и досужие домыслы о том, почему да как так случилось, что ни Жуков, ни Конев так и не смогли одолеть немцев на ржевском выступе и взять город, что все операции были либо спланированы бездарно, либо так же бездарно исполнены, что генералы под руководством Сталина положили перед ржевским выступом миллион,

а то и полтора миллиона солдат, а результат оказался нулевым, и что Ржев, по сути, город воинской славы не Красной армии, а вермахта...

Перед Жуковым и Коневым стояли лучшие генералы Гитлера. В окопах сидели те, кто прошёл Францию, Польшу и Норвегию. Они прекрасно владели оружием, знали, что такое дисциплина и чувство товарищества, владели собой и готовы были умереть за великую Германию. А богу войны угодно было найти такое поле, где неприятели могли бы сходиться многократно, чтобы состязаться в своей жестокости и свирепстве, в преданности родине и верности солдатскому долгу. И такое поле бог войны нашёл под Ржевом.

К началу октября немцы не только не смогли что-то выкроить и перебросить из центра на юг, где Гитлер готовил решающий бросок с целью отрезать промышленные районы СССР от нефти, но вынуждены были усилить свою группировку ещё двенадцатью дивизиями. Некоторые из них прибыли с юга. Генерал Гроссман писал, что 18-й гренадерский полк его 6-й пехотной дивизии в боях за Ржев потерял всех ветеранов, пришедших в Россию в 1941 году, а в целом в его дивизии, только в августовских боях, потери составили 3 294 человека.

Немцы жертвовали богу войны под названием “Ржев” многое. Они отказались от запланированной операции под Сухиничами, от наступления на Юхнов. Они отдали Зубцов и плацдармы на Волге. Они уплотняли свои боевые порядки от Велижа до Гжатска. Мокли в окопах, болели малярией, терпели засилье вшей и нашествие комаров. Мирились с тем, что партизаны в здешних лесах и деревнях — это неистребимо. И всё это ради одного — удержать в своих руках твердыню, святилище — Ржев.

Известно, что одновременно с операцией под кодовым названием “Уран” — наступление советских войск под Сталинградом — штабы спланировали операцию “Марс” — наступление с целью ликвидации немецкой группировки на ржевско-вяземском выступе.

Конфигурация фронта в низовьях Волги очень сильно напоминала дугу в её верховьях. Немцев магически влекла Волга. Как будто на левом её берегу их ожидало нечто, что, подобно копыту судьбы, магическим образом могло решить судьбу войны в их пользу.

Известно, что и та, и другая операции планировались при непосредственном и решающем участии заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Жукова. Масла в огонь, вокруг которого застыли в ритуальных позах, протянув руки, наши историки, подлили американский историк Дэвид Гланц. Американец произвёл сложные расчёты и вывел: по уровню подготовки, по количеству дивизий и накопленным ресурсам (боеприпасы, вооружение, горючее, продовольствие, медикаменты) “Марс” выглядел внушительнее и мощнее “Урана”. Во всяком случае он называет эти операции “близнецами”.

Но генерала Моделя не постигла судьба генерала Паулоса. Модель сумел отворотить рок, нависший над 9-й армией в виде армий Западного и Калининского фронтов с их амбициозными планами покончить с ржевско-вяземским выступом, угрожающим Москве.

В двадцатых числах октября 1942 года Жуков, занимаясь планированием операций-“близнецов”, побывал на Калининском фронте. Заезжал ли он в штаб Западного фронта к Коневу, неизвестно. Но доподлинно известно другое: они в этот период не раз встречались у Верховного. В журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина только в сентябре они встречались дважды: 28 и 29 числа. Оба раза к Сталину Конев входил вместе с командующим войсками Калининского фронта генералом Пуркаевым, а также своим начальником штаба генералом Соколовским и членом Военного совета фронта Булганиным. Всякий раз совещания проходили в присутствии не только Жукова, но и Василевского. В октябре в кабинете Сталина Конев не появлялся. А в ноябре — снова три встречи почти в том же составе.

Так получилось, что в военной историографии “Марс” — самая засекреченная операция. Многие архивы этого периода закрыты. До сих пор не опубликована директива Ставки ВГК о целях и задачах операции. Лишь в последние годы в печати начали появляться некоторые исследования, проли-

вающие свет на эту таинственную звезду. А ведь масштабы “Марса” действительно были колоссальными. Приготовления к сталинградскому сражению выглядят куда скромнее.

Западный и Калининский фронты в черте Московской зоны обороны располагали следующей группировкой: 1 млн 890 тыс. солдат и офицеров, 24 682 орудий и миномётов, 3 375 танков и 1 170 самолётов. Сталинградская группировка к середине ноября 1942 года располагала более скромным ресурсом: 1 млн 103 тыс. солдат и офицеров, 15 501 орудий и миномётов, 1 463 танков, 928 самолётов. Цифры взяты из советского издания “Истории Второй мировой войны” и, конечно же, приблизительны. Но тенденция очевидна. Справедливости ради необходимо отметить, что и протяжённость фронта в районе проведения операции “Уран” была меньше, и плотность обороны там была помощней. Во время операций такого рода воюет не весь фронт и не на каждом километре войска атакуют и обороняются. Войска концентрируются и уплотняются там, где это необходимо.

Фронтам Конева и Пуркаева противостояла группа армий “Центр” под командованием фельдмаршала фон Клюге: 79 дивизий, все дивизии немецкие. Ржевский выступ, как и прежде, держала 9-я полевая армия генерала танковых войск Моделя: 16 пехотных, 5 танковые, 2 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия. Уже в ходе боёв сюда было переброшено из резервов и с других участков советско-германского фронта 10 дивизий. Соотношение сил складывалось в нашу пользу.

Задачи новой Ржевско-Сычёвской операции были теми же, что и в начале года. Армии Западного и Калининского фронтов охватывающим ударом должны были прорвать фронт в двух местах, окружить 9-ю немецкую армию, разрезать её по частям и уничтожить.

Планировал операцию “Марс” Жуков. В своих мемуарах он недвусмысленно говорит об этом. Известно, что и в период боёв он бывал в войсках, в частности, на северном участке, в районе Великих Лук, где действовала 3-я ударная армия генерала Галицкого. В этой операции армия Галицкого добилась значительного успеха — освободила город Великие Луки, захватила большие трофеи.

Наступление несколько раз откладывалось из-за плохой погоды. Началось 25 ноября. Артподготовка проведена при плохой видимости и существенных результатов не дала. Пурга накрыла всё пространство. Пехота пошла в атаку и вскоре была встречена плотным огнём противника. 20-я армия всё же смогла пробить брешь в обороне противника на глубину 10 километров и ширину 3—4 километра. В прорыв были введены вторые эшелоны — стрелковый корпус и подвижная армейская группа в составе кавалерийского и танкового корпусов. Однако противник предпринял ряд контратак и закрыл брешь резервами. Часть войск оказалась в окружении и вырвалась оттуда лишь спустя несколько суток, потеряв много личного и конского состава, а также почти все танки.

8 декабря 1942 года последовала новая директива Ставки войскам Западного и Калининского фронтов: к 1 января 1943 года разгромить группировку противника в районах Ржев, Сычёвка, Ленино, Белый.

Жуков, находившийся в районе наступления в качестве представителя Ставки и наблюдая неумелое руководство войсками некоторых командующих, недавно назначенных на свои должности, тут же заменил некоторых из них. Полномочиями он обладал большими, характером крутым. Коснулись кадровые перестановки и Западного фронта. Командующий 20-й армией генерал Кирюхин был заменён на генерала Хозина. Кирюхин действительно не справился с управлением войсками во время атаки 25 ноября и в последующие дни. Но замена его на Хозина оказалась равноценной. Заменены были командиры танковых корпусов. А 41-й армией Калининского фронта Жуков в дни повторной, декабрьской атаки командовал сам.

Новые бои ничего, кроме новых потерь и разочарований, не принесли. Единственным утешением для выживших стало то, что они в эти зимние дни сковали здесь, на ржевском выступе 30 немецких дивизий.

Тем временем на юге, в районе Сталинграда, армии Юго-Западного,

Донского и Сталинградского фронтов трепали 6-ю немецкую армию и дивизии союзников Гитлера — румын, итальянцев, венгров.

9-я армия Моделя была измотана до крайней степени. Она так и не сможет восстановить свои силы и вскоре будет отведена с ржевско-вяземского выступа, уступив его практически без боя.

Страна праздновала победу под Сталинградом.

В сущности, если рассматривать проблему всего фронта от моря до моря, если видеть её исторически, то праздновать можно было и победу на ржевском выступе. Но...

Под Ржевом и Гжатском зализывали раны, проводили перегруппировку, исследовали причины неудач и провалов.

А в Ставке уже велась работа по подготовке новой операции Западного, Калининского, Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов на февраль 1943 года.

Из воспоминаний И. С. Конева: “Зимой 1943 года я был снят Сталиным с командования Западным фронтом в обстоятельствах, при которых я не мог считать это решение справедливым. Как командующий фронтом я получил целый ряд настороживших меня сведений о том, что немцы предполагали совершить отход с того выступа, который они тогда занимали перед Москвой.

Разумеется, я не мог пройти мимо этих сообщений, обязан был их проверить и быть готовым к тому, чтобы принять свои меры на случай, если немцы действительно начнут отход с этого выступа. Было бы нелепо и обидно, если бы мы с опозданием узнали об их отходе, получив бы эти сведения тогда, когда уже ничего не смогли бы предпринять, и отходящие немецкие части были бы уже в пятидесяти километрах от нас. А это вполне могло случиться, если не провести предварительной проверки полученных нами сведений.

Если бы проверка показала, что намерения немцев соответствуют нашим сведениям, — мы могли бы впоследствии при достаточной бдительности и подготовленности ударить по войскам противника в самый невыгодный для них момент начавшегося отхода, преследовать их по пятам, наносить им потери, нарушив весь их план.

Проверяя полученные сведения, я предпринял на фронте частные операции. Сначала операция была проведена с 5-й армией, которой командовал тогда генерал Я. Т. Черевиченко. Надо признать, что операция, проводившаяся армией Черевиченко, оказалась неудачной. Мы понесли неоправданные потери, и вообще она была плохо организована. Черевиченко плохо справился со своими обязанностями командующего армией, и я имею основания сказать, что он подвел меня как командующего фронтом.

После этой неудачи у меня возник конфликт с Булганиным, который был в то время членом Военного совета Западного фронта. Хотя Черевиченко действительно плохо провел операцию, часть ответственности за это, разумеется, легла и на командование фронтом, в первую очередь на меня. Но я, сказав Черевиченко все, что считал необходимым, оценив его действия достаточно жестко, тем не менее воспротивился намерению Булганина сделать Черевиченко таким “козлом отпущения” и такой ценой самортизировал возможные неприятности со стороны Ставки.

После неудачи с 5-й армией я уехал на южный участок фронта в армию И. Х. Баграмяна. Там разведывательно-наступательная операция прошла в целом удачно. Мы захватили пленных, получили нужные нам сведения, заняли несколько узлов обороны. Однако развивать наступление дальше мы не могли. Да, собственно говоря, я с самого начала не считал возможным проводить крупную операцию с далеко идущими целями, поскольку для этого у нас не было сил и прежде всего техники, не только танков, но даже достаточного количества артиллерии и боеприпасов. При всем желании и старании я не мог сосредоточить даже на главном участке прорыва ста орудий на километр фронта.

И вот, когда эта частная, удачно закончившаяся операция была в основном завершена, на командном пункте Баграмяна, где я тогда находился, раздался звонок от Сталина. Сталин раздраженным тоном спросил меня, почему я не развиваю наступление. Я ответил ему, что у меня для этого нет

необходимых сил и средств. Он стал настаивать. Я оставался при своем мнении. Он сказал:

— Смотрите, как действуют ваши соседи, как наступает Воронежский фронт! А вы!

Надо отдать должное Воронежскому фронту, он действовал в это время действительно весьма удачно, но справедливости ради следует отметить, что против войск этого фронта стояли в тот период не немецкие части, а войска немецких союзников, по целому комплексу причин в тот период куда менее боеспособные, чем немецкие части.

Отвечая на упрек Сталина в адрес Западного фронта, я сказал ему, что там, перед Воронежским фронтом, один противник, а здесь перед нами — другой, полноценные немецкие дивизии, собранные в большой кулак.

Это было действительно так. Немцы к этому времени держали под Москвой большую силу, кулак, которым в любой выигрышный момент могли ударить по Москве, если бы мы предоставили им такую возможность. На Западном фронте противник сосредоточил против нас более тридцати полнокровных дивизий. Мое решение не развивать в глубину ту частную операцию, которую провела армия Баграмяна, в значительной степени объяснялось тем, что мы не вправе были рисковать на таком участке фронта, который отстоял еще совсем недалеко от Москвы.

Когда я сказал, что перед нами другой противник, Сталин очень рассердился и резко сказал мне:

— Ну, конечно, вы не можете. Перед вами, конечно, особый противник. Сказал и бросил трубку.

Через 24 часа после этого разговора, еще находясь в армии Баграмяна и “ползая” там по переднему краю, чтобы дополнительно уточнить некоторые интересовавшие меня вопросы, связанные с возможностью отхода немцев, — а надо сказать, что я вообще, пока был на Западном фронте, весь его “исползал” по переднему краю, — так вот, именно там, — говорю об этом только потому, что это в какой-то мере усугубляло степень моей обиды, — я узнал, что пришло решение Ставки о снятии меня с командования Западным фронтом с формулировкой “как не справившегося с обязанностями командующего фронтом”.

Не буду говорить о том, насколько тяжело я это переживал, это и так понятно. Правда, не подать вида и сохранить выдержку мне, хотя с трудом, но удалось.

Баграмян переживал эту историю не меньше меня. Он присутствовал при моем предыдущем разговоре со Сталиным всего 24 часа назад и, узнав о моем неожиданном снятии, пытался душевно поддержать меня, совершенно открыто и прямо заявил, что считает принятое Ставкой решение неправильным и несправедливым.

Я немедленно выехал в штаб фронта, сдал фронт генералу Соколовскому, который был начальником штаба Западного фронта, и поехал в Москву.

У меня сложилось впечатление, что мое снятие с фронта не было прямым следствием разговора со Сталиным. Этот разговор и мое несогласие были, что называется, последней каплей. Очевидно, решение Сталина было результатом необъективных донесений и устных докладов со стороны Булганина, с которым у меня к тому времени сложились довольно трудные отношения. Сначала, когда я вступил в командование фронтом, он действовал в рамках обязанности члена Военного совета, но последнее время пытался вмешиваться в непосредственное руководство операциями, недостаточно разбираясь для этого в военном деле. Я некоторое время терпел, проходил мимо попыток действовать подобным образом, но в конце концов у нас с ним произошел крупный разговор, видимо, не оставшийся для меня без последствий.

Состояние у меня было тяжелое, но чувства раскаяния я не испытывал. Я оставался при своем мнении, что правильно поступил, приостановив наступление. С нашими силами против той группировки немцев, которая была перед нами, в большом наступлении успехов мы иметь не могли. Могли занять кое-какие населенные пункты, для отчетности, и на взятии этих нескольких пунктов размотать силы фронта. Уложить людей недолго, наступ-

ление их быстро съедает. Ничего серьезного не добившись, фронт в итоге мог поставить себя под угрозу даже в обороне”.

Сталин, к несчастью, имел весьма распространённую слабость, которой подвержено большинство диктаторов, — он любил подхалимов, позволял им опутывать себя паутиной своей тягучей липкой лести. А значит, в какой-то мере и управлять собой. Правда, эту паутину он умел быстро, в один мах, рвать и принимал совершенно независимые решения. Проклинал подхалимов. Но потом снова позволял им приближаться и заниматься прежним ремеслом. Иногда сам приближал их к себе. Слишком сладкозвучны были их песни...

Подхалимы и интриганы напевали Верховному и о Коневе.

Возможно, некоторую роль в отстранении Конева от командования войсками Западного фронта сыграла вспыльчивость Сталина. Вспыльчивость, импульсивность — одна из родовых черт характера диктатора. Кавказ! Но на этой нежной струне кто-то сумел сыграть очень тонко и вовремя.

После отстранения от командования фронтом он приехал в Москву и, как впоследствии вспоминал, “три дня не вылезал из дому, нигде не показывался”. Но время лечит. И Конев вскоре пришёл в себя. Пошёл в Генеральный штаб, отыскал генерала Бокова и узнал от него, что происходило на фронтах. Генерал-майор Ф. Е. Боков служил в Генштабе в качестве заместителя по оргвопросам. Так сложилось, что разработки Генштаба (“канцелярии”, по выражению Сталина) Верховному докладывал именно он. Маршал Шапошников часто болел, Василевский мотался по фронтам.

Неожиданно в кабинет Бокова вошли командующий войсками Волховского фронта генерал Мерецков и член Военного совета фронта Мехлис. Она знали о смещении Конева с должности комфронта. Мехлис внешне ничем не выказывал своих эмоций, но внутренне, и это Конев сразу почувствовал, был удовлетворён произошедшим. Мерецков спросил:

— Что ты тут делаешь? За назначением?

— Ничего не делаю. Свободен.

— Как свободен?

— Сам знаешь, как... С фронта снят. Впереди — ничего определённого. Вот, зашёл узнать, как дела у моего преемника Соколовского.

— А какое-нибудь назначение получил?

— Пока нет. И это и угнетает, и раздражает больше всего. Пускай бы с понижением в звании, в должности, но — лишь бы на фронт.

— А ко мне на армию пойдёшь?

Конев усмехнулся:

— Суворов в лучшую свою пору, когда турок громил, корпусом командовал. А ты говоришь, пойду ли на армию...

Вошёл дежурный офицер и сказал, что товарищей Мерецкова и Мехлиса вызывают в Ставку.

— У нас сейчас встреча с товарищем Сталиным, — пояснил Мерецков. — Я ему напомню о тебе.

В то, что Мерецков действительно заведёт со Сталиным разговор об опальном генерале, Конев и верил, и не верил. Но Кирилл Афанасьевич сдержал своё слово. Вернее, всё произошло несколько иначе: у Мерецкова одной из армий командовал заместитель, хороший штабист, но в практических делах человек неопытный. И он попросил Сталина утвердить на должность командарма Конева.

Сталин внимательно взглянул на Мерецкова. Сразу ничего не ответил. И вдруг спросил:

— А что Конев, в каком он настроении?

— Настроение у него... Рвётся на фронт. Сказал: приму хотя бы и корпус.

Спустя час на квартиру Конева прибыл офицер по особым поручениям и вручил листок, на котором был написан номер телефона, по которому он должен позвонить в ближайшие часы.

Конев понял, что судьба его решилась. Метнулся в Генеральный штаб. Из кабинета Бокова позвонил по номеру, который ему был вручен. Послышался знакомый глуховатый голос:

— Товарищ Конев, здравствуйте. Как ваше настроение?

— Плохое, товарищ Сталин.

— Почему плохое?

— Я — солдат, в такое время солдат не должен сидеть дома, он должен воевать.

— Подождите. Дайте мне три дня на то, чтобы разобраться. Мы вас пошлём вновь командовать фронтом.

— Товарищ Сталин, если вы считаете, что я не могу справиться с командованием фронтом, то я готов ехать командовать армией. Надеюсь, что с этим я справлюсь.

— Я знаю, вы договорились с Мерецковым. Мерецков решил воспользоваться ситуацией... Нет, мы не можем себе этого позволить. Мы вас пошлём командовать фронтом. Подождите три дня, дайте мне срок разобраться. Желаю всего хорошего.

О дальнейших событиях И. С. Конев вспоминал так: “Через три дня я явился к Сталину и был назначен командующим Северо-Западным фронтом.

Направляя меня на фронт, Сталин резко и, я бы даже сказал, грубо отозвался об одном из моих предшественников на этом фронте, сказав, что тот “расстрелял веру своих солдат в победу”. Меня покорило от этой категоричности суждений. Всего неделю назад я испытал это на себе”.

Но это Иван Степанович сказал, диктуя свои воспоминания спустя многие годы. А тогда, в 43-м, он был счастлив новым назначением.

Что же произошло в феврале 43-го на Западном фронте? За что Сталин отстранил Конева от должности? Только ли придворные интриги стали причиной отлучения Конева от командования войсками?

С 22 февраля по 23 марта 1943 года левое крыло Западного фронта проводило наступательную операцию против жиздринской группировки 9-й армии генерала Моделя. Целью операции было “развить успех, достигнутый на южном стратегическом направлении и не допустить переброски туда немецких сил с центрального участка фронта”. Подобные операции, имевшие те же цели, в это время проводились соседними фронтами: Малоархангельская операция, Севская операция, Ржевско-Вяземская, Старорусская.

Жиздринская наступательная операция проводилась силами 16-й армии генерала Баграмяна. Задачи Баграмяну были поставлены серьёзные: прорвать фронт в восемнадцатикилометровой полосе в районе Запрудное, Высокая юго-западнее города Сухиничи и наступать на Жиздру, а затем на Брянск. Совместно с войсками Брянского фронта охватить и взять Брянск.

Армия имела в своем составе шесть стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Для усиления удара и развития успеха сюда же, во второй эшелон, прибыли 9-й танковый корпус и танковые бригады.

Приготовления наших войск, переброска достаточного количества танковых резервов не прошли незамеченными противником. Немецкое командование спешно усилило свои войска в районе Жиздры и Сухиничей двумя пехотными дивизиями, а также перебросило на угрожаемый участок до 100 танков и штурмовых орудий, на предполагаемых местах прорыва сосредоточило противотанковую артиллерию.

22 февраля 1943 года 16-я армия перешла в наступление. Сразу стало очевидным, что противник успел создать здесь мощнейшую оборону. Везде, где войскам 16-й армии удавалось достигнуть каких-то успехов, тут же следовала контратака с танками и при поддержке авиации. К 28 февраля наши подразделения смогли захватить ряд населённых пунктов, превращённых противником в опорные пункты, и продвинуться в глубину до пяти-шести километров. Но Баграмян к этому времени ввёл в дело все свои дивизии и рассчитывал уже только на второй эшелон. Однако танковые части второго эшелона ему не подчинялись. Превратить вклинение в прорыв 16-я армия уже не могла — выдохлась.

Баграмян запросил резервов. Но Конев вводить в бой танковый корпус не решился. Что произошло, неизвестно. Скорее всего, Конев понял всю абсурдность проводимой операции и решил приостановить её на той стадии,

когда в мясорубку под Жиздрой ещё не был брошен танковый корпус генерала Шамина. Вооружённый в основном ленд-лизскими танками “валентайн” с лёгким бронированием и слабой 57-мм пушкой, а также ещё более уязвимыми для немецкой противотанковой артиллерии отечественными Т-60, он не сыграл бы решающей роли, а только увеличил потери.

Немцы же усилили свою группировку 5-й танковой и двумя пехотными дивизиями, спешно переброшенными с ржевско-вяземского выступа.

Позже, в марте, когда Конев будет проводить наступательную операцию под Старой Руссой, на севере, генерал Соколовский бросит 11-ю армию Баграмяна вперёд с той же целью, пытаясь развить успех на тех же направлениях. Но результат окажется тем же, только более кровавым.

Сталин, однако, положительно оценил действия 11-й армии, и вскоре она стала именоваться 11-й гвардейской.

Сам Иван Христофорович Баграмян, вспоминая кровавые дни и ночи под Жиздрой, в своих мемуарах написал: “Должен признаться, что уже в то время я видел, что причина невыполнения армией поставленной задачи сводилась не только к нашим упущениям. Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки. Тогда у всех нас были еще свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной Армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен, и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу”.

Иван Христофорович был очень деликатный и очень осторожный человек. Он сказал, что мог.

А вот чем так подвёл Конева командарм 5-й армии Черевиченко, остаётся тайной.

О Черевиченко Конев вспоминал со сдержанной неприязнью.

Генерал Черевиченко в годы войны прославился тем, что его 7-й стрелковый корпус успешно дрался в Берлине и брал рейхстаг. Егоров и Кантария — из 7-го корпуса.

Что же было до Берлина? В начале войны самая мощная на южном участке фронта 9-я армия оказывается разбитой и отступает. Её командующего генерала Черевиченко отстраняют от должности. Но вскоре он уже командует Южным фронтом. Доводит до катастрофы и фронт. И вот — на 5-й армии... С 5-й его убирают вместе с Коневым. В один день. Но если Конева вскоре возвращают, то Черевиченко в распоряжении Ставки находится до апреля 43-го. Потом его всё же снова ставят на командную должность — заместителем командующего фронтом. Но... не растёт жито на камне. Какое-то время он состоит кем-то при Военных советах армий и фронтов. В 44-м получает в управление Харьковский военный округ. И что же? В архивах хранится документ — приказ Сталина от 27 января 1944 года, в котором говорится о безобразном состоянии запасных частей округа: дезертирство среди бойцов, пьянство, воровство, мордобой среди офицеров; личный состав запасных частей голодает, бойцам не хватает даже хлеба, нет обуви, обмундирования... Этим же приказом Верховный отстранил Черевиченко от должности командующего округом. Но Черевиченко был другом Жукова. Вместе когда-то служили в кавалерийской дивизии в Белорусском военном округе. И Жуков, командуя войсками 1-го Белорусского фронта, нацеленного на Берлин, берёт старого друга к себе. Назначение произошло 27 апреля 1945 года.

Но ирония судьбы заключается вот в чём: в апреле 43-го генерал-полковника Черевиченко прислали Коневу в качестве заместителя. Какое-то время служили вместе.

И. С. Конев: “Конец истории с моим снятием с Западного фронта был такой. Уже в 1943 году после взятия Харькова, когда я командовал Степным фронтом, в Москве проходило специальное совещание членов военных сове-

тов, на котором рассматривались вопросы, связанные со взаимоотношениями членов Военного совета с командованием.

Говоря об отдельных случаях неправильного отношения членов Военного совета к командующим фронтами, Сталин как пример привел историю со мной и сказал:

— Вот в свое время с Коневым не разобрались, поторопились, сняли с фронта, а смотрите, как он сейчас воюет.

В такой форме им была признана несправедливость тогдашнего молниеносного решения о снятии меня с Западного фронта. Об этих словах Сталина на совещании мне доверительно рассказывал возвратившийся с совещания член Военного совета Степного фронта генерал И. З. Сусайков.

После того как мне удалось провести некоторые положительные, на мой взгляд, мероприятия на очень сложном и очень неблагодарном для любого человека, оказавшегося там в роли командующего, Северо-Западном фронте, Сталин в июне месяце 1943 года вызвал меня и назначил командовать Резервным фронтом”.

Взаимоотношения Конева и Булганина были действительно отвратительными. Булганин как человек, понимающий политику партии, несомненно, глубже и правильней, всегда оставался ближе Сталину. Когда закончится война, это проявится особенно отчётливо. Маршалы, которых Сталин и любил, и опасался одновременно, будут отодвинуты на второй план. На первый выйдут партийцы. Любовь к военным в Кремле станет своего рода анахронизмом.

Но что же происходило на Северо-Западном фронте весной и в первой половине лета 43-го?

Ещё в январе Ставка разработала план наступательной операции под кодовым названием “Полярная звезда”. Полное окружение и уничтожение немецкой группировки (16-я полевая армия генерала Эрнста Буша группы армий “Север”) на демянском выступе. Затем, без оперативной паузы, глубоким ударом в направлении на Старую Руссу прорвать оборону противника и выйти в тыл Ленинградской и Новгородской группировкам немцев. Общее руководство ходом операции осуществлял Жуков. Войсками Северо-Западного фронта руководил маршал Тимошенко. Демянскую группировку отрезать от тылов и уничтожить изолированно не удалось. Немцы удержали “Рамушевский коридор” и вывели группировку из выступа. 4 марта 1943 года начался второй этап операции “Полярная звезда”, которая вошла в историю Великой Отечественной войны как Старорусская наступательная операция. Началась весенняя распутица, дороги распустило. Лыжные бригады пошли в бой в пешем строю. Танки свободно маневрировать не могли. Болота и реки стали непроходимыми. Явно неудачным был и сам замысел операции — повторное наступление на тех же направлениях, да ещё без средств усиления. При этом отставала даже та артиллерия и тяжёлая техника, которую войска имели. Немцы же, видя перегруппировку наших войск, значительно усилили свои оборонительные рубежи, особенно под Старой Руссой. Продвинувшись вперёд на 10–15 километров, войска Северо-Западного фронта подошли к Старой Руссе. Здесь произошла вынужденная остановка. Ставка изымала из состава фронта и в срочном порядке перебрасывала на юг, под Харьков, 1-ю танковую армию генерала Катюкова, другие части.

С Катюковым Конев судьба ещё сведёт. Но это произойдёт не скоро. Но самые блестящие свои операции и танковые удары генерал Катюков проведёт именно под командованием к тому времени уже маршала Конева.

Началась перегруппировка. Маршал Тимошенко был отстранён от командования войсками фронта. Это по его адресу Сталин выражался резко и грубо, посылая Конева туда, в северную грязь, в старорусские хляби поправлять положение.

В конце марта наступление окончательно выдохлось, и Конев приказал войскам зарываться в землю на достигнутых рубежах, как сообщалось в сводках Совинформбюро”, “южнее озера Ильмень”.

Закончилась жуткая бойня, продолжавшаяся с 4 по 19 марта. Исследователи этих событий говорят о том, что ежедневно наша группировка теря-

ла убитыми и пропавшими без вести по 6 444 человека, что в истории Великой Отечественной войны уровень потерь был превышен только однажды — в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, когда произошло встречное танковое сражение.

...”Ординарец Тоня” и верный адъютант Саломохин были всегда рядом и здесь, под Старой Руссой.

Глава двадцать вторая

РЕЗЕРВНЫЙ СТЕПНОЙ ФРОНТ

“Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?”

Жаркое лето 43-го... На фронтах длилась оперативная пауза. С апреля обе стороны готовились к решающей схватке. Полем предстоящей битвы на этот раз выбрали так называемый Курский выступ — линию фронта от Думиничей на севере (ныне районный центр Калужской области) и до Харькова на юге.

И. С. Конев: “Эта врезавшаяся в наш фронт дуга была для Красной армии не просто неудобным обстоятельством. Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для его удержания значительных сил. Дуга прорезала железнодорожные пути и перегоны, перехватывала шоссейные дороги, которые вели из района группы “Центр” в направлении Харькова и представляли для наших войск важные коммуникации, расположенные, к сожалению, по ту сторону фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления как на северном фланге группы армий “Юг”, так и на южном фланге группы армий “Центр”. Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил. При одновременном наступлении с юга и севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы”.

Собственно выступ, дуга проходила от Малоархангельска до Белгорода. Но, как всегда происходит во время стратегических операций, которые, по замыслу их авторов, образуют гигантскую центростремительную воронку, вбирающую, засасывающую в себя сотни и сотни километров окрестностей вместе с войсками, рубежами и коммуникациями, всё это пространство превратилось в колоссальное побоище. Курская битва происходила на землях нынешних Калужской, Орловской, Воронежской, Белгородской областей России и Сумской и Харьковской областей Украины.

Судя по журналу посещений И. В. Сталина в его кремлёвском кабинете, в 1943 году Конев Верховный вызывал к себе четыре раза. И все четыре посещения состоялись накануне операции “Кутузов”. Последняя беседа состоялась 24 июня. Началась она в 0.30, а закончилась в 2.35. Сидели долго. Десятью минутами раньше в кабинет к Сталину зашли Василевский, Антонов и Голиков. Его, командующего войсками Степного фронта, пригласили потом.

— Степной фронт, — сказал Сталин, обращаясь ко всем присутствующим, — должен сыграть важную роль в контрнаступлении.

Затем раскурлил свою трубку и взглянул на Конева. Кивнул в его сторону трубкой:

— Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получаете в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположенный за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности. Если противник прорвётся, вам необходимо отразить его удары и не допустить развития прорыва дальше на

восток как на орловском, так и на белгородском направлениях. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны. Вы готовы выполнить эту задачу, товарищ Конев?

— Готов, товарищ Сталин, — ответил Конев.

— Хорошо, мы надеемся на вас.

И той, и другой стороне нужен был Курский выступ. И Ставка в Москве, и руководство вермахта связывали с удачным исходом дела на этом участке фронта свои дальнейшие планы ведения войны.

Биографы Конева рассказывают о подробностях разговора в кабинете Сталина несколько иначе. Сталин в разговоре якобы рекомендовал Коневу побывать в первом эшелоне, на Воронежском фронте, “чтобы быть в курсе обстановки, знать направление возможных ударов противника...” Но перед тем, как приступить к исполнению обязанностей командующего Степного округа, посоветовал слетать “к семье в Куйбышев”.

К семье он, видимо, ездил. Скучал по детям. Да и на Анну хотелось посмотреть.

Анна Ефимовна Конева, несмотря на то, что генеральская жена, работала в одном из военных госпиталей Куйбышева. Выполняла ту же работу, что и другие женщины из числа госпитальных служащих, — убирала, мыла, подавала, выносила, писала письма безруким, перетаскивала безногих.

Сейчас порой говорят: и как мы, страна, выдержали? Как победили? А победили единством. Все были едины. И искренни в своём единстве. Желание победить врага и освободить свою землю от иноземных приобрело силу молитвы, и эта всенародная молитва восходила к небесам с огромного просторства — одной шестой части земного шара. Это была молитва матерей о сыновьях, жён — о мужьях, дочерей — об отцах. Женщины молились, чтобы их мужчины поскорей вернулись домой. Но для того, чтобы они вернулись, им надо было одолеть врага. И они молили небеса об одолении врага.

Но главная битва происходила всё же на земле. Надо было сражаться. Действовать. И действовать лучше врага. Трудиться не покладая рук. Война — это тяжёлый труд, каждодневная, ежечасная изнурительная работа. В том числе и в тылу. Выполняли её все. В том числе и генеральские жёны. Впоследствии, по возвращении из Куйбышева Анна Ефимовна продолжила свою госпитальную миссию сестры милосердия в Москве.

Об Анне Ефимовне Коневой как о сестре милосердия рассказал мне каноник церкви Воскресения Христова, что в Тарусе на Оке, Николай Данилович Санкин. Его ранило в 44-м. Осколок близко разорвавшейся мины перерубил несколько рёбер и остановился под лопаткой. Товарищи вынесли на плащ-палатке. В полевых условиях человеку с такой раной чем поможешь? Отправили ближайшим поездом в тыл. В Москве санитарный эшелон остановился. Начальник поезда приказал снять мёртвых и тех, кого дальше везти было бессмысленно. До станции назначения было ещё больше суток пути. А этим, по его расчётам, жить оставалось несколько часов. Сняли с поезда и Николая Даниловича. Привезли в ближайший госпиталь. Стали готовить к операции. “А от меня смрад идёт, как от мёртвого, — вспоминал Николай Данилович. — Меня ведь ранило в разведке. Ползли — грязные, потные, а тут ещё кровью всего залило. Ни одежды, ни белья мне не поменяли. Каким принесли с нейтральной полосы, таким в палату в том московском госпитале и занесли. Лежу. Умираю. А уже равнодушие на меня напало. Смирился, что скоро помру. Даже боль утихла. И тут приходит женщина. Средних годов. Красивая. Принесла таз и принялась мне в этом тазу мыть голову. Как мне после этого хорошо стало, господи! А потом принесла другую воду и помыла мне ноги. Лежу, а самому стыдно. Как же так, думаю, такая красивая женщина и обмывает меня. Когда ушла, унесла воду, мне сосед по палате и говорит: “А знаешь, кто тебя обмывал?” — “Нет”, — говорю. “Это, братец ты мой, жена маршала Конева, Анна Ефимовна”. Когда мне сделали операцию, когда я очнулся и открыл глаза, первой, кого я увидел, была Анна Ефимовна. Я думал, что это ангел с небес спустился и смотрит на меня, живого. После войны я долго ей открытки посылал, поздравлял с празд-

никами и благодарил за её доброту. Редкой души человек. Теперь её нет. Молюсь за упокой её души”.

В 44-м Анна Ефимовна с детьми перебралась в Москву.

В “Записках...” И. С. Конев отмечает: “Как известно, в битве под Курском советские войска создали мощную, глубоко эшелонированную, хорошо организованную оборону с выгодным для нас соотношением сил сторон, поскольку мы готовились к преднамеренной обороне. И всё же противнику удалось на обоянском направлении вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км. И лишь благодаря вводу в сражение двух армий Степного фронта — 5-й гвардейской танковой армии П. А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А. С. Жадова — вражеское наступление было окончательно остановлено”.

Войска окапывались на огромном пространстве. Отрывали километры траншей. Пилили лес, перекрывали накатником блиндажи и землянки. Артиллеристы обустроивали огневые. Танкисты маскировали боевые машины. Рядом с солдатами работали тысячи жителей окрестных городов и деревень. Строили дороги, мосты.

Войска работали день и ночь. Ночью осуществляли переброску частей, техники, маскировали то, чего не должен видеть противник. Днём обустроивали оборону.

Конев часто бывал на позициях. Смотрел, проверял, советовал, поправлял. Слушал разговоры солдат и командиров, их шутки, смех. Это были уже другие солдаты, другая армия. Вскоре об этом узнает противник. Над позициями иногда появлялась немецкая “рама”, делала круги, снижалась. Всё шло так, как задумано: немцы должны быть уверены в том, что русские готовятся к обороне.

10 июля 1943 года Степной военный округ был переименован в Степной фронт. Ставка определила его состав:

“Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую, 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3-й, 5-й, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

2. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

3. Передвижение войск совершать только ночью.

4. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

5. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, А. Антонов”.

Из устных указаний, поступивших шифром, следовало: приказ поступит перед самым началом сражения; передвижение производить только под покровом темноты; приказы отдавать устно; управление фронта передислоцировать на несколько десятков километров западнее, т. е. ближе к фронту.

Штаб расположился рядом с железнодорожной станцией Касторное. Если посмотреть на карту — то как раз в центре напротив Курского выступа. Если бы немцам удалось срезать выступ, то танки армейских групп “Центр” и “Юг” сомкнули бы свои клещи в районе Касторной.

Для обеспечения операции “Цитадель” Гитлер ещё в начале года провёл тщательную мобилизацию. Под ружьё поставили всех, кто до этого по разным причинам избежал призыва. В промышленности больше стали применять женский труд, “остарбайтеров” (бывших военнопленных и вывезенных из оккупированных территорий), а также труд рабочих, завербованных в соседних странах — Швейцарии, Франции, Бельгии. В войска начали набирать

поляков, чехов, словаков, французов, шведов. Идеологи и практики теории “чистой крови” в срочном порядке пересмотрели некоторые положения расовой теории и подправили многие пункты своих директив. Исчез из употребления термин “недочеловек”. Расширен список народов, составляющих семью арийских народов. Активизировал свою работу так называемый Смоленский комитет. Миллионными тиражами была отпечатана листовка, подписанная бывшим генералом РККА Власовым, который добровольно пошёл служить рейху и приступил к формированию частей Русской освободительной армии в составе вермахта. В дивизии СС широким потоком, в том числе и из концлагерей, пошли латыши, эстонцы, литовцы, белорусы, украинцы, русские, татары, калмыки, чеченцы и т. д. В результате тотальных мер Гитлеру, по различным подсчётам, удалось направить на фронт 600 тысяч немцев и поставить под ружьё 450 тысяч “восточных войск”. Пройдёт год, и Коневу придётся столкнуться с “русскими” частями СС. Для многих из последних день столкновения с атакующей Красной армией станет последним днём их существования и служения Гитлеру. Гитлеру необходимо было влить в воюющие армии около миллиона новобранцев. При том, что ему удалось наскрести немногим больше половины требуемого, была заново сформирована 6-я полевая армия, первый состав которой погиб и был пленён под Сталинградом — полностью восстановлены двадцать дивизий, в том числе и танковых, со “сталинградскими” номерами. В войска поступило новое вооружение. Модернизированный танк Т-IV, а также новый Т-V “пантера”, Т-VI “тигр”, самоходные орудия новых типов. Истребители танков получили новую 75-мм противотанковую пушку PaK40, которая с дистанции 1000 метров проламывала 120-мм броню, а следовательно, могла поражать любой советский танк. Люфтваффе получили модернизированный истребитель “Мессермитт-109G-6”, штурмовик “Хеншель-126В” и истребитель танков “Юнкерс-87G”, оснащённый двумя 37-мм пушками. Первую противотанковую эскадрилью пикировщиков Ю-87G накануне решающего наступления возглавил знаменитый ас Ганс-Ульрих Рудель.

Сокрушить “оборону Советов” должны были танковые клинья. Тактика, принёсшая череду побед в летних боях 41-го, в 42-м и совсем недавно, уже в 43-м под Харьковом и Белгородом, отработанная до совершенства генералами и экипажами стальных машин, должна была принести *факел* победы и в этой битве. Тем более что на этот раз Гитлер посадил свои лучшие экипажи на совершенно новые танки и самоходки.

Основу танковых клиньев немецкой армии составили Т-IV. Но теперь самый массовый танк Второй мировой войны выглядел иначе. Вместо короткоствольной пушки (“окурка”) в массивную башню была встроена 75-мм пушка с длиной в 48 калибров и дульным тормозом. Толщина лобовой брони увеличена с 50 до 80 мм. Для сравнения: советская модернизированная “тридцатьчетвёрка” имела к тому времени лобовую броню в 52 мм; 16-тонный английский “валентайн” — 60 мм; 32-тонный американский “шерман” — 76 мм. Новая “четвёрка” была оснащена противокумулятивной защитой в виде 5-мм экранов, надёжно прикрывавших ходовую часть танка. По замыслу конструкторов и “отца Панцерваффе” Гудериана эта машина должна составить серьёзную конкуренцию советской “тридцатьчетвёрке” на поле боя.

За полгода до Курского побоища с конвейеров немецких заводов сошли первые серийные образцы нового танка Т-IV “пантера”. В какой-то степени это была улучшенная копия советского Т-34. (Советские армии стояли ещё за сотни вёрст от границ Третьего рейха, а зловещая тень непобедимой “тридцатьчетвёрки” уже металась по Германии). Толщина лобовой брони “пантеры” составляла 85 мм. Борта и корму закрывала 40-мм броня. Вооружение “пантеры” состояло из мощной бронебойной 75-мм пушки с коническим каналом ствола длиной 70 калибров, оснащенной дульным тормозом. Ни один из советских танков, включая и ИС-2 со 120-мм лобовой бронёй, не мог выдержать выстрела бронебойного снаряда “пантеры” с расстояния 1000 метров. Экипаж мог производить 6–8 выстрелов в минуту. Кроме того, на борту имелись два пулемёта калибра 7,92. Эта машина по своим так-

тико-техническим данным превосходила все танки Второй мировой войны.

И, наконец, широко известный танк Второй мировой войны — Т-VI “тигр”. Тяжёлый танк “тигр” весил 56 тонн. Тяжёлый ИС-2 весил на десять тонн меньше и на тонну больше, чем “пантера”. Английский “черчилль” — 40 тонн. Экипаж 5 человек. Толщина лобовой брони 100 мм, бортовой — 80 мм, верха корпуса — 26 мм. Самым эффективным истребителем советских танков была до сих пор 88-мм зенитка, “восемь-восемь”, как её называли немецкие артиллеристы. Если цель появлялась в поле зрения расчёта “восемь-восемь”, то хороший наводчик поражал её с расстояния 2000 метров первым же выстрелом. Так вот, именно эту пушку получил “тигр”. На борту имелись также два пулемёта. “Тигр” был прост в управлении. Любой из членов экипажа при необходимости мог заменить механика-водителя. Чтобы не размазывать сверхмощный танк по дивизиям и корпусам, было принято решение о создании тяжёлых танковых батальонов как единой тактической единицы. Тяжёлые танковые батальоны имели три роты по 15 единиц каждая. Гитлер был в восторге от своего нового детища и справедливо говорил, что “один батальон... стоит целой нормальной танковой дивизии”. Единственным серьёзным недостатком этого танка была его дороговизна в изготовлении. Поэтому он не мог стать массовой машиной вермахта. Танковые части, действовавшие под Белгородом, Харьковом и Орлом, получили три батальона и четыре отдельных роты “тигров”.

Истребитель танков “фердинанд” имел толщину лобовой брони 200 мм. Толщина кормовых листов — до 85 мм. Два двигателя “майбах” по 265 л/с, каждый из которых автономно приводил в движение одну из двух гусениц. 88-мм пушка, которая на полтора километра свободно брала любой советский танк, даже в лоб. Весил этот стреляющий колосс 72 тонны. Скорость мог развивать до 30 км/час. “Чудо инженерного искусства” — так называли его немцы. За всю войну “Заводы Нибелунгов” в Сент-Валентине в Австрии успели изготовить 90 таких машин. Из них 85 участвовали в операции “Цитадель”. За пятьдесят дней боёв, пока длилась битва, немцы потеряли 39 “фердинандов”.

Гитлеру нужна была яркая и сокрушительная победа на Востоке. И ему казалось, что он готов её добиться.

50 дивизий изготовились для атаки. В их числе 12 танковых и 7 моторизованных. Около 10 000 орудий и миномётов. 2 758 танков и самоходных артиллерийских установок. 1 800 самолётов. 900 000 солдат и офицеров.

Накануне наступления немецким солдатам был зачитан приказ их фюрера:

“Солдаты!

В этот день вам предстоит участвовать в наступлении такого значения, что всё будущее войны может зависеть от его исхода. Более чем что-либо ваша победа покажет миру, что сопротивление мощи германской армии безнадежно... Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть всё...”

В русских окопах замполиты проводили политбеседы, командиры взводов и отделений снова и снова штудировали по специально отпечатанным листовкам-памяткам уязвимые места новых сверхмощных немецких танков и самоходок: “Бей по танку и в лоб и в затылок — бросай связку бутылок”, “Из окопа метко и стойко бей по танку бронебойкой”. То же самое происходило на позициях в районах Касторного, Боброва, Россоши и Острогожска, где изготовился к бою резервный Степной фронт. Были оборудованы учебные поля, на которых “тридцатьчетвёрки” утйожили учебные позиции, окопы и ходы сообщения, в которых лечили от “танкобоязни” пехотинцев. В войсках был зачитан приказ НКО СССР № 0387 от 24 июня 1943 года “О поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника”. Согласно этому приказу, например, расчёты противотанковых ружей получали следующую премию за каждый подбитый или подожжённый танк противника: наводчик — 500 руб.; второй номер ПТР — 250 руб. Экипажам танка: механику-водителю и командиру орудия (баш-

ни) — по 500 руб. каждому; остальным членам экипажа — по 200 руб. каждому. Такую же премию получали огневые расчёты артиллерийских орудий. Каждый боец и командир за лично подбитый танк “при помощи индивидуальных средств борьбы” получал премию в 1000 руб. Если в уничтожении вражеского танка, говорилось в приказе, участвовала группа бойцов-истребителей танков, то сумму премии поднять до 1500 руб. и выплачивать всем участникам группы равными долями. В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится подлинник этого документа, на котором рукой Сталина сделана поправка в пункте № 4, где сказано о премии для “группы бойцов-истребителей танков”: сумма в 1000 руб. зачёркнута и вписана фраза “поднять до 1500 руб.”

Для информации: 1 кг говядины тогда стоил 12 руб.; масла сливочного — 25 руб.; хлеба ржаного — 1 руб.; хлеба пшеничного — 1 руб. 70 коп.; колбасы полукопчёной “Краковской” — 23 руб.; бутылка водки 50% — 11 руб. 50 коп.; папиросы “Казбек” — 3 руб. 15 коп.; духи “Красная Москва” — 28 руб. 50 коп.; ботинки мужские, хромовые — 140 руб.; костюм мужской — 367 руб.

Степной фронт не зря сосредоточили именно здесь, от центра дуги к югу, так что он левым своим крылом закрывал Белгородско-Харьковское направление. Сталин, так же, как и Гитлер, колебался. Его пугала неуязвимость новых немецких танков. Не выходили из головы слова начальника артиллерии маршала Н. Н. Воронова: “У нас нет пушек, способных бороться с этими танками”. Слишком многое ставилось на карту. Слишком многое.

Конев старался больше бывать в войсках. Особенно часто заезжал к танкистам. Бывал в корпусах, в батальонах, в ротах. Разговаривал с экипажами, наблюдал за их боевой учёбой. О стрельбе боевыми снарядами по движущимся целям, конечно же, и речи быть не могло, но обкатку механиков-водителей командиры подразделений проводили. Конев знал, что некоторые экипажи прибыли на фронт вместе с боевыми машинами. Иногда это были рабочие заводов, которые давно рвались на фронт, и вот их, наконец, отпустили. Технику они знали хорошо. Но на поле боя понадобится и другое.

Глава двадцать третья

“ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ”

“Победа в этой битве была одержана наступлением”.

Немецкой “Цитадели” советские штабы противопоставили сразу две наступательные операции: “Кутузов” — атака левого крыла Западного (генерал В. Д. Соколовский), Брянского (генерал М. М. Попов) и правого крыла Центрального (генерал К. К. Рокоссовский) фронтов; и “Полководец Румянцев” — атака Воронежского (генерал Н. Ф. Ватутин), правого крыла Юго-Западного (генерал Р. Я. Малиновский) и Степного (генерал И. С. Конев) фронтов.

Говорят, Сталин сам придумывал кодовые названия операциям, которые разрабатывал Генеральный штаб. Так ли это, нет ли, но тот, кто дал наступательной операции на южном фланге Курской дуги название “Полководец Румянцев”, был человеком не просто образованным. Этот человек хорошо знал русскую историю. И русскую, и прусскую. Главный смысл названия — “Полководец Румянцев” — был спрятан в подтексте.

Во-первых, Румянцевых в русской истории было несколько. Взял полководец. Полное имя — Пётр Алексеевич Румянцев-Задунайский. Генерал-фельдмаршал. Граф. Это не покорило Сталина, если он согласился с кодовым названием операции. Начинать свою военную карьеру в эпоху правления Елизаветы Петровны, завершил в эпоху Екатерины Великой. В чём же подтекст кодового названия? Во-первых, Пётр Алексеевич родился в Приднест-

ровые. Оно, если взглянуть на карту, было перед фронтом советской группировки, которая должна была решать задачи предстоящей операции. Во-вторых, в некий период своей службы, уйдя от дел военных, Румянцев был губернатором Малороссии, затем наместником Курского и Харьковского наместничеств. Походом ходил на Рейн, отличился в Семилетней войне в 1757 году в Курляндии, где отменно побил пруссаков. А уже через год смелой атакой захватил Кёнигсберг. Затем Кунерсдорфское сражение, в котором он со своей дивизией в развёрнутом строю штыковой атакой опрокинул лучшие прусские войска и произвёл, таким образом, перелом в ходе сражения, исход которого до этого момента был не ясен. Пётр Алексеевич в этой атаке шёл в первой шеренге. Король Фридрих, видя атаку русских, поспешил покинуть поле боя настолько энергично, что потерял впопыхах свою треуголку. Она и теперь хранится в фондах Государственного Эрмитажа. После Кунерсдорфа была осада и взятие Кольберга и т. д. Генерал-фельдмаршал был прозван Задунайским за успехи в русско-турецких войнах. Их в биографии полководца было две, и обе принесли славу России и посрамление её врагов и недругов. Особенно яркой была победа армии Румянцева под Кагулом в 1770 году, когда русские разбили вдесятеро превосходившее турецкое войско. Битва произошла 21 июля.

В своих мемуарах Конев как-то неявно говорит о том, где он находился в момент начала Курского сражения и в первые дни. Ясно только, что на своём командном пункте, т. е. в штабе Степного фронта, его не было. Душа солдата не вытерпела тыла, и он выехал вперёд, на КП генерала Ватутина. В случае обострения ситуации и прорыва немцев именно отсюда ему лучше было управлять своими войсками. “В период оборонительного сражения командование и штаб Степного фронта внимательно изучали те направления, откуда в большей степени грозила опасность прорыва немецко-фашистских войск. Я побывал на правом крыле Воронежского фронта в районе Курска и в самом городе”.

В первый день до наступления ночи немцы смогли преодолеть первую полосу обороны 71-й, 67-й, 52-й гвардейских стрелковых дивизий, продвинулись до восьми километров в глубину русской обороны, но вскоре наткнулись на 3-й механизированный корпус генерала Кривошеина, стоявший гвардейцам в затылок в качестве второго эшелона.

Донесения одно за другим поступали на командный пункт Воронежского фронта. Конев читал их вместе с Ватутиным и членом Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущёвым и представителем Ставки маршалом Василевским. Когда наступила первая ночь, и сражение немного утихло, остановившись на рубежах, достигнутых немцами в вечерние часы, генералы вздохнули с облегчением. Стало ясно, что противник начал вязнуть в обороне первого эшелона. С левого фланга, где наступали XI армейский и III танковый корпус оперативной группы “Кемпф”, от генерала Шумилова (7-я гвардейская армия) пришло донесение, что противник смог переправиться через Северский Донец и создал несколько плацдармов, что он остановлен и спешно проводит перегруппировку сил для нового удара.

Конев с особым вниманием принял это сообщение. Направление удара оперативной группы “Кемпф”, характер наступления, когда впереди шли танковые подразделения, а за ними в прорыв втягивалась основная часть войск, свидетельствовали о том, что противник экономит силы. Для чего? Вскоре стало ясно, что группа “Кемпф” должна обеспечить прикрытие всей операции на юге с восточного фланга. Если дать ей продвинуться вдоль Северского Донца через Корочу, то немцы отрежут левое крыло Степного фронта от Воронежского и блокируют возможность участия первого в сражении.

Позже, когда стали подводить итоги битвы, и ещё позже, когда поля сражений распахали под озимые и яровые, а генералы и маршалы засели за мемуары, просочились некоторые сведения, которые объясняют некоторые неудачи и просчёты советской обороны. К примеру, командующий 6-й гвардейской армией генерал Чистяков, любивший хорошенько покушать, в момент немецкой атаки решил позавтракать. В это время к нему на командный

пункт прибыл командующий 1-й танковой армией генерал Катукон и член Военного совета Попель. Катукон с Попелем приехали, конечно же, не на яичницу с ветчиной, а чтобы в момент начала немецкого наступления быть поближе к передовой. Но хозяин передового КП, демонстрируя своё гостеприимство, а также спокойствие перед битвой, настаивал на завтраке под яблонями. Этакая шляпа с черешнями перед возможной пулей в лоб... Попель вспоминал: “На столе была холодная говядина, яичница, графин с холодной, судя по запотевшему стеклу, водкой и, наконец, тонко нарезанный белый хлеб — командарм не изменял своему обыкновению”. И тут немецкая артиллерия начала пристрелку. Над яблонями, под которыми был накрыт стол, расплылось “пристрелочное облако шрапнели”. Прибежал помощник начальника штаба и доложил, “торопливо и неуверенно”, что немцы прорвали фронт и приближаются к командному пункту.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что этот сюжет вскоре стал известен в штабе Воронежского фронта. В 41-м таких генералов расстреливали. Если сравнить с “завтраком под яблонями” поведение во время прорыва немцев под Белостоком и Минском командующего 4-й армией генерала Коробкова, которого расстреляли вместе с командующим фронтом генералом Павловым, то можно прийти к выводу, что Коробкова казнили ни за что и что как офицер, командующий армией, Коробков был значительно выше и дисциплинированней Чистякова. Вот для таких командиров у Конева была вытесана палка... Невольно задумаешься о её нравственном оправдании, когда читаешь истории, подобные “завтраку под яблонями” на фоне “неожиданной” танковой атаки немцев. Но командующий 6-й гвардейской не был подчинённым Конева.

Особенно удручающими были сообщения о результатах налётов немецкой авиации.

Но были и радостные сообщения, которые постепенно начали выстраиваться в общую картину, свидетельствующую о том, что наступление противника вязнет в глубокоэшелонированной и тщательно подготовленной обороне. Войска держатся. Оборона и тверда, и эластична одновременно. Истребители танков быстро нашли слабые места немецких “пантер” и “фердинандов”. Пехота успешно противостоит самоходкам. Земляные сооружения, блиндажи и укрытия помогли пережить интенсивную артподготовку. О мощи артогня в полосе обороны 6-й гвардейской армии написал немецкий историк: “Подобной концентрации огня артиллерии и тяжёлого оружия на столь узком участке фронта в этой войне ещё не достигали. Между Белгородом и Герцовкой за пятьдесят минут было выпущено больше снарядов, чем за кампании против Польши и Франции, вместе взятые”. Поэтому беспокойство, выдержит ли первый эшелон, особенно пехота и противотанковые полки прямой наводки, артиллерийское наступление немцев и налёты штурмовой авиации, было обоснованным. Гвардейцы устояли.

С “фердинандами” тоже научились бороться. Часть из них осталась на минных полях. Несколько штук подбито истребителями танков. Пехота перестала бояться этих колоссов. Дело в том, что бойцы быстро поняли: “фердинанд” не способен маневрировать с той же лёгкостью, как это, к примеру, делают немецкие танки и штурмовые орудия “штурмгешютце”, кроме того, он не обладает противопехотным вооружением, у него нет ни одного пулемёта, а поэтому на близком расстоянии со своей жёстко закреплённой пушкой он безопасен, и его можно достать кумулятивной гранатой, подложить под гусеницы противотанковую мину или забросать бутылками с горючей смесью.

Сражения набирало силу. С каждым часом в него с обеих сторон волей командиров вовлекались новые и новые подразделения. Тысячи умирали под пулями и осколками, в огне и под взрывами бомб и снарядов, но десятки тысяч тут же сменяли их, продолжая нещадно истреблять друг друга. Немецкий историк Пауль Карель отметил: “Даже Сталинград, несмотря на его более апокалиптическую и трагическую ауру, не выдерживает сравнения с грандиозным сражением у Курска по количеству участвовавших в нём сил”.

И вот, наконец, наступил кульминационный момент сражения на южном участке дуги. В районе Поньрей 7 июля произошло встречное сраже-

ние. Противник остановился. 9 июля снова атаковал, теперь уже на обоим направлении на десятикилометровом участке фронта силами до 500 танков и самоходных орудий. Генерал Ватутин маневрировал резервами. Но таранный удар в районе Обояни остановить не удалось. Немцы углубились до 35 километров.

В районе Прохоровки немцы ввели в бой 4-ю танковую армию — 700 танков и штурмовых орудий. Гот, похоже, решил взять реванш за Сталинград. И у него на этот раз действительно получалось значительно лучше.

В какой-то момент произошло то, чего очень боялся Конев. Ставка начала растаскивать его группировку и бросать армии на угрожаемые участки. Годы спустя он с горечью напишет: "...ввод в сражение стратегических резервов по частям никогда не способствовал достижению крупных целей. Об этой говорит и история Первой мировой войны.

12 июля на рассвете из Ставки позвонили. Генерал Антонов с тревогой сообщил: на белгородском направлении противник силою до 200 танков при поддержке мотопехоты прорвал оборону 69-й армии и почти беспрепятственно продвигается в глубину. Коневу обстановка была известна, и он уже предполагал, что сейчас услышит от Антонова.

Его лучшие армии — 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая передавались в распоряжение Ватутина. Им предстояло совершить трёхсоткилометровый марш и занять исходные. 5-я гвардейская генерала Жадова развёртывалась в полосе обороны от Обояни до Прохоровки. А Ротмистров сосредотачивался севернее Прохоровки.

О том, что произошло с 5-й гвардейской танковой армией, историки спорят до сих пор. Армия вскоре практически перестала существовать. Часть танков была уничтожена немецкой авиацией ещё на марше. Часть погибла в сражении под Прохоровкой. Даже Сталин был взбешён, узнав о таких потерях, и назначил следствие. Генерал Ротмистров, ставший вскоре маршалом бронетанковых войск, обладал удивительной способностью выкручиваться из самых, казалось бы, висельных ситуаций. Удивительное дело: под началом Конева Ротмистров воевал хорошо и даже блестяще. Но как только оказывался далеко от палки командующего, дело у него буквально валялось из рук. В 44-м оказался на 3-м Белорусском фронте, и вот результат. Уже будучи маршалом бронетанковых войск, попал под горячую руку молодого генерала Черняховского и был уволен с фронта в тыл до окончания войны.

12 июля стало очевидным, что немцы на курском направлении выдохлись. 3 августа после мощной артиллерийской подготовки, при поддержке авиации в наступление двинулись войска Воронежского и Степного фронтов. Направление — Белгород и Харьков.

Конев в это время имел под рукой следующие силы: 69-я армия, 53-я армия с 1-м механизированным корпусом, 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом, 7-я гвардейская армия, 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом. С разрешения Ставки в оперативное подчинение, в случае крайней необходимости, переходила 4-я гвардейская армия генерала Кулика.

Разжалованный, лишённый маршальских звёзд Кулик к этому времени дослужился до генерал-лейтенанта и успешно командовал одной из самых сильных армий, сосредоточенных на южном фланге Курской дуги.

В ходе начавшегося наступления в состав Степного фронта вернули 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и пополненную новой техникой, экипажами и вооружением 5-ю гвардейскую армию генерала Ротмистрова.

Накануне наступления на командный пункт Конева в Корочу приехали Жуков и Василевский. Оба к тому времени маршалы. Жуков получил маршальскую звезду в январе, Василевский в феврале, через несколько дней после присвоения звания генерал армии. Оба с новенькими орденами Суворова I степени.

Воинская же слава Конева в те дни только начиналась.

В Корочу Конев и прибывшие из Москвы маршалы обсудили итоги первого этапа сражения в районе Курска, а затем наметили план наступления войск Степного фронта. В ходе наступательной операции "Полководец Ру-

манцев” должны вводиться в дело основные стратегические резервы, накопленные и сохранённые Ставкой к началу августа.

Конев, в душе понимая, что настает и его решающий час, который может стать часом славы и всего Степного фронта, и его личной, испытывал противоречивые чувства. С одной стороны — наконец-то и он переходит в наступление. Уже месяц томился в резерве, стоял в чистом поле, как Андрей Болконский со своим полком. Его армии и корпуса выдвигали вперёд, бросали под танковые клинья и бомбы немецкой авиации, чтобы выправить критическое положение, создавшееся у Ватутина. А теперь... С кем ему наступать?

Но Жуков сразу успокоил, перечислил армии и соединения, танковые и механизированные корпуса и бригады, которые передавались Степному фронту. Итог совещания в Короче Жуков подвёл так:

— Ваша задача, Иван Степанович, удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении. Прорвать оборону противника, рассечь его белгородско-харьковскую группировку и во взаимодействии с частями Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, очистить Харьковский промышленный район. — Маршал скользнул карандашом по карте на запад. — А дальше — Днепр. Если дела пойдут хорошо — Полтава и Кременчуг.

Впоследствии, когда И. С. Конев работал над мемуарами, он снова и снова переживал в памяти те дни и ночи в степи под Корочью. В Степном фронте, в той силе, которая стояла за спиной Воронежского фронта, он видел большие возможности, которые Красной армии тогда, летом 43-го, так и не удалось реализовать в полной мере.

Перед Коневым в районе Харькова и Белгорода стояла мощная группировка противника общей численностью до 300 000 человек, свыше 3 000 орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий и более 1 000 самолетов.

В июле-августе 41-го танки Гота сокрушали оборону 19-й армии, терзали стрелковые корпуса и дивизии, не успевшие развернуться в боевой порядок и занять оборонительные рубежи. Маятник войны качнулся в обратном направлении. И теперь Готу нужно было выдержать натиск войск генерала Конева. Разница состояла лишь в том, что обороняющаяся сторона к моменту схватки была развёрнута и имела хорошо укрепленные, заблаговременно построенные рубежи.

И 4-я танковая армия, и оперативная группа “Кемпф” входили в группу армий “Юг” под командованием одного из лучших фельдмаршалов Германии Эриха фон Манштейна.

В 4-ю армию, в свою очередь, входили два корпуса: LI армейский корпус в составе трёх пехотных дивизий и II танковый корпус СС обергруппенфюрера СС Пауля Хауссера. С последним Коневу тоже довелось сталкиваться в подмосковных полях в 41-м.

В оперативную армейскую группу “Кемпф” входили три танковых и одна пехотная дивизии. Одна из них, 7-я танковая, преследовала Конева от Витебска до Ржева. Один из танков этой дивизии он сам подбил из “сорокапятки”, брошенной артиллеристами на шоссе Смоленск—Витебск, когда немецкая колонна внезапно преградила путь штабному кортежу.

Первой атаковать противника должна была 57-я армия генерала Гагена. На семикилометровом участке для обеспечения прорыва было сосредоточена основная ударная мощь артиллерии. Плотность превышала 300 орудий и минометов на один километр фронта.

Рассекающий удар наносили две танковые армии Степного и Воронежского фронтов.

Это была уже другая война. В 41-м под Москвой одной дивизии, в которой едва насчитывалось по батальону активных штыков в каждом полку, приходилось удерживать участок фронта, втрое и вчетверо превышающий тот, который занимала армия Гагена.

Противник держался прочно. Тактическая полоса состояла из главной и вспомогательной. Общая глубина — до 20 километров. Главная линия —

двухполосная, глубиной 6—8 километров. Мощные опорные пункты оснащены всеми видами вооружений, между собой соединены ходами сообщения полного профиля. Вторая линия имела глубину 2—3 километра. Между ними промежуточные и отсечные позиции. Инженерные заграждения, минные поля. Противотанковые районы.

Артиллерийское наступление буквально сокрушило передовые оборонительные рубежи противника. Ветераны из стрелковых частей, которые первыми пошли в атаку, рассказывали, что первые пленные, которых они захватили в полуразрушенных окопах, находились в состоянии полной прострации. Некоторые так и не пришли в себя, навсегда потеряв рассудок. Такое Конев наблюдал в 41-м в своих окопах. Теперь всё изменилось.

В конце дня, когда уже определился характер боя — прорыв произошёл, — Жуков докладывал Сталину: “Сегодня, 3.8.43 войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5:00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учетом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так:

5 минут огневой налет артиллерии, минометов, “катюш” и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника.

35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжелого калибра.

1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы “катюш”.

20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и минометный огонь.

45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на передний край обороны противника.

Авиация в течение дня действовала по следующему плану.

Первый бомбовый удар был произведен по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления.

Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника.

Первый удар штурмовиков произведен в 7.55, то есть в момент подъема пехоты в атаку, и продолжался непрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, минометов противника и огневых точек на обратных скатах...

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника”.

Но уже на следующий день противник предпринял ряд контрмер, сопротивление усилилось. Гот начал перебрасывать резервы и пытаться закрывать ими прорывы, ликвидировать опасные вклинения. Однако напор был столь силен, что уже к утру 5 августа дивизии 7-й гвардейской армии генерала Шумилова вышли к Белгороду и начали обтекать город, блокируя все дороги и направления.

И. С. Конев вспоминал, что бои за Белгород имели ожесточенный характер. Немцы понимали, что они теряют с падением города, превращенного ими в твердыню.

Белгород переживал вторую оккупацию. Немцы вошли в город 24 октября 1941 года и стояли здесь до 9 февраля 1943 года, до своего сокрушительного поражения под Сталинградом. Но вскоре вновь отбили Белгород. Произошло это 18 марта 1943 года.

Конев торопил своих командармов первого эшелона. Вперёд! Вперёд! Ни в коем случае не сбавлять темпа наступления!

5 августа 7-я гвардейская армия и 69-я армия генерала Крюченкина штурмом преодолели укрепления по обводу Белгорода, ворвались в кварталы и быстро начали продвигаться к центру. К полудню стало окончательно ясно, что город взят.

В тот же день за сотни километров севернее по фронту, в деревне Хорошево близ Ржева, произошло вот какое событие.

Накануне Сталин решил выехать на фронт. Это была его первая и единственная поездка на передовую. Спецэшелон, на котором он отправился к месту назначения, был замаскирован под обыкновенный товарняк с пиломатериалами и дровами. Остановился в крестьянском доме. Вызвал к себе командующего Калининским фронтом генерала Ерёмко. В мемуарах Ерёмко эпизод встречи его со Сталиным 5 августа 1943 года описан во всех мыслимых и немыслимых подробностях. В самый разгар их беседы в дверь постучались, вошёл комиссар госбезопасности 2-го ранга, он же заместитель наркома внутренних дел Серов и доложил:

— Нашими войсками взят Белгород.

Сталин сразу заметно оживился, настроение у него поднялось. И вдруг он начал рассуждать примерно в таком духе: в прежние времена, когда русские войска где-то одерживали победу, во всех церквях били в колокола, славили победу и победителей.

— Как вы думаете о том, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли сегодня Орёл и Белгород?

Все ответили положительно.

Тогда Сталин позвонил Молотову:

— Вячеслав, распорядись... — И так далее. При этом предупредил, чтобы салют не давали без него. И тут же уехал в Москву.

Как только Левитан передал в эфир сообщение об освобождении городов Орла и Белгорода, в Москве, распродоточившись по разным районам, чтобы выстрелы были слышны везде, 124 горных орудия отсалютовали двенадцатью залпами.

Отличившимся дивизиям и частям Верховный приказал присвоить почётные наименования “Орловская” и “Белгородская”.

В штабах армий, корпусов и дивизий Степного фронта командиры писали репортажи на награждение отличившихся.

В конце июня 1942 года Конев был награждён орденом Кутузова I степени, а через месяц — орденом Суворова I степени. Имя Суворова особенно вдохновляло его. Через год, даже немного раньше, в мае 44-го, он получит ещё один орден Суворова той же I степени. Для маршала они на всю жизнь остались самыми дорогими наградами родины.

Результаты наступления Степного фронта были потрясающими. Хотя И. С. Конев потом будет сожалеть об упущенных возможностях из-за раздёрживания Ставкой стратегических резервов. Прорыв углубился до 60–80 километров. Танковые армии продвинулись до 100 километров. Ширина прорыва составляла до 120 километров.

Группа армий “Юг” оказалась разрезанной на части. Фельдмаршал Манштейн был в панике. Он срочно перебрасывал на белгородско-харьковское направление свой главный ударный резерв: мотопехотные и танковые дивизии СС “Рейх”, “Мёртвая голова”, “Викинг”, из района Донбасса перегруппировывал 3-ю танковую дивизию, а также элитную дивизию “Великая Германия”. Сюда же по приказу Манштейна спешили и другие части усиления.

Вот как вспоминал атмосферу тех дней бывший помощник командующего фронтом генерал М. И. Казаков: “В один из тех горячих июльских дней на КП командующего 53-й армией неожиданно появился Иван Степанович. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: Конев вообще большую часть времени проводил в войсках — таков его стиль. А тут у нас еще случилась какая-то заминка — темп наступления заметно снижался...”

— Перед вами и немцев-то, наверно, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, выслушав командарма генерала И. М. Манагарова.

Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой...

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всем разберемся, — перебил меня Конев.

Фронтовые сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине...

Хорошо помню необработанное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник..."

Дорога к Харькову не была для войск Степного фронта дорогой непрерывного марша вперёд. Бои, бои, бои...

И вот, наконец, подошли к Харькову.

6 августа Верховный утвердил план Харьковской наступательной операции.

За ходом операции следил представитель Ставки маршал Жуков. В ночь на 10 августа он получил из Москвы телеграмму следующего содержания: "Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссе-ных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катюкова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа".

Жуков тотчас выехал к Коневу. В план операции были внесены срочные коррективы.

Танковые армии устремились к указанным рубежам. Пехота Степного фронта тем временем выходила к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Сюда стягивалась артиллерия. На общем направлении, помогая танкам и стрелковым дивизиям, действовала авиация.

Манштейну необходимо было спасти 4-ю танковую армию Гота и оперативную группу "Кемпф", не допустить их окончательного разгрома. И Манштейн нашёл выход.

Воронежский фронт наступал так же стремительно, сломя голову, зачастую не особенно заботясь о закреплении захваченной территории и обеспечении флангов. И Манштейн наказал Ватутина за неосмотрительность: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18–20 августа — из района западнее Ахтырки немцы нанесли мощнейшие контрудары. Как вспоминал генерал Штеменко, в тот период начальник оперативного управления Генштаба, "всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточенных боев 17–20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшились".

Когда об этом доложили Сталину в ночь на 22 августа, он отреагировал мгновенно:

— Садитесь и пишите директиву Ватутину, — приказал Верховный генералу Штеменко. — Копию пошлите товарищу Жукову. События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам.

В своих “Записках...” И. С. Конев впоследствии корректно заметит: “В мою задачу не входит разбирать причины неудач”. И это ещё одна человеческая черта нашего героя.

В один из дней Конев приехал на передовой НП генерала Шумилова.

— Ну, что тут у вас, Михаил Степанович? По заводу лупите? — сказал он и наклонился к стереотрубе.

Одна из дивизий 7-й гвардейской армии вплотную подошла к Харьковскому тракторному заводу. Видно было, как пехота окапывается, охватывая полукольцом заводские корпуса.

— Приказ мои люди знают. Приказ доведён, — сказал Шумилов. — Как видите, тяжёлую артиллерию не применяем. А жаль, Иван Степанович. Вот если бы развязать моим гвардейцам руки да усилить танками...

— Нельзя. Размолотят твои гвардейцы завод, а вместе с ним заодно и город в два счёта.

— Это так.

Харьков было приказано брать, не причиняя городу значительных разрушений. А это означало — пехотой. Людьюми. Класть перед немецкими дотами и окопами людей. Вот что было невыносимо. И оба генерала, стоя на передовом НП и наблюдая, как копошится впереди, у корпусов Харьковского тракторного завода пехота, это прекрасно понимали.

Но понимали они и то, что они штурмуют *свой* город и отбивают у противника *свой* завод, где завтра будут ремонтироваться подбитые в бою “тридцатьчвёрки” и КВ. Вот почему перед штурмом Харькова было принято решение: ни в коем случае не допустить, чтобы город переходил из рук в руки.

Впоследствии цеха Харьковского тракторного завода будут оперативно ремонтировать бронетехнику его армий и танковых корпусов. Боевые машины, получившие в бою увечья различной степени, будут быстро возвращаться в строй именно благодаря тому, что ХТЗ смогли захватить, не допустив значительных разрушений.

Многострадальный Харьков. Ветераны, а потом и историки назовут его “проклятым местом Красной армии”. Харьков до этого наши войска освобождали дважды: в 42-м и 43-м, в феврале. Но не удержали.

К концу дня Конев объехал все передовые НП своих войск и принял решение, что наиболее выгодное положение для штурма Харькова у 53-й армии генерала Маннагарова. К тому же для Ивана Мефодиевича Маннагарова эти края — родина.

Все эти дни Конев находился на передовом НП генерала Маннагарова. Узнав о месте нахождения командующего, сюда зачастили партийные руководители УССР. Они были недовольны затянувшейся осадой “второй столицы” Украины. Нетерпеливо спрашивали, когда начнётся штурм. Конев отмалчивался, не желая раскрывать оперативных сведений. Те воспринимали это как нерешительность командующего. Уезжали ни с чем, ещё более раздражённые.

Маннагаров как-то сказал, кивнув в поле, за которым в дыму виднелись городские кварталы:

— Вот бы, Иван Степанович, запереть их там.

Конев качнул головой:

— Силёнок маловато. — И подумал: если бы Ватутин не ввязался в танковые бои у Богодухова, да часть своих сил перебросил Юго-Западный фронт...

11 августа общевойсковые армии начали наступление. В первые же часы продвинулись вперёд и завязали бои в траншеях. На некоторых участках это были схватки, переходящие в рукопашные.

7-я гвардейская прорвалась в город с северо-востока. 57-я форсировала реку Роганку и смяла немецкую оборону на внешнем обводе. 69-я подавила узлы сопротивления в районах Черкасское, Лозовое и Большая Даниловка, штурмовала северные кварталы Харькова. 53-я захватила выгодные рубежи на северо-западной окраине города. Тем временем 5-я гвардейская танковая армия охватила харьковскую группировку противника с запада и юго-запада.

22 августа Манштейн понял, что Конева ему не остановить, что промед-

ление чревато окружением харьковской группировки, и, вопреки требованию Гитлера Харькова не отдавать ни при каких обстоятельствах, принял решение на отвод войск в южном направлении.

Конеv ждал этого момента, и как только разведка сообщила о том, что противник снимается с позиций и начал отход, приказал начать ночной штурм Харькова. Всю ночь на 23 августа в городе шли упорные уличные бои.

Утром Конев проехал по улицам, заполненным дымом, гарью и его войсками, вернулся на КП и позвонил в Москву. Об успехах он всегда докладывал лично.

Было раннее утро, и он знал, что Сталин после долгой ночной работы в эти часы обычно ещё спит. Он позвонил Поскрёбышеву. Тот ответил:

— Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

— Да поймите же вы, нашими войсками освобождён Харьков! — попытался убедить он неумолимого секретаря.

Тогда Конев решил позвонить по прямому телефону. Телефон долго не отвечал. Телефонистка, соединявшая его с кабинетом Сталина, начала волноваться.

— Звоните ещё, — настаивал он. — Звоните. За последствия отвечаю.

И вот в трубке послышался знакомый голос с хрипотцой:

— Слушаю.

— Звонит Конев. Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

— Поздравляю! — тут же ответил Верховный радостным голосом. — Салютовать будем по первому разряду.

Теперь Конев понимал, что заслужил не только доверие, но и любовь Верховного.

26 августа 1943 года Коневу было присвоено воинское звание генерал армии. А на следующий день вышел указ о награждении его орденом Суворова I степени.

Впереди был Днепр.